

В. Трескин

18

СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ТОМ III

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. ТЫНЯНОВА И Н. СТЕПАНОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

1917 — 1922

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 101

Отпечатано для Издательства писателей
в Ленинграде тип. ф-ки „Светоч“, в ко-
личестве 3.200 экземпляров — 12¹/₄ л.
Заказ № 1716. Ленинградский Областлит
№ 55833. Суперобложка и переплет
художника М. Кирнарского.
1931

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Достойны славы пехотинцы,
Закончив бранную тревогу.
Но есть на свете красотинцы
И часто с ними идут в ногу.
Вы помните, мы брали Перемышль
Пушкинианской красоты, —
Не может быть, чтоб вы не слышали
Осады вашей высоты.
Как судорга — пальба Кусманека,
Иль Перемышль старый старится?
От поцелуев нежных странника
Вся современность ниагарится.
Ведь только, только Ниагаре
Воскликну некогда: товарищ!
(Самоотрицание в анчаре,
На землю ласково чинарясь).
А вы, старейшие из старых,
Старее, нежели Додо,
Идите прочь! не на анчарах
Вам вить воробушка гнездо.
Для рукоплескания подмышек
Раскрывши свой увядший рот,
Вас много, трепетных зайчишек,
Скакало в мой же огород.
В моем пере на Миссисипи
Обвенчан старый умный Нил.
Его волну в певучем скрипе
Я эхнатэнственно женил.

На небо восходит Суа`
С востока приходят с улыбкой Суэ **.
Бледнея шатаются нашей земли
Не могут набег отразить короли.
Зовут Суэ князя Веспуччи,
Разит он грозойю гремучей.
Чипчасы шатаются, падая,
Победой Суэ окровавленно радуя.
И вот Монтезума, бледнея, пришел.
И молвил: „О, боги! вам дали и дол“,
Не смея сказать им: „О, братья!“
Но что же? На нем уж железное платье —
Суэ на владыку надели.
Он гордость смирил еле-еле.
Он сделался скоро темней и смуглей,
Он сделался черен, как пепел.
3 дня он лежал на цветах из углей.
3 дня он из клюва колибрины не пил.
На третий его на носилках уносят.
Как смерть их пришествие губит и косит.

* Суа — солнце.

** Суэ — сыны солнца (испанцы).

ИЗ ПОЭМЫ „МАРИНА МНИШЕК“

„Пане! Вольны вы
Меня пленить блестящим разговором,
Умом находчивым и спорым,
В котором все днепровская струя
И широко-синие заливы.
Но знайте! Я,
Если и слыву всех польских дев резвей
В мазурке пляске нежной,
В одежде панны белоснежной,
То знайте нет меня трезвей,
Когда имею дело с делом,
Я спорю с старцем поседлым“.
Смотрит ласково прищурясь и добавляет:
„Я не обещаю и не обольщаю,
Но юноша заключите свои самые пылкие желанья
В самую ужасную темницу;
Пока я не московская царица
Я говорю вам: до свиданья!“...
Ей покоренный юноша смотрит вслед
И хочет самому чуть слышный дать ответ:
„Панна...
В моих желаньях нет обмана“.

.
Марина села на колено
К отцу. Под звуки трубачей,
Дворни, шутов и скрипачей,
Вся раскрасневшись дочь прильнула
К усам отцовских седине;

И в шуме став с ним наедине
Шепнула:
„Тату... Тату... Я буду русская царица!“...
Не верит и смеется,
И смотрит ласково на дочку,
И тянет старый мед,
И шепчет: „Мне сдается
Тебя никто сегодня не поймет“.

.....

ПЕРУН

Пою,
Что палки бросает Перун,
Паря, точно палка себя,
Из точки пустоты,
Как палка пустоты,
Пышет пальбою тех пуль,
Что пламенем стали полых
Пилок пения пороха.
Пение пыли из пены,
[Когда влава водного слова полна
Пузырей пустоты]
Пазы пузырей у певучего слова.
И в песне пещеры
И почки и печени,
Как палки, как полые палки,
Что волят пустынных полей,
Слова растянули молвы.
И ты, что пустынною пеной пылишь,
Пузырный Перун. Пастух пустоты
Пестуешь ты пламенный порох.
Я тоже пою.
[Избыток пустот. Слова стали пеной
И прыгают в пение Перуна]
Пружинною пяткою пенистых пеней
На пальцах из песен.
[Я порохом звучным зажегся, горю я, горю,
А он, раздвигаемой палками пламенем
Звучных частиц, бросился в печи размеров,

Бросился полыми пушками слов
Звучного пламени пения].
Пламенем в пении понесся прямое,
Прямое как палка пещер пустоты,
Пернатый пустыми полями, палимый,
Я из почки пустой и палимой
[Пальбою мольбы в Перуна
Стать пеной пузырярной].
Пением полых пламен,
Пением поля пузыряря
Пламенно-полюй Перун.
[Ведь ежели точка из точки бежит
И палка растет между ними и дальше
толкает—
Это Перун раздвигающий точки,
Любящий пену, пляску и песни,
Любящий порохом прыгать, как пены
прыжок,
Любящий в пламени пороха пули,
Пули пылинок поющий печек.]
Но песня пещер, но песни пустот
Пений пещеры.
Пений пещеры,
Что пулями пятки
Песней палат, как пламени полых пещер.
[Пушкой пушистой Перуна,
Пламенем пуха перунова]
На пальцах пера пустоты
[Палками мечут в время и место]
И палкой пылают как почки.
Прыгают, пляшут
Под пение первой пещеры,

Пастух пустоты
Пестуй, пылая печени полых полей.
Первый и первый и первый Перун.
Пещерный Перун. Перун пещерный.
Пением первый первых пещер.
Первою палкой пари
По пушистой поре [пороха],
Пернатым порогом пляшущей пены.
Палицей полого пения
Порохи пламенем пой.
Первые пороха пены
Пастью пушистую пей.
Праведный парень,
Пылкий Перун,
Правдой поющий пещер,
Печени пылом,
Первою птицею пламени
Полой порою порхая,
Парусы перьями порешь,
Порешь и пашешь перо.
[Пить пустоту первой поры]
Парнем на пляске пещер
Пары пылая паров
Пламенный порох.
Пламенный парень!
Паси пылкую почку
В пустую пещеру
[Печеней первой пещеры
Пламеней палки певицы.
О, пение пустот пещерами времени
И почкою певуча палка].
Падает палка в песни пещер!

Песенный парень парусом пламени
[Прет и парит по пучинам полей].
Палками пал пан
Пашни полей,
Пухом пушистым
Пиров пустоты.
Пиром пения птах.
Первый парень
Поры пещерных полей
Стань правдой поючих пещер.
Парусом песен,
Пламенной палкой питая
Пасть пустоты,
Пирующий пламенем,
Праведный парень,
Пылкий Перун.

Веко к глазу прилепленно приставив,
Люди друг друга, быть может, целуют,
Быть может-же просто грызут.
Книга войны за зрачками пылает,
Того, кто у пушки, с ружьем, но разут.
Потомок! От Костомарова позднего
Скитаясь до позднего Погодина,
Имя прочтете мое темное, как среди звезд Нева,
Среди клюкву смерти проливших за то, чему имя
старинное „родина“.

А имя мое страшней и тревожней
На столе пузырька
С парой костей у слов „осторожней,
Живые пока!“.

Это вы, это вы тихо прочтете
О том, как ударил в лоб,
Точно кисть художника, дроби ком,
Я же с зеленым гробиком
У козырька
Пойду к доброй старой тете.
Сейчас все чары и насморк
И даже брашна,
А там мне не будет страшно,
— На смерть!

Только мы, свернув ваши три годы войны
В один завиток грозной трубы,
Поем и кричим, поем и кричим,
Пьяные прелестью той истины,
Что Правительство Земного Шара
Уже существует:
Оно — Мы.

Только мы нацепили на свои лбы
Дикие венки Правителей Земного Шара,
Неумолимые в своей загорелой жестокости,
Встав на глыбу захватного права,
Подымая прапор времени,
Мы — обжигатели сырых глин человечества
В кувшины времени и балакири,
Мы — зачинатели охоты за душами людей,
Воем в седые морские рога,
Скликаем людские стада —
Эго-э! Кто с нами?
Кто нам товарищ и друг?
Эго-э! Кто за нами?
Так пляшем мы, пастухи людей и
Человечества, играя на волынке.
Эво-э! Кто больше?
Эво-э! Кто дальше?
Только мы, встав на глыбу
Себя и своих имен,
Хотим среди моря ваших злобных зрачков,
Пересеченных голодом виселиц

И искаженных предсмертным ужасом,
Около прибоя людского воя,
Назвать и впредь величать себя
Председателями Земного Шара.
Какие наглецы — скажут некоторые,
Нет, они святые, возразят другие.
Но мы улыбнемся как боги
И покажем рукою на Солнце.
Поволоките его на веревке для собак,
Повеяйте его на словах:
Равенство, братство, свобода,
Судите его вашим судом судомоек
За то, что в преддверьях
Очень улыбчивой весны
Оно вложило в нас эти красивые мысли,
Эти слова и дало
Эти гневные взоры.
Виновник — Оно.
Ведь мы исполняем солнечный шопот,
Когда врываемся к вам, как
Главноуполномоченные его приказов,
Его строгих велений.
Жирные толпы человечества
Протянутся по нашим следам.
Где мы прошли
Лондон, Париж и Чикаго
Из благодарности заменят свои
Имена нашими.
Но мы простим им их глупость.
Это дальнейшее будущее,
А пока, матери,
Уносите своих детей,

Если покажется где-нибудь государство.
Юноши, скачите и прячьтесь в пещеры
И в глубь моря,
Если увидите где-нибудь государство.
Девушки и те, кто не выносит запаха мертвых,
Падайте в обморок при слове „границы“:
Они пахнут трупами.
Ведь каждая плаха была когда-то
Хорошим сосновым деревом,
Кудрявой сосной.
Плаха плоха только тем,
Что на ней рубят головы людям.
Так государство и ты
Очень хорошее слово со сна —
В нем есть 11 звуков:
Много удобства и свежести.
Ты росло в лесу слов:
Пепельница, спичка, окурок,
Равный меж равными;
Но зачем оно кормится людьми?
Зачем отечество стало людоедом,
А родина его женой.
Эй! Слушайте!
Вот мы от имени всего человечества
Обращаемся с переговорами
К государствам прошлого:
Если вы, о государства, прекрасны,
Как вы любите сами о себе рассказывать
И заставляете рассказывать о себе
Своих слуг,
То зачем эта пища богов?
Зачем мы, люди, трещим у вас на челюстях

Между клыками и коренными зубами?
Слушайте, государства пространств,
Ведь вот уже три года
Вы делали вид,
Что человечество — только пирожное,
Сладкий сухарь, тающий у вас во рту;
А если сухарь запрыгает бритвой и скажет: мамочка!
Если его посыпать нами,
Как ядом?

Отныне мы приказываем заменить слова:
„Милостью божьей“ —

„Милостью Фиджи“.

Прилично-ли Господину Земному Шару
(Да творится воля его)

Поощрять соборное людоедство
В пределах себя?

И не высоким ли холопством
Со стороны людей, как едомых,
Защищать своего верховного Едока?

Послушайте! Даже муравьи
Брызгают муравьиной кислотой на язык медведя.
Если-же возразят,

Что государство пространств не подсудно,
Как правовое соборное лицо,

Не возразим-ли мы, что и человек
Тоже двуруковое государство

Шариков кровяных и тоже соборен.

Если-же государства плохи,
То кто из нас ударит палец о палец,
Чтобы отсрочить их сон

Под одеялом: навеки.

Вы недовольны, о государства

И их правительства,
Вы предостерегающе щелкаете зубами
И делаете прыжки. Что-ж!
Мы — высшая сила
И всегда сможем ответить
На мятеж государств,
Мятеж рабов, —
Метким письмом.
Стоя на палубе слова „надгосударство звезды“
И не нуждаясь в палке в час этой качки,
Мы спрашиваем: что выше:
Мы, в силу мятежного права,
И неоспоримые в своем первенстве,
Пользуясь охраной законов о изобретении
И объявившие себя Председателями Земного Шара,
Или вы правительства
Отдельных стран прошлого,
Эти будничные остатки около боен
Двуногих быков,
Трупной влагой коих вы помазаны?
Что касается нас, вождей человечества,
Построенного нами по законам лучей
При помощи уравнений рока,
То мы отрицаем господ,
Именующих себя правителями,
Государствами и другими книгоиздательствами
И торговыми домами Война и К⁰,
Приставившими мельницы милого благополучия
К уже трехлетнему водопаду
Вашего пива и нашей крови
С беззащитно красной волной.
Мы видим государства, павшие на меч

У встречных путей Прошлого и Будущего,
Мы также хладнокровно относимся
К замене ваших государств
Научно построенным человечеством,
Как к замене липового лаптя
Зеркальным заревом поезда.
Товарищи-рабочие! Не сгуйте на нас:
Мы, как рабочие-зодчие
Идем особой дорогой, к общей цели.
Мы — особый род оружия.
Итак боевая перчатка
Трех слов: Правительство Земного Шара —
Брошена.
Перерезанное красной молнией
Голубое знамя безволода,
Знамя ветренных зорь, утренних солнц
Поднято и развеивается над землей,
Вот оно, друзья мои!
Правительство Земного Шара.

Народ поднял верховный жезел,
Как государь идет по улицам.
Народ восстал, как раньше грезил.
Дворец, как Цезарь, раненный сутулится.

В мой царский плащ окутанный широко,
Я падаю по медленным ступеням,
Но клич — свободе не изменим!
Пронесся до Владивостока.

Свободы песни снова вас поют!
От песен пороха народ зажегся.
В кумир свободы люди перельют
Тот поезд бегства, тот, где я отрекся.

Крылатый дух вечернего собора
Чугунный взгляд косит на пулеметы.
Но ярость бранного позора —
Ты жрица рвущая тенета.

Что сделал я? Народной крови темных снегирей
Я бросил около пылающих знамен,
Подругу одевая как Гирей
В сноп уменьшительных имен.

Проклятья дни! Ужасных мук ужасный стон.
А здесь — о ржавчина и цвель! —
Мне в каждом зипуне мерещится Дантон,
За каждым деревом Кромвель.

Моих друзей летели сонмы
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы,
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь дам и дашь.
Теперь их грезный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже, куда они?

Ветер — пение.
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча быть мячем.
Люди лелеют день смерти,
Точно любимый цветок.
В струны великих, поверьте,
Ныне играет восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст,
И многих людей проводник
Я разум одену, как белый ледник.

Я видел
Выдел
Весен
В осень,
Зная
Зной
Синей
Сони.
А ты пяты
На мячике созвездия
Полет бросаешь,
В изгиб
Из губ
Свернув
Свой локоть
Белого излома.
Весной улики бога
Путь
Петь
Сосни,
Летая,
Сосне
Латая
Очи голубые
Узлами
Северных бровей
И голубей.
В стае
Сто их.

Москва — старинный череп
Глагольно-глазых зданий,
Висящий на мече раб
Вечерних не рыданий.

Я бы каменной бритвой
Чисто срезал стены эти,
Где осеннею молитвой
Перед смертью скажут дети.

И дева ночи черным тулом
Своих ресниц не осенит,
Она уйдет к глазам сутулым
Мое молчанье извинит.

В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за синей водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

На серебряной ложке протянутых глаз
Мне протянуто море и на нем буревестник;
И к шумящему морю, вижу, птичья Русь
Меж ресниц пролетит неизвестных.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло синей,
Но за то в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

Весеннего Корана
Веселый богослов,
Мой тополь спозаранок
Ждал утренних послов.
Как солнца рыболов
В надмирную синюю тоню
Закинувши мрежи,
Он ловко ловит рев волов
И тучу ловит соню,
И летней бури запах свежий.
О тополь рыбак,
Станом зеленый,
Зеленые неводы
Ты мечешь столба.
И вот весенний бог
(Осетр удивленный)
Лежит на каждой лодке
У мокрого листа.
Открыла просьба „небо дай“
Зеленые уста.
С сетями ловли бога
Великий Тополь
Ударом рога
Ударит о поле
Волною синей водки.

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Сквозь полет золотистого мячика
Прямо в сеть тополевых тенет
В эти дни золотая мать-мачеха
Золотой черепашкой ползет.

КАМЕННАЯ БАБА

Старик с извилистою палкой
И очарованная тишь.
И, где хохочущей русалкой
Над мертвым мамонтом сидишь,
Шумит кора старинной ивы,
Лепечет сказки по-людски,
А девы каменные нивы,
Как сказки каменной доски.
Вас древняя воздвигла треба.
Вы тянетесь от неба и до неба.
Они суровы и жестоки,
Их бусы — грубая резьба.
И сказок камня о востоке
Не понимают ястреба.
Стоит с улыбкою недвижимой,
Забытая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом.
Здесь девы скок темноволосой
Орла ночного разбудил,
Ее развеянные косы,
Его молчание удил!
И снежной вязью выются горы,
Столетних звуков твердые извивы.
И разговору вод заборы
Утесов, сверху падших в нивы.
Вон дерево кому-то молится
На сумрачной поляне.

И плачется и волится
Словами без названий.
О тополь нежный, тополь черный,
Любимец свежих вечеров!
И этот трепет разговорный
Его качаемых листов.
Сюда идет: пиши — пиши,
Златоволосый и немой.
Что надо отроку в тиши?
Над серебристою молвой?
Рыдать, что этот Млечный Путь не мой?
„Как много стонет мертвых тысяч
Под покрывалом свежим праха!
И я последний живописец
Земли неслыханного страха.
Я каждый день жду выстрела в себя.
За что? За что? ведь всех любя,
Я раньше жил, до этих дней,
В степи ковыльной, меж камней“.
Пришел и сел. Рукой задвинул
Лица пылающую книгу.
И месяц плачущему сыну
Дает вечерних звезд ковригу.
„Мне много ль надо? Коврига хлеба
И капля молока.
Да это небо,
Да эти облака!“
Люблю и млечных жен и этих,
Что не торопятся цвести.
И это я забился в сетях
На сетке Млечного Пути.
Когда краснела кровью Висла

И покраснел от крови Тисс,
Тогда рыдающие числа
Над бедным миром пронеслись.
И синели крылья бабочки,
Точно двух кумирных баб очки.
Серо-белая, она,
Здесь стоять осуждена,
Как пристанище козявок,
Без гребня и без булавок,
Рукой грубой указав
Любви каменный устав.

Глаза — серые доски —
Грубы и плоски.
И на них мотылек
Крылами прилег,
Огромный мотылек крылами закрыл
И синее небо мелькающих крыл,
Кружевом точек берёг
Вишневой чертой огонек.
И каменной бабе огня многоточие
Давало и разум и очи ей.
Синели очи и вырос разум
Воздушным бродяги указом.
Вспыхнула темною ночью солома?
Камень кумирный, вставай и играй
Игор игрою и грома, —
Раньше слепец, сторож овец,
Смело смотри большим мотыльком,
Видящий Млечным Путем.
Ведь пели пули в глыб лоб, без злобы,
чтобы

Сбросил оковы гроб мотыльковый, падал
в гробы гроб.

Гоп! Гоп! в небо прыгай гроб!

Камень шагай, звезды кружи гопаком.

В небо смотри мотыльком.

Помни пока эти веселые звезды, пламя
блистающих звезд,

На голубом сапоге гопака

Шляпкою блещущий гвоздь.

Более радуг в цвета!

Бурного лета лета!

Дева степей уж не та!

САЯН

1

Саян здесь катит вал за валом,
И берега из мела.
Здесь думы о бывалом
И время онемело.
Вверху широким полотнищем
Шумят тревожно паруса;
Челнок смутил широким днищем
Реки вторые небеса.
Что видел ты? Войска?
Собор немых жрецов?
Иль повела тебя тоска
Туда, в страну отцов?
Зачем ты стал угрюм и скучен,
Тебя течением несло,
И вынул из уключин
Широкое весло?
И, прислонясь к весла концу,
Стоял ты очарован,
К ночному камню одному
Был смутный взор прикован.
Пришел охотник и раздел
Себя от ветхого покрова,
И руки на небо воздел
Молитвой зверолова.
Поклон глубокий три раза,
Обряд кочевника таков.
„Пойми, то предков образа,

Соседи белых облаков“.
На вышине, где бор шумел,
И где звенели сосен струны,
Художник вырезать умел
Отцов загадочные руны.
Твои глаза, старинный боже,
Глядят в расщелинах стены.
Пасут оленя и треножат
Пустыни древние сыны.
И за суровым клинопадом
Бегут олени диким стадом.
Застыли сказочными птицами
Отцов письма в поднебесьи.
Внизу седое красное
Поет вечерними синицами.
В своем величии убогом
На темя гор восходит лось,
Увидеть договора с богом
Покрытый знаками утес.
Он гладит камень своих рог
О черный каменный порог.
Он ветку рвет, жует листы,
И смотрит тупо и устало
На грубо древние черты
Того, что миновало.

2

Но выше пояса писем,
Каким-то отроком спасен,
Убогий образ на березе
Красою ветхою сиял.
Он наклонился детским ликом

К широкой бездне перед ним,
Гвоздем над пропастью клоним,
Грозою дикою щадим,
Доской закрыв березы тыл,
Он очарованный застыл.
Лишь черный ворон с мрачным криком
Летел по небу нелюдим.
Береза, что ему сказала
Своею чистою корой,
И пропасть, что ему молчала
Пред очарованной горой?
Глаза нездешние расширил,
В них голубого света сад,
Смотрел туда, где водопад
Себе русло ночное вырыл.

МОРЯК И ПОЕЦ

Как хижина твоя бела!
С тобой я подружился.
Рука морей нас подняла
На высоту, чтоб разум закружился.
Иной открыт пред нами выдел.
И, пьяный тем что я увидел,
Я господу ночей готов сказать:
„Братишка!“,
И Млечный Путь
Погладить по головке.
Былое как прочитанная книжка,
И в море мне шумит братва,
Шумит морскими голосами,
И в небесах блестит братва
Детей лукавыми глазами.
Скажи, ужели святотатство
Сомкнуть что есть в земное братство?
И, открывая умные объятья,
Воскликнуть: звезды — братья! горы — братья!
боги — братья!

Сапожники! Гордо сияющий
Весь Млечный Путь
Обуви дерзкой дратва.
Люди и звезды — братва!
Люди! дальше окоп
К силе небесной проложим.
Старые горести — стоп!
Мы быть крылатыми можем.

Я, человечество, мне научу
Ближние солнца честь отдавать!
Ась, два, рявкая солнцам сурово.
Солнце! дай ножку!
Солнце! дай ножку.

Загар лица как ветер смугол,
Синел морской рубашки угол.
Откуда вы моряк?
Где моря широкий уступ
В широкую бездну провалится,
Как будто казнен Лизогуб
И где-то невеста печалится.
И воды носятся в дали
Уж покорены небесами,
Так головы, казненные Али,
Шептали мертвыми устами
Ему любимцу и пророку
Слова упорные „ты бог!“
И медленно скользили по мечу
И умирали в пыли ног,
Как тихой смерти вечера,
Когда рыдать и грезить нечего.

И чокаясь с созвездьем Девы,
И полночи глубокой завсегдатай,
У шума вод беру напевы,
Напевы слова и раскаты.
Годы прошедшие, где вы?
В земле нечитаемых книг!
И пело созвездие Девы:
Будь воин как раньше велик!

Мы слышим в шуме дальних весел,
Что ужас радостен и весел,
Что он у серой жизни вычет
И с детской радостью граничит.

МОИ ПОХОДЫ

Коней табун, людьми одетый,
Бежит назад, увидев море.
И моря страх, ему нет сметы,
Неодолимей детской кори.
Но имя Веры, полное Сибирей,
Узнает снова Ермака —
Страна, где замер нежный вырей,
И сдастся древний замок А.
Плеск небытия, за гранью веры,
Отбросил зеркалом меня.
О моря грустные промеры,
Разбойным взмахом кистеня!

ОСЕННЯЯ

Собор грачей осенний,
Осенняя дума грачей.
Плетня звено плетений,
Сквозь ветер сон лучей.
Бросают в воздух стоны
Разумные уста.
Речной воды затоны,
И снежный путь холста.
Три девушки пытали:
Чи парень я, чи нет?
А голуби летали,
Ведь им немного лет!
И всюду меркнет тень,
Ползет ко мне плетень.
Нет!

И черный рак на белом блюде
Поймал колосья синей ржи.
И разговоры о простуде,
О море праздности и лжи.
Но вот нечаянный звонок:
„Мы погибоша, аки обре!“
Как Цезарь некогда, до ног
Закройся занавесью! добре!
Умри, родной мой. Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
„Я тот, кого не беспокоят“.

КОРМЛЕНИЕ ГОЛУБЯ

Вы пили теплое дыхание голубки
И, вся смеясь, вы наглецом его назвали.
А он, вложив горбатый клюв в накрашенные губки,
И трепеща крылом, считал вас голубем? едва-ли!
И стая иволог летела,
Как треугольник зорь, на тело,
Скрывая сумраком бровей
Зеркала утренних морей.
Те низко падали как пение царей.
За их сияющей соломой,
Как воздухом погоды золотой,
Порою вздрагивал знакомый
Холма на землю лёт крутой.
И голубя малиновые лапки
В ее прическе утопали,
Он прилетел, осенне зябкий.
Он у товарищей в опале.

Я видел, бабр сидел у роши
И с улыбкой дышал в ствол свирели.
Ходили как волны звериные мощи
И надсмешкой взоры горели.
И с наклоном изящным главы
Ему говорила изящная дева.
Она говорила: о бабры и львы!
Вам не хватает искусства напева.

Полужелезная изба,
Деревьев тонкая резьба.
О белый ветер умных почек!
Он плещется в окно.
И люди старше нас
Здесь чтили память Гаршина.
Ему писателю дано
Попасть к тебе, безумью барщина!
Душою по лавинам
Безумных гор рассыпав крылья
И гибнуть пленником насилья.
- Души приказ был половинам:
Одной носиться по Балканам,
Другой сразиться с черным великаном,
Поймавшим аленький цветочек,
И сквозь железный переплет
Стремиться в лестницы пролет.
Русалка стройных пропастей
Тучу царапающего дома,
С четою черных дыр, с охапкою костей,
Кому ты не знакома?
Похожий на зарю цветков
И он, мучения венков!
Кругом безумного лица
Огонь страдания кольца.
С тех пор ручная молния вонзила
В покои свой прозрачный хлев
Прозрачный и высокий.

Свершилась прадедов мечта
Судьба людская покорила
Породу новую скота.
Хрипит русалкой голос дев,
Пророка сердце их потеха.
Понять их сердце не умеет,
Они узор вражды доспева.
Опять! Опять! все то же, то же!
Род человеческий — прохожий
Все той же сумрачной долины,
Где полог звезд надменно синий?
Лишь туч суровая семья
Бег неприятный осеняет,
Шатром верховное тая,
И ветер тени удлиняет.
Все неуютно, все уныло,
И все что есть, то было, было!
И к каждому виску народа
Приставлено по дулу;
И оба дали по посулу,
Что переменится природа
Страны заката и восхода.

— Милостивый государь, позвольте закурить!
Ключи стучат! Ключи! Нужно отворить!
— Давай, давай, будемте смолить!
— Есть спички? Ни черта!
— Милостивый государь, я пробыв во чреве у кита
Три ночи и три дня;
После французы, немцы и американцы спасли меня
У южной Африки зимой,
И Гинденбург — племянник мой!

— Дедушка-леший воду пронесит
Славянским хитрым простецом,
И думец меньшевик неясно просит:
„Как брату!“ (с брата жильцом)
Он бел и бледен, без кровинки.
„Как брату! дайте хлеб как брату“.
„Можно войти?“ — рычит медвежий голос.
— Я голоден! Славяне, скифы и германцы
Жили селами. Я голоден!
Уйдите, оборванцы!
Ну, буду убирать светёлку! —
Безумный беглыми руками играет Ребикова „Елку.“
— Ну что-же, новости какие?
Пал Харьков, скоро Киев.
Блестят имена Кесслера и Саблина,
Старо-Московская ограблена.
Богач летит, вскочив в коляску,
И по пятам несется труд.
В своей победе удалой,
Но пленных не берут,
Пять тысяч за перевязку,
А после голову долой.
В снегу на большаке
Лежат борцы ненужными поленами,
До потолка лежат убитые, как доски,
В покоях прежнего училища.
Где сумасшедший дом?
В стенах, или за стенами?

*

Москвы суровой клич:
„За черным золотом на Дон!“

— Ну что-ж! Москву покажут на Дону!
Прорубим на Кубань окно!
А мы махнем к Махно.
И, притаившись по лесам,
Подыдем ближе к небесам
Слуг белого цветка.
Блеснут погоны золотые,
Сыны Махно, сыны лихие,
Костры раскинут удалые,
И мерным звуком винтарей
Разят поклонников царей,
Где раньше погибал „Спартак“.
„Нет сдачи“ — пулей рокоча угрюмо,
А после кровный уносил рысак
На Дон далекий богача.
В объятых пушечного шума,
Где с мертвым бешенством у рта,
Навеки лег на боковую
Послушник вековому вечу,
С суровой раною на лбу, —
Ведут тяжелую пальбу.
И вот удачу боевую
Коней доверив табуну,
Промчалась алая Кубань
Волной воинственной мазурки,
Как мотыльки трепещут бурки.
Сабурка — мы, иль вы в Сабурке?
Ужели прав ваш сон кровавый,
Где поколения пропали,
Как вишни белые в цвету.
И мы безумные припали
Лицом к темничному стеклу?

— На Дон! На Дон!
Иль дико захохочет он:
„Железяку на пузюку! Стройся!“
А надзиратель крикнет: успокойся!
А он: быть по сему и бить по всему!

Страна Олелька и Украина!
Где дети бесчетные звезд!
В полях головки белокурые, у сельской хаты
Те же белые цветы.
[Но бьются лени и труды,
И носят храбрых кони куцые,
И над могильницей Байды
Стоят сыны Конфуция.
И сквозь курган к умершим некогда отцам
Доносится: „Мир — хижинам, война — дворцам!“.
Могилой серою,
Плитой могильною Серка,
Смотрел в окно холодный день.
Шатром конины
Голодных псов сокрыла туша.
Давно ли вишня, хмель и груша
Богинями весны цвели на Украине.
Ночей заплаканные очи
Стоят над Байдиной могилой,
И кто-то скачет что есть мочи
В долину красного цветка.
Земного шара рада
Витает над страной.
Где дикий половчин
Громил стрелюю пахаря
И жалось к дереву овечье стадо,

Как вопль смерти громок! —
Нагое тело без овчин
Лежит — не надо знахаря,
И также лег его потомок.
Пред смертью, что ему звучали:
Опришков голоса с Карпат,
Московский к бедноте набат?
Теперь засни и стань цветами!}

ПРАЗДНИК ТРУДА

Алое плавало, алое
На копьях у толпы.
Это труд проходит, балуя
Шагом взмах своей пяты.
Труднеделя! Труднеделя!
Кожа лоснится рубах.
Льется песня, в самом деле,
В дне вчерашнем о рабах,
О рабочих, не рабах!
И могучая раскатом
Песня падает, пока,
Озаряемый закатом,
Отбивает трепака.
Лишь приемы откололи
Сапогами впереди,
Как опять востоком воли
Песня вспыхнула в груди.
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в медный рот!
Веселым чародеям
Широкая дорога.
Трубач, обвитый змеем
Изогнутого рога.
Это синие гусары
На заснувшие ножи
Золотые лили чары
Полевых колосьев ржи.
Городские очи радуя

Огневым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит беззаботен.
И на площади пологой
Гулко шли рогоголовцы
— Битвенным богом
Желтый околыш, знакомый тревогам.
И на затылках, наголо остриженных,
Раньше униженных,
Черные овцы
Лица закрыли,
Кудри струили.
Суровые ноги в зеленых обмотках,
Ищут бойцы за свободу знакомых;
В каждой винтовке ветка черемухи —
Боевой привет красотке.
Как жестоки и свирепы
Скакуны степных долин!
Оцепили площадь цепи,
На макушках — алый блин!
Как сегодня ярки вещи!
Золотым огнем блеснув,
Знамя падает и плещет,
Славит ветер и весну.
Это идут трубачи,
С ног окованные в трубы.
Это идут усачи,
В красоте суровой грубы.
И как дочь могучей меди,
Меж богов и меж людей,
Звуки, облаку соседи,
Рвутся в небо лебедей!

Веселым чародеям
Свободная дорога,
Трубач сверкает змеем
Изогнутого рога.
Алый волос расплескался,
Точно дева площадь города,
И военного закала
Черны ветренные бороды.
Золото красными птицами
Носится взад и вперед.
Огненных крыл вереницами
Был успокоен народ.

СОВРЕМЕННОСТЬ

Где серых площадей забор в наместо:
„Будут расстреляны на месте!“
И на невесте всех времен
Пылает пламя ненависти.
И в город утомлен
Не хочет пахарь сена везти.
Ныне вести:
Донские капли прописав
Тому, что славилось в лони годы,
Хороните смерть былых забав
Века рубля и острой выгоды.
Где мы забыли, как любили,
Как предков целовали девы,
И паровозы в лоск разбили
Своих зрачков набатных хлевы,
Своих полночных зарев зенки,
За мовою летела мова
И на устах глухонемого
Всего одно лишь слово: „к стенке!“
Как водопад дыхания китов
Вздымалось творчество Тагора и Уэльса,
Но черным парусом плотов
На звезды мира, путник, целься.
Смертельный нож ховая разговором
Столетие правительства ученых,
Ты набрано косым набором,
Точно издание Крученых.

Над глухонемой отчизной: „Не убей!“
И голубой страницей голубей,
Пьяница пением посоха пуль,
Когда ворковало молчание гуль,
„Взвод направо, разом пли!
Ошибиться не моги! Стой — пали!
Свобода и престол,
Вперед!“
И дева красная, открыв подол,
Кричит: „Стреляй в живот!
Смелее прямо в пуп!“
Храма дальнего набат,
У забора из оград
Общий выстрел, дымов восемь, —
„Этот выстрел не в попад!“
Громкий выстрелов раскат.
18 быстрых весен
С песней падают назад.
Молот выстрелов прилежен,
И страницей ночи нежен,
По русалочьи мятежен
Умный труп.
Тело раненой волчицы
С белой пеной на губах?
Пехотинца шаг стучится
Меж малиновых рубах.
Так дважды падшая лежала

И ветра хладная рука
Покров суровый обнажала.
— Я видел тебя, русалку восстаний,
Где стонут!

Он город, старой правдой горд,
И красотой обмана сила,
И сделав смотр мятежных орд,
Жевал железные удила.
Всегда жестокий и печальный
Широкой бритвой горло режь.
Из всей небесной готовальни
Ты взял малиновый мятеж.
Он город, что оглоблю бога
Сейчас сломал о поворот,
Как тополь встал, чуть чуть тревога
Ему кривила умный рот.
Он синими глазами падали
Обвил холодную щеку.
Кукушка ласковая, надо-ли
Часам тоски пробить ку-ку?
Свой конский череп человека,
Его опутав умной гривой,
Глаза белилами калеча,
Он, меловой, зажег огниво.
Когда был пролит черный глянecь
Его таинственных зеркал,
Он удалялся самозванец
И жертву новую искал.
И если черное ведро
С ним, господином, неразлучно,
Его знакомое бедро
Чуть-чуть жирно, немного тучно.

И проклинаемый не нами
Под шорох ласковых страниц
Рассказ ночных зеркал о маме
Широкой тенью лился ниц.
И вечно слаб к тебе, о водка,
Воспет убийством в зеркалах,
Суровым камнем подбородка
Он опирался на кулак.
Он город синими глазами
Одел скулы холодной надписи,
И черным зеркалом заране
Он завывал деревне: нас спаси!
И полубог и забулдыга,
С улыбкою убийцы пьяницы,
Его развернутая книга
Навеки проклятой останется.

О город тучеед! костер оков несущий вперед,
с орлиным клювом!

Где громче тысячи быков
Стекланных хат ревела глотка.

Ведром небесное пространство ты ловишь
безустанно.

Черпал ночные бури в железоневод хат,
Жилой стекланный парус, плющем обвитый улиц,
Как бочка полая широк.

Стекланный дол, стекланные утесы, где вился улиц
хмель.

Еще угрюм, еще неловок
Весь город мчался как суда,
Где нависали облака
На медленных глазах веревок.

Как раньше шло растение на посохе зеленой
краски,

Весь город тою же тропиной шел, — из белой
зелени растение, —

Желая быть травой стекланный.

Ночей прибор ловил глазами в рыбацкий невод.

И не обманули никого его прозрачные глаза,

Когда сквозь них блестело солнце.

Старик железных стекломяс

Икрой железною завяз

Среди реки раскрытых книг —

Упруг, упорен и велик.

Старик стекланный тулупа,

Чьи волосы халупа над халупой,
Своих кудрей раскинув улей,
Где полдень заблудился пулей,
Надувши жилы на руке,
Бросал железосети
В ночную глубину,
Где тысячи очей,
Упрямым рыбаком,
За комом сетей ком.
Паук мостов опутал улицы,
Бросал лучи упорных ниток.
Ты город мыслящих печей
И город звукоедов,
Где бревна грохота,
Крыши нежных свистов,
И ужин из зари и шума бабочкиных крыл
На отмели морского побережья,
Где камни — время.

ГОРОД БУДУЩЕГО

Здесь площади из горниц, в один слой,
Стеклянную страницу повисли,
Здесь камню сказано „долой“,
Когда пришли за властью мысли
Прямоугольники, чурбаны из стекла,
Шары, углов, полей полет,
Прозрачные курганы, где легла
Толпа прозрачно чистых сот,
Раскаты улиц странного чурбана
И лбы стены из белого бревна,
Мы входим в город Солнцестана,
Где только мера и длина,
Где небо пролито из синего кувшина
Из рук русалки темной площади
И алошарая вершина
Светла венком стеклянной проседи,
Ученым глазом в ночь иди!
Ее на небо устремленный глаз
В чернила ночи ярко пролит.
Сорвать покровы на показ
Дворец для толп упорно волит,
Чтоб созерцать ряды созвездий
И углублять закон возмездий.
Где одинокая игла
На страже улицы угла,
Стеклянный путь покоя над покоем
Был зорким стражем тишины,
Со стен цветным прозрачным роєм

Смотрели старцы-вещуны.
В потоке золотого, куполе
Они смотрели мудрецы,
Искали правду, пытали глупо-ли
С сынами сеть ведут отцы.
И шуму всего человечества
Внимало спокойное жречество.
Но книгой черных плоскостей
Разрежет город синеву,
И станет больше и синей
Пустотный ночи круг.
Над глубиной прозрачных улиц
В стекле тяжелом, в глубине
Священных лиц ряды тянулись
С огнем небес на едине.
Разрушив жизни грубый кокон,
Толпа прозрачно светлых окон,
Под шаровыми куполами
Былых видений табуны,
Былых времен расскажет сны.
В высоком и отвесном храме
Здесь рода смертного отцы
Взошли на купола концы
Но лица их своим окном,
Как невод не задержат свет.
На черном вырезе хором
Стоит толпа людей завета.
Железные поля, что ходят на колесах,
И возят мешок толп, бросая общей кучей,
Дворец стеклянный, прямой чей старца посох,
Свою бросает ось, один на черных тучах,
Ремнями приводными живые ходят горницы

Светелка за светелкою, серебряный набат,
Узнавшие неволю веселые затворницы,
Как нити голубые стеклянных гладких хат.
И озаряя дол,
Верхушкой гордой цвел
Высокий горниц ствол,
Окутанный зарницей,
Стоит высот цевницей.
Отвесная хором нить
Верхушкой сюда падай,
Я буду вечно помнить,
Стены прозрачной радуй.
О ветер города, размерно двигай
Здесь неводом ячеек и сетей,
А здесь страниц стеклянной книгой,
Здесь иглами осей,
Здесь лесом строгих плоскостей.
Дворцы-страницы, дворцы-книги,
Стеклянные развернутые книги,
Весь город — лист зеркальных окон,
Свирель в руке суровой рока.
И ляпкою на шее бурлака,
Влача устало небеса,
Ты мечешь в даль стеклянный дол,
Разрез страниц стеклянного объема
Широкой книгой открывал.
А здесь на вал окутал вал прозрачного холста
Над полом громоздил устало пол,
Здесь речи лил сквозь львиные уста
И рос, как множество зеркального излома.

ГОРНЫЕ ЧАРЫ

Я верю их вою и хвоям,
Где стелется тихо столетье сосны
И каждый умножен и нежен,
Как баловень бога живого.
Я вижу широкую вежу
И нежу собою и нижу.
Падун улетает по дань,
И вы точно ветка весны,
Летя по утиной реке паутиной,
Ночная усадьба судьбы;
Север цели всех созвездий
Созерцали вы.
Вилось одеянье волос
И каждый — путь солнца,
Летевший в меня, чтобы солнце на солнце менять.
Березы мох — маленький замок
И вы одеяние ивы,
Что с тихим напевом „увы!“
Качала качель головы.
На матери камень
Ты встала; он громок
Морями и материками,
Поэтому пел мой потомок,
Но ведом ночным небосводом
И за руку зорями зорко ведом,
Вхожу в одинокую хижу,
Куда я годую себя и меня.
Печаль распустив паруса,

Где делится горе владелицы,
Увозит свои имена,
Слезает неясной слезой,
Изученной тропкой из окон
Хранимой хранимы.
И лавою падает вал,
Оливы желанья увел
Суровый поток
Дорогою пяток.

ЕДИНАЯ КНИГА

Я видел, что черные Веды
Коран и Евангелие
И в шелковых досках
Книги монголов,
Сами из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки каждой зарей, —
Сложили костер
И сами легли на него.
Белые вдовы в облаке дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы больше моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка — закладка,
Где остановился взором читатель.
Реки великие синим потоком:
— Волга, где Разину ночью поют,
— Желтый Нил, где молятся солнцу,
— Янцзекиянг, где жижа густая людей,
— И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги,
— И Ганг, где темные люди — деревья ума,
— И Дунай, где в белом белые люди
В белых рубахах стоят над водой,
— И Замбези, где люди черней сапога,

— И бурная Обь, где бога секут
И ставят в угол глазами
Во время еды чего-нибудь жирного,
— И Темза, где серая скука.
Род человечества — книги читатель!
И на обложке — надпись творца,
Имя мое, письма голубые.
Да, ты небрежно читаешь,
Больше внимания,
Слишком рассеян и смотришь лентям.
Точно уроки закона божия,
Эти черные цепи и большие моря!
Эту единую книгу
Скоро ты, скоро прочтешь!
В этих страницах прыгает кит
И орел, огибая страницу угла,
Садится на волны морские, груди морей,
Чтоб отдохнуть на постели орлана.

СЛОВО О ЭЛЬ

Когда судов широкий вес
Был пролит на груди,
Мы говорили: видишь лямка
На шее бурлака.
Когда камней бесился бег,
Листом в долину упадая,
Мы говорили — то лавина.
Когда плеск волн удар в моржа,
Мы говорили — это ласты.
Когда зимой снега хранили
Шаги ночные зверолова,
Мы говорили — это лыжи.
Когда волна лелеет челн
И носит ношу человека,
Мы говорили — это лодка.
Когда широкое копыто
В болотной топи держит лося,
Мы говорили — это лапа.
И про широкие рога
Мы говорили — лось и лань.
Через осипший пароход
Я увидал кривую лопасть:
Она толкала тяжесть вод
И луч воды забыл где пропасть.
Когда доска на груди воина
Ловила копья и стрелу,
Мы говорили — это латы.
Когда цветов широкий лист

Облавой ловит лёт луча,
Мы говорим — протяжный лист.
Когда умножены листы,
Мы говорили — это лес.
Когда у ласточек протяжное перо
Блеснет как лужа ливня синего,
И птица льется лужей ноши,
И лег на лист летуны вес,
Мы говорим, — она летает,
Блестая глазом самозванки.
Когда лежу я на лежанке
На ложе лога на лугу,
Я сам из тела сделал лодку
И лень на тело упадает.
Ленивец, лодырь или лодка, кто я?
И здесь и там пролита лень.
Когда в ладонь сливались пальцы,
Когда не движет легот листья,
Мы говорили — слабый ветер.
Когда вода — широкий камень,
Широкий пол из снега,
Мы говорили — это лед.
Лед — белый лист воды.
Кто не лежит во время бега
Звериным телом, но стоит,
Ему название дали — люд.
Мы воду черпаем из ложки.
Он одинок, он выскочка зверей,
Его хребет стоит как тополь,
А не лежит хребтом зверей,
Прямостоячее двуногое
Тебя назвали через люд.

Леляною ночи, леляною грусти
Ее вечеровый озор.
Увидев созвездье опустим
Мы люди задумчивый взор.
Ни шумное крыл махесо,
Ни звездное лиц сиесо,
Они голубой Тихославль,
Они в никогда улетабль,
Они улетят в Никогдабль.
Несутся ночерней сияной,
Промчались шумящей веяной
По озеру синих инес,
В созвездиях босы,
Где умерла ты.
Нетурные косы,
Грезурные рты.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога.
Нетурные зовы, нетурное имя!
Они пролетевшие мимо,
Летурные снами своими,
Дорогами облачных сдвигов,
Летели как синий Темнигов,
Вечернего воздуха дайны
И ветер задумчивой тайны.
Летите к земному вразурью,

Усталые старой незурью,
Даруя дневному нетеж,
Они голубой окопад
Нездешнее младугой пение.

ЦАРАПИНА ПО НЕБУ

ПРОРЫВ В ЯЗЫКИ

Соединение звездного языка и обыденного

Где рой зеленых *Ха* для двух,
И *Эль* одежд во время бега,
Го облаков над играми людей,
Вэ толп кругом незримого огня,
Ча юноши, *До* ласковых одежд,
Зо голубой рубахи юноши,
Пе девушки червонная сорочка,
Ка крови и небес,
Го девушек — венки лесных цветов,
И *Вева* квиток.
Пи бега по кольцу тропы,
Ша ног босых,
Как кратки *Ка* покоя!
И *Вэ* волос на голове людей,
Вэ ветра и любви,
Эс радостей весенних,
Мо горя, скорби и печали,
И *Ла* труда во время Леля.
Эс смеха, *Да* веревкою волос,
Где рощи — *Ха* весенних тел,
А брови *Ха* для умных взоров.
И *Мо* волос на кудри длинные.
И *Мо* людей — *Вэ* пламени незримого
Созвездье — *Го* ночного мира.
Вэ волн речных,
Вэ ветра и деревьев.
Где ты *Ту* тени вечеровой,
Приходит *Ни* всеобщего ухода

И *За-За* радостей лишь *Ту*,
То будет *Ни* и *Вэ* и *Тэ* и *Ла!*

БАТЫЙ И ПИ

Памятник сделанной ошибке ($317 \pi = 995,8872$)

Добыча первая,

Е — это чисел ручей, два и дым чисел

Е = 2,718. . .

π — отношение круга к оси большой

317 лет — одна волна струны человечества, дрожи нашествия.

Минуло 376 лет после волхвов,
Глупых телят с мордой тупой
И ребенка спасителя в яслях
(Счет Лонелюда) $317 \pi = 995,8872$
Хлынула вдруг лава народов
Свирепой свирелью
— Ветер людей.
Падает Рим,
Паук Средиземного моря,
Ветер сорвал паутину
И что-же?
Через $317 \cdot e = 861$ год,
После бури народов
Хлынули снова татары,
Русь раздавили бревнами войн,
Киев сожгли, пировали на людях,
А через $317 \pi + 9$ или 1004 года
После нашествия гуннов и готтов
Диким копьем Востока
Страна Русь сняла цепи татар.
Пересвет и Ослябя — два чернеца,

Чьи бороды подобны лесному озеру,
Вы, Куликовы поля, полные
Синих озер, между провели.
Влада татар длилась
 $317 \times (\pi - e)$ лет = 143 года.
Хан степного народа
Коней и людей
Шестиногих существ,
Мешающих ржанье с непонятною речью
Четверкою глаз и пятым —
Железным копьем.
Он грозный монгол
Поклоняется кругу
В войнах суровых,
Выполнив волю божественных дул
Путиами войны.
Ходит числу Архимедову
Молиться как богу
Усатый бог степной,
Сам не зная того, разрушая Россию,
Выполнял начертание круга,
Как плясунья пера готовальни.
В 1193 году до волхвов
Греки Ахилла брали пожарную Трои с косами
дыма
И разбойничьи кудри смуглых вождей
Падали в струи багрового моря
Жестоким злорадством.
А через $317 \times e$ в 332 году вождь
Македонии свирепым копьем
С разбегу пробил рубаху Мардония,
Персов вождя, и алую грудь

Смуглого красавца.
Это два Греции вала
Самых великих, самых священных.
В 3111 году до волхвов,
За 365 (е π) до христиан
(Счет времени индусов)
Нашествие индусов смуглых
Ганга долины и Кали — Юга.
Через 317 (π + е) волны татар
Битва при Калке — гибель России.
Дети так ясно, так просто!
Зачем-же вам глупый учебник?
Скорее учитесь играть на ладах
Войны без дикого визга смерти —
Мы звуколюди!
Батый и Пи! Скрипка у меня на плече!

ЗВУКОПИСЬ ВЕСНЫ

В зозивея — зелень дерева,
Нижеоты — темный ствол,
Мам э́ами — это небо!
Пучь и чапи — черный грач.
Запах вещей числовой
Между деревьев стоит.

ЗЕМНОМУ ШАРУ

Вэ облаков, Ва звезд ночного вала,
Вэ люда кругом оси,
Вэ веток кругом дерева, Вэ ветра
И волны, Вэ девушки волос,

И *Ла* земли лугу небес.
Земного лепестком подсолнуха,
И вся земного шара *Ла*,
И ты ладья земли, где луч небес — моряк,
Где дышет *Ми*, небесная мора!
В *Че* моря черных зорь;
ПО небосвода, *Ро* и *Ро*!
Чтоб *Го* созвездий над тобой,
Где ласа туч над ласой!
ПИ далее и далее в ночную темноту.
В ночную *Ту*, в ночную темь, где *Та*,
Где небо *Мо* и *Заза* синего огня.
О *Зеа* зелени и *Меа* вод!
Когда дневного света *Ни*
В *Че* думы городской,
Далеко светлого Солона,
Уже сияющие *Да*, восходит *Ла* огня,
Где *За-За* зелени,
Где *За-За* белых облаков
Где *За-За* огневого;
В час свету *Но* и *Ту*,
Где божье *Ни*, *Ни-Ни* божеств,
Где *ПЭ* божеств с крылами мрака,
В *Че* думы человека.
Веревка веры вицей вейся,
Будь *ВЭ* великого возврата,
Будь *ВЭ* священного возврата,
Как волосы на черепа писателя миров,
Вей веткою сосны божеств,
Где гнезда вьет ничто.
И веря миров полночных
В *За* мира человека кинь,

Ха думы — *Ни* речей,
Че думы — *До* речей,
Го люди, смотрите на небо:
Че зори так велят!
Мне гоум повелел
Ввести *Го* нравы
Летучего правительства
Земного шара,
Как мотылек порхающего
По лугу имен.

Б О Й

звездный язык

Вэ конского хвоста
Целует Мо людей,
ВЭ конского хвоста
Целует Го ушей.
Ша облаков — *Ха* летчиков полета,
А — *Эли* знамени трепещат алым,
Го копий — *Эль* знамен,
Го седел — всадник
— *Ка* навеки!
Го мертвецов
На *Пи* коней.

ПАНЫ И ХОЛОПЫ В АЗБУКЕ

Обнаженный костяк слова

Хлам — остатки, могила и мрак или *Эм*,
Того, что ховалось,
Того, что холилось, — мор худобы, утвари смерть,
Сила хлева и холи в „хла“.

И сила могилы, и мора, и малого мрака,
И мела, и мусора в „аме“.
Хлам — мука́ худобы в мельнице времени,
Холи мука
Под молотом часов — разрушителей.
Это мора могила и мразь
Того, что было в хате забот,
И в хлеву из работ,
Что стало мукой под жерновом времени.
ХА — это преграда между убийцей и жертвой,
Волком, ливнем и человеком,
Холодом и телом, морозом и холей.
ЭМ — разделение объема, ножом и целью
На множество малых частей.
Хлам — разрушенное начало холи,
Хлад — начало разрушающее холю.
Драка раздор с хлевом: холод — делитель „хлева“.
Он — мороз, от которого защищают нас:
Хата, хижина, хутор, халупа, хоромы
И много ХА-слов для всяких построек.
Холод — делитель хат,
Делящий холю на малые доли мороза;
Он долото, вонзенное в шею холи,
Долото, рубящее холю,
Между разрушающей точкой
И разрушаемой — преграда,
Застава из телохранителей,
Будут ли они грудью храбрецов
„Храбры дружины“,
Или бревнами хижины,
Или глиною хаты, камнем хором,
Тына черта между врагом и жертвой —

Эта преграда и есть *Ха*.
Ховайся за ней человек
В великих постройках из *Ха*.
Покрой ими землю!..
Дэ отделение части целого от целого:
Дробь, доля, долото, деление, дети, дор, дерево.
Хлап или холоп — опора для холи,
Пружина ее подымающая,
Палка и посох, на который
Любовно легла женская рука холи.
Пэ — двигающее начало и сила.
Холоп — рабочий пар паровоза,
Где женщиной нежится холя,
Пересекая мир сотней колес баловства.
Холоп — двигающая сила
Холи пана,
Пружина, подымающая холю пана,
Рабочее пламя, посылающее пулю
Панской воли в лоб неба,
Он порох, делающий пение пана.
Пружина, посох все опоры
Для холи пана,
Вы сливаете ваши голоса
И пламенем звучите в *Пэ*.
Ведь *Пэ* удаление одной точки
От другой по прямому пути
И рост объема занятого веществом:
Порох, пламя, пуля, пыж, пушка,
Пальба, пицаль, путь, пепел,
Все около выстрела, любимого паном.
Пламя, растущее в объеме веществ,
Так-же как пение, расширенное

Голосом во времени слово.
Да, ты порох панской холи.
Холоп, как прут, несет пышные почки
Панской холи, служебный ей.
Вы пушки их труда для выстрелов неги,
Вы плечо, на которое уперлась ладонь холи.
Это напор *Пэ*, растущего пространства
Между двумя точками,
Как топот копыт цокнул и стукнул в холопе,
Пана пламя пустое начать.
Холоп = *Хл* (холя, хлев, хилый)
+ *П* (палка, пламя, порох, пар).
Да, это так.
Пан, слушаешь?
Пан —
Пело поле
— Пал!
Дан — дело — дал!
Я дал того, кто дан: это дар,
И кто-то пал к тому, кто пан,
Упал к ногам!
Панам: падам до-ног!
Это пар рабочий паровоза,
Где пыльное пение пана.
Мо тот, кто дал, дал тех
Кто даны.
И если степной пал
Это тоже паны?
Солнце для лучей пустоты и пустыни,
Пожар простора, сжигающий страну трав,
Пан это *Ни* напора солнца,
Ночь пружины, светило пещерных лучей,

Парами праздный паровоз.
Уход Пэ: его нет.
Нети труда звучали в пане
И у пана нет пара,
Как у того, кто дан, нет дара, —
Дар дан = и пар пан.
В слово пан, где долго
Нежилась Эн небытия,
Указуя: нет того Пэ,
Что кликнуло громко в холопе,
Как по полю к тополю
Топот копыт
Скачки всего опора
Цокнув подковой
В слух ночной равнины.
Пришло Эль любви, лебеда, лелеки,
Леля, лани, Лаотзы, Лассаля, Ленина,
Луначарского, Либкнехта.
Точно край облака, озаренный
Заревом,
Очерк жизненных судеб
Именем рода,
Не гоума, не каума,
Лаума луч озарил.
В ладье любви поплыл
Вес власти, власть легла на лежанку,
(Эль — переход высоты в ширину)
Тяжки короры всенародной ладьи,
Бревенчатого уструга севера!
На лыжах звука Эль — либертас и любовь!
Бежит свобода
По счастью людей, не проваливаясь в снег,

Вбегает в слово пан,
Туда где *Ни* Немоевского
И Пан — пал!
Как паровоз,
Он знал лишь пар весенних пар,
И рос, как прут из пола пола,
И, баловни жизни, кружились паны,
Как легкие боги бега,
Паны кружились в мазурке.
И на него
Глаза труда на веки зорки.
А паны пену пили
И пели поле, где пули пели.
Пар, напор и пламя, порох,
Чего нема в панах,
Свидетель *Эн*,
Разлилися лавиной по земле.
Это шествует *Эль*!

Б О Й

Где пал! Па, пап!
Па — пушек речь,
А беленою выбелены дороги,
Ха облака скрывало летчика
От взгляда войск и *Ра* свинца
И *Вэ* стрижей и летчиков, *Го* поля,
И *Ка* людей ломовики и битюги,
С могучей шеей черных лебедей,
Мохнатые ногой, ступая грузно,
Как *Вэ* волнуются их гривы
— Все масти вороной — *Ла* ночи!

Везут орудий *По* и *Пу*,
Громить, несть *Мо* и *Ка* покоя
Противнику за *Ха* из проволок
И лат из проволочных оград,
Где смерти *Пи*
Летело с визгом поросенка
Летевшего ядра
И красный сой кусков огня
Го люда пробегал.

Мощные, свежие до нага!
Прочь из столетия онного!
Куда точно зуб Плеве взрывом Сазонова
Или Каляева, не знаю, не помню,
Вонзалось занозой все человечество.
В черные доски зеркального хлева,
Точно желтым зубом Плеве,
Щепкою белой нечисти
Вьелось в дерево времени все человечество.
Выстрелом порван чугунным воин верный знати,
Он на прощание плюнул
В лица живым
Зубом своим. Захотал! Нател!
Пора, уж пора!
Прочь от бывшего!
Приходит пора
Солнцелова!
Идемте, идемте в веков камнеломню!
Срывать незабудки грядущих столетий.
Мы небопеки — зачем же половы?
Не надо гнилого, не надо соломы.
Желтые прочь старые зубы.
Мы ведь пшеницы грядущего сеятели,
Мы голубые проводим окопы
(Но бьют, точно плети,
Зубы умершего деятеля).
Эй! Настеж сердце камнеломни!
Мы времякопы, время наша удаль!

А не холопы сгнивших веков,
А не носители затхлых оков.
Мы нищи и кротки, вдохновений продуголь,
На рынках торгуем незабудками
И сумасшедших напевов нашими дудками,
И по всем векам, под всеми курганами,
Бродим слепыми цыганами,
Палкой стучать, слепые глаза подымая
К гневному небу Мамаю!

Опять чугунный кипяток
Цветами красными клокочет,
Когда копун клеща тяжелого
Проносит медь, железо, олово;
Ухват руду хватает мнями
И мчится вдаль влеком ремнями.
Громадным мясом великана
Руда уселась возле чана,
Чугун глотая из стакана,
И лился пот со лба чугунного,
Точно толстая панна.
Где печка с сумраком боролась,
Я слышал голос ржаной как колос:
„Ты не куй меня мати
К каменной палате,
Прикуй меня мати
К девичей кровати“.
Он пел по сельскому у горна,
Где вся рубаха даже черна.

МОЛОТ

1

Удары молота
В могилу моря,
В холмы русалок,
По позвонкам камней,
По пальцам медных рук,
По каменным воронкам
В хребет засохшего потопа,
Где жмурки каменных снегур,
Где вьюга каменных богинь.
Удары молота
По шкуре каменного моря,
По тучам засохших рыб, по селу морскому,
В мятели каменных русалок,
Чьи волосы пролились ветром по камням,
С расчесанными волосами, где столько сна и грезы,
И крупными губами, похожими на лист березы.
Их волосы падали с плачем на плечи
И после летели по волнам назад,
Он вырастет бог человеческий,
А села завоюют тревожно в набат!
Удары молота по водопаду дыханья кита,
По губам,
По пальцам черных рук,
В великие очи железного моря,
Девичьего потопа в железных платьях волн,
По хрупким пальцам и цветам в руках,
По морю русалочьих глаз,

В длинных жестоких ресницах.
Из горных руд
Родитель труд,
Стан опоясан летучею рыбою
Чорного мора морей;
И чорная корчилась дыбой,
Русалочьей темною глыбой,
Морская семья дочерей.
Удары молота
В потопы моря потомка мора.
По мору морей,
По волнам засохшего моря.
Русалки черногубые берут
И чернокожия сосут
Сосуд
Тяжелых поцелуев молотка.
Раздавлены губы,
Раздавлены песни засохнувших морей,
Где плавали киты
И били водой в высокое небо.
Напиток пыток
И черного кувшин труда,
Откуда капли черных слез
Упали на передник
И на ноги.
Рукою темною в огне купаясь,
Хребтом пучины
И черным теменем высоких темных тел
Касаясь молотка.
Как ворон суровый молот летел
На наковальню русалочьих тел,
На волны морского потопа,

Где плавали песни богинь.
И он ломал глаза и руки
У хрупких каменных богинь,
Чтоб вырос бы железный сын,
Как колос на поле зацвел.
Через труды страды руды
Труд руд,
Их перерод в железное бревно
С железными листами,
В мальчишку нежного и смелого,
В болвана шалуна
В мятежных и железных волосах,
С пупком на темном животе,
В железное бревно в постели чугуна
И смелое глазами разумное дитя.
На ложе рыжего огня оно жило.
Живот темнеет мальчугана
На ложе темного кургана.
Так выросло не он и не она
— Оно,
В гнезде для грез железного бревна,
В железных простынях и одеялах,
С большими и железными глазами,
С кудрявыми железными устами.

ВЛОМ ВСЕЛЕННОЙ
ЧУДЕСАВЛЬ

1

Ученик (Захлопывая книгу и закрывая глаза):

Я вижу странный сон.
Девушка несет на ладони мой народ
И бросает его в пропасть.
Он походит на красного жучка
С слабыми рябыми крыльями.
Он мал и ничтожен и близок к смерти.
Мать приказала из окна
Вымыть руки и бросить на землю.
Дочь отвечает: „Я сделаю это мать!
Он упал в воду около окна“.
Она села у окна и плетет косу,
И пьет квас.
Близко паденье моего народа!
Тяжелый сон, учитель! .

Старший: Все волны. Мы не на гребне,
А в упадке.
Когда пространство Лобачевского
Сверкнуло на знамени,
Когда стали видеть
В живом лице
Прозрачные многоугольники,
А песни распались как трупное мясо
На простейшие частицы,
И на черепа песни выступила
Смерть вещего слова,
Лишь череп умного слова, —
Вещи приблизились к краю,
А самые чуткие

Горят предвидением.
Утром многие голоса поют на крышах.
Вот оно восходит
Солнце падения народа!
И темными лучами
Первыми озарило
Горы и меня,
Горы и мы
Светимся зеркалом
Великого солнца смерти.
А спящие долины
Еще собирают колосья.

Сын: Слушай! Когда многие умерли
В глубине большой воды
И родине ржаных полей,
Некому было писать писем.
Я дал обещание,
Я нацарапал на синей коре
Болотной березы
Взятые из летописи
Имена судов,
На голубоватой коре
Начертил тела и трубы, волны, —
Кудесник я хитр, —
И ввел в бой далекое море
И родную березу и болотце.
Что сильнее: простодушная береза,
Или ярость железного моря?
Я дал обещанье всё понять,
Чтоб простить всем и всё
И научить их этому.
Я собрал старые книги,

Ты видишь зажженую спичку
У черного порохового погреба,
Раньше забором закрытого,
Гремучей смеси,
Труда и бар,
Царей и яростных
Охотников на них.
Смотри: огромный толкнет нас,
Мы полетим со стульев земного шара
В пропасть звезд
Готов ты окунуться в смерть?
Тогда пловцы по водам смерти
Смело грядем в воды
И будем разбивать жестокою рукой
Реку смерти.
Купанье всегда освежает,
Хотя трудно в начале.
Идем, учитель!

Учитель: Думай.

Ученик: Думаю, решил и уйду.

Старший: По прежнему зеленые листья
На дереве сидят как бабочки,
И каждое дерево,
Как зеленый рыбак,
Раскинуло зеленый невод
В бесконечную синь моря неба
И ловит солнце трудолюбивей.

2

Молодой Товарищи!

вождь: Вы видите умный череп вселенной
И темные косы Млечного Пути,
Батыевой дорогой зовут их иногда.

Ведьме в ухо!
Еще, еще!
Ставь к правому виску,
Теперь уж не сорвется.
У правого виска
Поставлены лестницы. Долота в дело!
Трепещут за плечами каждого
Моря из гордости и смелости.
Сюда поставить буравы и сверла, —
Гремучие шашки, ваше слово! —
К виску вселенной.
Смелые как муравьи,
Незаметные как ночь,
Спрыгнем по ту сторону черепа
И начнем нашу работу.
Солнце, играя на волосах,
Дает багровые шлемы воинов нам всем.
Последняя ступень! Озарена мировой
зарей.

Уже! я встал на проломленный череп,
Я щупаю небо.
Один за одним
Прыгаем вниз,
Точно веревкой обвязанные.
Мы отделены от земли
Многими годами бега своего.
Мы взлетим на небо
И через многие тысячи лет
Вернемся на землю
Непонятым прахом.
И снова между рычагов
Белеет полотно для теней.

Все то же лицо на голубом жемчуге.
Как! та самая, державшая
Жука на ладони,
Опять сидит у темного окна
И полна колебаний: да и нет помахают
крылами.

Вот надпись человеческими знаками
И рядом ручка. Мне что-то здесь главное.
Пришелец! ты ворвался
В этот мир
И, если ручку повернешь,
Спасешь любимую тобой коровку божью.
Может быть красное существо ваш народ
И ваша родина. Тогда умом и только
мыслью

Спасенье народу принесешь.
Сейчас он тонет в воде.
Вот ручка моей воли.
Поверни! Направь. Так просто.

Младший Повернул. Готово.

воин: Опять все то же в мире теновом.
Но жук положен на цветок,
И если это родина моя,
Она вновь спасена
Движением нехитрой рукояти.
Слава нам! Слава неожиданному другу!

Мама! у меня был сон тяжелый,
И кто-то был сильнее меня,
И волю мою изменил.
И божию коровку я спасла:
Пусть высохнет и летит куда захочется.

СМЕРТЬ БУДУЩЕГО

1. Дружок, за что? Родной, постой!
— Храм выстрелов в руке,
Пять глаз,
Пять темных пятен.
И крови снегири алеют на сорочке.
Вспорхнули на широкий куст груди.
Я умер и хриплю, как грустно.
Пять дырок у меня в груди.
2. Умри. Хрипи.
 1. А ловкая работа.
Хвалю тебя, разбойник.
Ты из меня устроил решето.
Спасибо скажет каждая стряпуха.
Досадно! право не везет.
А я хотел гулять по Невскому.
И книгу начать солнца, его весенних дней.
Позволь, но почему-же?
Сейчас узнаю.
Вот справочник на столике.
 2. Я сам не знаю почему, пойми, о человек!
 1. Когда родился?
Сутки, год, дыханье, миг?
 2. Шестого дня „играй овраги“,
Когда зеленая звезда пересекла
Пути ночей, сияя в вышине как бог.
 1. Прекрасно, вот закон: сейчас
Открою скобки
И общий множитель наружу вынесу.

- Рождений наших
Общий знаменатель.
2. Нет, не то
Старик великий произнес:
Довольно знать места и время.
И здесь неправильно:
Здесь степени не те.
И вы забыли множитель Ги-Ги.
1. Я пользуюсь дробями Зего!
2. Какой кривой и сложный путь.
Гораздо лучше способ Вик-Вак-Вока.
Он помогает вычислять.
1. Прелестной истины зарево
Уже встает над полем уравнений.
К итогу мысли прихожу.
2. Да вы правы!
Вы взяли правый путь.
Здесь нужно вынуть скобки.
Теперь я понимаю зачем я вас убил.
Спасибо за возвышенный урок.
И мысли честную работу.
1. Я не разберу какая степень,
Но праотцы склонились ко мне последним
облаком.
2. Теперь я понимаю. Убитого благодарю.
1. Благодарю тебя, убийца!
Ты дал мне повод для размышлений.
Еще раз крепко руку жму
Жестокому убийце.

Воет судьба улюлю!
Это слез милосердия дождь.
Это сто непреклонных Малют,
А за ними возвышенный вождь!
Пали оленем высочества,
Выросли красные дочиста,
Множеством усиков вылезли.
Собаки вчерашнего выли зло.
Черные псы пробегали дорогой
Носится взы, ветер тревоги.
Тело вчера кушали раки.
Это сразились вперед и назад,
А песни летели железо лизать!
И стяг руки усталой выпал зла
И первая гадюка выползла
На позолоченный пригорок.

В этот день, когда вянет осеннее,
Хороша и смуглей воскресенья
Возникала из моря свобода,
Из груди черных мяс,
Из закипевших в море членов,
Мохнатых гор зачатия и рода.
Она стоит, русалки стан
Согнув и выжимая волосы.
И в ночь, когда небес бугай
Громадно черный и багровый
И от покрывал божеств нагой,
Вдруг сделался волком.
Внизу завод шумлив и смугол,
В глазу жил алый попугай.
Своих горбов вздымая угол,
Старинный бык пустынных гроз,
Чья молния забыла прорицанья,
Венки храмовных лоз,
И песен восклицанья.
Сразу у моря смолкли жрицы,
Вопль умер вод девицы.

Сыновеет ночей синева,
Веет во всё любимое,
И кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.
Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках,
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.
Это было, когда великаны
Одевались алой чалмой,
И моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.
Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея,
И на вале морском вдалеке
Крыло подымалось косое.

Зачем в гляделках незабудки?
Это тоже месяц Ай!
И если лешевой дудкой
Запел соловей,
Это тоже месяц Ай!
Что это? Кажется лешеня?
Как, до сих пор живут бесы?
Так я пою на пусты лесы.
Это тоже месяц Ай!
И если у панской свирели
Корявый и сочный рот —
Это тоже месяц Ай!

Точит деревья и тихо течет
В синих рябинах вода.
Ветер бросает нечет и чёт,
Тихо стоят невода.
В воздухе мглистом испарина,
Где-то не знают кручины,
Темный и смуглый выросли парень,
Рядом дивчина.
И только шум ночной осоки,
И только дрожь речного злака,
И кто-то бледный и высокий
Стоит с дубровой одинаков.

ПРЕДМЕСТЬЕ
ЗАКОННАЯ

Сегодня нет работы
И не гудит свисток.
[Пойте так реки,
Чтоб ножка девы цокала
О камни и о кручи ям,
Звериная созвучием;
В зеленой кацавейке
Летела тебя около,
Быстрее в небе сокола.]
Она руками хлопала,
А волос падал до пола
И небо позолотой
Аукалось с болотом.
Чтоб стукали о куколи
Колосья у пшена;
И женщины аукали
В серебряном бору.
Предместий дальних ухари
Боролись на уру,
И их уру в бору
Лесной повторит зой.
А солнце загорелось
Зеленою слезой.
Разбитые осколки
Зеленого стекла
Лежали по трущобам
Лесного барахла.
Разбита уже четверть,

Отведена до дна.
Велика правда пьяных,
В ней истина видна.
Горой веселопотной,
До хохота охотной,
Где головы и руки,
Зеленые глаза.
С копною русых птичек
На крепкой голове,
Упершись лбом друг в друга,
Держась за пояса,
В лесу катались хлопцы,
Быстрее колеса.
Катались и летали,
Где травы зацветали,
Топталися на месте,
Носилися бегом,
Вкруг девушки невесты
Носилися кругом.
Тела их серебрились,
Волос рассыпав вьюгу.
В полголоса бранились,
Сдавлив ребро друг другу.
По русски матюгом
Они сурово крыли
Леса и небеса.
И пот бежал бегом
И землю ноги рыли.
И острый запах пота
Поднялся у болота
Среди лесной тропы,
Где белые грибы.

[Где белая осока].
Глаза блестят высоко.
Тпру, тпру, — родной, стой!
Не брыкайся! слепой!
А пой, пташечка, пой!
Невеста и свекровь смотрели на их удаль
Кумирами поотдаль,
Желтея старой кожей,
Громадными глазами
На темных сов похожи.
Седой отец с подстриженной бородкой
Сидел один с стаканом водки.
С зеленой цащавейкой
Был огненный подол,
Невеста зеленела
Красивою сорочкой,
У старого котельщика
Была любимой дочкой.
Рассыпав в воздух змейки,
Смочив волну руна,
В зеленой цащавейке
Носилася она.
За поясом измятый
Висячий сноп гвоздик,
И руки возносила,
Как месяц молодой.
Она, рассыпав в змейки
Вспотевшую косу,
В зеленой цащавейке
Скакала на лугу.
Одежды ей малы,
Устало грудь тряслась,

Спокойные волны
Глядели в прясло глаз.
Глаза — ручей серебряный
Среди зеленых ив,
А волосы могучие
И очерк их красив,
И любит и не любит:
Ощипаны цветы.
То молодость плясала,
Зажав рукой цветы.
Старухи засмеялись
И хрустнули в персты.
Невеста городская
Красивая такая
Скакала на лугу
Подолом бледно-желтым,
Очень длинным,
Точно ящерицы хвост,
Задевает цветов толпы,
По траве бьет выше роста.
Все скакала бы и пела —
Нечаянная пьяница,
С зажатой в пальцах рюмкой
С остатками вина,
Да время отлетело,
А после не оглянется,
Летит проворной думкой.
Мужчины важно пили,
Вино они купили.
И глянец козырька,
И черный и простой
Наряд у жениха.

Темнели меж стволов.
Глаза большие, важные,
Смотрели на себя.
Невеста не продажная,
И можно жить любя.
И зелень скрыла плеткой
Соленый огурец
С ошипанной селедкой,
Как города ошибки.
За соснами
Труба завода
Пересекла облака гроба.

Русь, зеленая в месяце Ай!
Эй, горю-горю пень!
Хочу девку, — исповедь пня.
Он зеленый вблизи мухоморов.
Хоти девок толкала весна.
Девы жмурятся робко,
Запятав белой косынкой глаза.
Айные радости делая,
Как ветер проносятся
Жених и невеста, вся белая.
Лови и хватай!
Лови и зови огонь горихвостки.
Туши поцелуем глаза голубые,
Шарапай!
И, простодушный, медвежью лапой
Лапай и цапай,
Девичью тень,
Ты гори пень!
Эй, гори пень!
Не зевай!
В месяце Ай
Хохота пай
Дан тебе мяса бревну.
Ну?
К девам и жонкам
Катись медвежонком.
Или на панской свирели
Свисти и играй. Ну!

Ты собираешь в лукошко грибы
В месяц Ау.
Он голодай, падает май.
Ветер сосною люлюкает,
Кто-то поет и аукает,
Веткой стокою стучает,
И ляпуна не поймать,
Бесу с разбойничьей рожей.
Сосновая мать
Кушает синих стрекоз.
Кинь ляпуна, он негожий.
Ты, по разбойничьи вскинувши косы,
Ведьмой сигаешь через костер,
Крикнув: струбай!
Всюду тепло. Ночь голуба.
Девушек толпы темны и босы,
Темное тело, серые косы.
Веет любовью. В лес по грибы:
Здесь сыроежки и рыжий рыжик
С малиновой кровью,
Желтый груздь, мохнатый и круглый,
И ты, печерица,
Как снег скромно белая.
И белый крепыш с толстой головкой.
Ты гнешь пояса,
Когда сенозарник,
В темный грозник
Он — месяц страдник,
Алой змеею возник
Из черной дороги Батыя.
Колос целует
Руки святые

Полночи богу.
В серпня неделю машешь серпом,
Гонишь густые колосья,
Тучные гривы коней золотых,
Потом одетая пьешь
Из кувшинов холодную воду.
И в осенины смотришь на небо,
На ясное бабье лето,
На блеск паутины.
А вечером жужжит веретено.
Девы с воплем притворным
Хоронят бога мух,
Запекши с малиной в пирог.
В месяц реун слушаешь сов,
Урожая знахарок.
Смотришь на зарево.
После зазимье, свадебник месяц,
В медвежьем тулупе едет невеста,
Свадьбы справляешь,
Глухарями украсив
Тройки дугу.
Голые рощи. Сосна одиноко
Темнеет. Ворон на ней.
После пойдут уже братчины.
Брага и хмель на столе.
Бороды политы серыми каплями,
Черны меды на столе.
За ними зимник —
Умник в тулупе.

Ля! паны! на дереве.
Как сомашечие целуются, гляди!
Девочки, матушки, ля!
Да, Верочка, что ты? ума решилась?
Тебе на воздухе земля?
Да спрячьтесь в пещере вы!
Девушки, ай! На поцелуи в дереве охота?
„Ах, вы сени, мои сени!
Да в черемухе весенней“.
Качались гибко ветки,
И дева спрыгнула стыдливо,
И в чаще яблоней исчезла.
А дым весны звездю жезла
Давал ей знаки шаловливо.
Сияй невестой в белой сетке,
Черемуха моя!
Ты трепетала, черемуха моя!
Шмели гудят. Летит оса.
Пчела летит за небеса.
И свист гудящий тысяч жал
Собором светлым окружал
На белых звездах образа.
Гудят как в полночи гроза.
Висят как божие глаза
Пчелы медовые обеды
Искали в воздухе победы.
И то не ложь — и это истина!
Я плакал на воздушной пристани.

Жучек цветок весны пилил,
А я же тихи слезы лил.
Вы не птицы и не звери вы!
Глазам веселая дорога
Украденным в семействе бога!
Вершина дерева качается,
Здесь не показываются люди,
Хребты изученных оков.
Кругом нее дрожащий студень,
Прикрытый белым лепестков.
Она цепляется за ветки,
Она кого-то в небе ждет, —
Русалка веток — выстрел меткий —
Сейчас на землю упадет.
Как птица дикая,
Иль сельской улицы девченка,
Ее синее рубашенка,
Глазами черными поводит,
Как парой неги словарей,
Как по морю по веткам ходит.
Она стоит, она идет
И взором юношу зовет.
На ветке черной и трясучей
Она стоит одна меж сучей.
И черным пузом загорелая,
В рубахе синей и подоле
Рабыней сделалась синей воли.
В окне черемухи — невесты гая,
Ногами голыми шагая,
Русалка воздуха, пугая
Вдруг пролетевших снегирей.
И девы звонко хохотали

И побежали землю рыть.
Что делать мне? Мы не испытали,
Как можно птичьей жизнью жить?
А дым весны зовет медами,
Людей и пчел идти стадами,
Лететь сюда как в белый дом.
На теле глиняно-гнедом
Горела синяя рубашка.
Вз веток было гулко,
О, сумасшедшая прогулка!
Кормил медами шаловливо.
К чему, откуда, зачем?
Откуда нравы: малиновки? ракла? —
Огнем горячим
Рубашка синяя пекла.
Чернело пузо в промежутке,
А первые шаги так жутки.
Внизу же юноша стоял,
Лучистый радостью сиял.
И написав в глазах мольбу,
Не знал, что вылетит в трубу
Девичьего мяса.
И корень груди тоже трясса.
Нашли, где целоваться!
А девка не плохая цаца!

Смелей, смелей, душа досуга!
Белела строгая дерюга,
Кругом шмелей шумела вьюга,
Стеклом весенним дребезжала,
Шумела пела и жужжала.
О звездах чахотки шла слава,
Досуга сельского веселая забава.
Труды покрытых сажей игол
Ее воздушные глаза!
Свидетель — старенькая книга
Столетий несколько назад!
Игрой жестокой с тьмой острога
Туда поспешною тропиной
Рукой коварною по свойски,
Они украдены в семействе бога,
И окружены ресницей в войско.
Я помню тень широкой липы
И старой живописи кипы,
Где Боровиковский и Тропинин,
И то крыльцо, где в полдень долгий
Вся семья сестер находится,
Где спичкой в копоти с утра
Пишет добрая сестра
Глаза большие богородицы.
Вы скажете, что плохо то?
Но гром девического хохота,
Как ветер налетевшей бури,
Нас уводил в границы дури,

Где разуму поставлена застава,
Где ум хоть и скитался раньше,
Но лишь с правами иностранца,
Верней совсем лишенный права.
И небо было лишь шишака налечник.
Что там за ним? Тень сада, птичник?
Корыто для телят? Подойник с молоком?
Иль самовар в саду с прохладным ветерком?
Что пряталось робея,
Услыша мощное: не робь!
За то что голубее
И в звезд Сибирь летела Обь?
И книга с позолоченным обрезом
Чему была налечника железом?
Праву повесить на дереву пеленки?
Иль в мокрую морду поцеловать теленка?
Свободы видеть и носить горшки?
И закричать, как девушки
На набережной над темною Невой?
Я отражена в его глазах неясной
Могучею стеклянной синевою!
Доверчивой и детской глубиной.
В нем божеству русалка снится
И копыя войск сошлись ресницы.
Не раз был ею огорошен.
О чем рыдала нищета?
Какая хворь? Какая грудь ждала щита?
И боб воздушного стручка.
Ее подруга русалка леса, лешего жена,
Отводит выпад боевой
Своей усталою рукой
Сухого жесткого сучка?

Тогда печаль, тогда надсмешница
Стоит белея грешницей,
Над темною орешницей.
Где птицы празднуют мальчишники.
Пустынь порока пересекла
Серебряным виденьем на горбах,
В косых лучах желанья пекла.
Какая жажда, какая воля,
Как вьюк горбов кривых верблюда,
Какая божеством простуда,
Какая двух холмов поклажа.
[Его золотой кудрявый горб,
Видением снега цвела скорбь.]
И глаз святых
И глаз чужих
В семействе бога кража?
Какая кража глаз со взломом?
Знакомый мир связуя с незнакомым,
Связала с старой книгой
В зелено-сером переплете.
Вот эту девушку лесную
И сноп ужей мятежных кос,
Ее слова, мои поете —
То вкривь, то вкось,
Одним лозы ствола узлом
Могуче деревянным.
Бывало денег пастухи
Сюда прокладывали пути.
Здесь выставляли напоказ
Для вымета метлою глаз
Свои прекрасные нагрудники
Всегда проворные сотрудники

Прибоя мировой деньги.
(Деревня пикнуть не могли,
Все нехорошо здесь и все скверно:
Опустишь ногу в грязь наверное.
А ведь подошва прямо из Америки).
Что ж! И черной кошкою в недрах одеяла,
Чухотка кроткая — им звезда сияла.
Приходу умного меняла
И зажигала пламя богородицы
Искусственным огнем.

АЗИЯ

Всегда рабыня, но с родиной царей на смуглой груди
И с государственной печатью, взамен серьги у уха.
То девушка с мечем, не знавшая зачатъя,
То повитуха — мятежей старуха.
Ты поворачиваешь страницы книги той,
Где почерк был нажим руки морей.
Чернилами сверкали ночью люди,
Расстрел царей был гневным знаком восклицанья,
Победа войск служила запятой,
А полем — многоточия, чье бешенство не робко,
Народный гнев воочию
И трещины столетий — скобкой.

О, Азия! тобой себя я мучу.
Как девы брови, я постигаю тучу.
Как шею нежного здоровья,
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день иной предрек?
О еслиб волосами синих рек
Мне Азия покрыла бы колени,
И дева прошептала таинственные пени.
И тихая, счастливая, рыдала,
Концом косы глаза суша.
Она любила! Она страдала!
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы снова чувства
И зазвенел бы в сердце бой:
И Мохавиры и Заратустры
И Саваджи объятого борьбой.
Умерших их я был бы современник,
Творил ответы и вопросы.
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
„Учитель, — мне шепча,
Не правда ли сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?“

НАВРУЗ ТРУДА

Снова мы первые дни человечества!
Адам за Адамом
Проходят толпой
На праздник Байрама
Словесной игрой.
— В лесах золотых
Заратустры,
Где зелень лесов златоуста!
Это был первый день месяца Ая.
— Уснувшую речь не забыли мы
В стране, где название месяца — Ай.
И полночью Ай тихо светит с небес,
Два слова, два Ая,
Два голубя бились
В окошко общей таинственной были...
Алое падает, алое
На древках с высоты.
Мощный труд проходит балаю,
Шагом взмах своей пяты,
Трубачи идут в поход,
Трубят трубам в рыжий рот.
Городские очи радуя
Золотым письмом полотен,
То подымаясь, то падая,
Труд проходит беззаботен.
Трубач, обвитый змеем
Изогнутого рога!
Веселым чародеям

— Широкая дорога!
Несут виденье алое
Вдоль улицы знаменщики,
Воспряньте все усталые!
Долой, труда погонщики!
Это день мирового Байрама.
Поодадь, как будто у русской свободы на паперти,
Ревнивой темницею заперты,
Строгие грустные девы Ислама.
Черной чадрою закутаны,
Освободителя ждут они.
Кардаш, ружье на изготовку
Руками взяв, несется вскачь,
За ним летят на джигитовку
Его товарищи удач.
Их смуглые лица окутаны в шали,
А груди в высокой броне из зарядов,
Упрямые кони устало дышали
Разбойничьей прелестью горных отрядов.
Он скачет по роще, по камням и грязям,
Сквозь ветер, сквозь чашу упорный скакун,
И ловкий наездник то падает на землю,
То вновь вверх седла изваянья чугун.
Так смуглые воины горных кочевий,
По братски несутся, держась за нагайку,
Под низкими сводами темных деревьев,
Под рокот ружейный и гром балалайки.

ПАСХА В ЭНЗЕЛИ

Темно зеленые, золотоокие всюду сады,
Сады Энзели.

Это растут портахалы,

Это нарынчи,

Золотою росой осыпали

Черные ветки и сучья.

Хинное дерево

С корой голубой

Покрыто улитками.

А в Баку нет нарынчей.

Есть остров Наргинь

Отчего стала противною

Рыба морская, белуга или сомы.

О сумасшедших водолазах

Я помню рассказы.

Под небом испуганных глаз

Тихо. Темно.

Синее небо.

Цыганское солнышко всходит,

Сияя на небе молочном.

Боченок джи-джи

Пронес армянин,

Кем-то нанят.

Братва, обнимаясь, горланит:

„Свадьбу новую справляет

Он, веселый и хмельной.

Свадьбу новую справляет

Он, веселый и хмельной“.

Так до утра
Пения молкнут раскаты.
Слушай, годок, „Троцкий“ пришел.
„Троцкого“ слышен гудок.
Утро. Спали, храпели.
А берега волны бились и пели.
Утро. Ворона летит
И курским соловьем
С вершины портахала
Поет родной России Ка,
Вся надрываясь хриплою грудью.
На родине, на севере ее
Зовут каргою.
Я помню, дикий калмык
Волжской степи
Мне с сердцем говорил:
„Давай такие деньги,
Чтоб была на них карга“.

Ноги, усталые в Харькове,
Покрытые ранами в Баку,
Высмеянные уличными детьми и девицами, —
Вымыть в зеленых водах Ирана,
В каменных водоемах,
Где плавают красные до огня
Золотые рыбы, и отразились плодовые деревья
Ручным бесконечным стадом.
Отрубить в ущельи Зоргама
Темные волосы Харькова,
Дона и Баку.
Темные вольные волосы
Полные мысли и воли.

КАВЭ-КУЗНЕЦ

Был сумрак сер и заспан.
Межа дышали наспех,
Над грудой серой пепла
Храпели горлом хрипло.
Как бабки повивальные
Над плачущим младенцем,
Стояли кузнецы у тела полуголого,
Краснея полотенцем.
В гнездо их наковальни —
Багровое жилище —
Клещи носили пищу, —
Расплавленное олово.
Свирепые, багряные
Клещи, зрачками оловянные
Сквозь сумрак проблистав,
Как воль других устав.
Они, как полумесяц, блестят на небеси,
Змеей из серы вынырнув удушливого чада
Купают в красном пламени заплаканное чадо
И сквозь чертеж неясной морды
Блеснут багровыми порой очами чорта.
Гнездо ночных движений
Железной кровью мытое,
Из черных теней свитое,
Склонившись к углям падшим,
Как колокольчик бьется железных пеней плачем.
И те клещи свирепые
Труда заре пою

И где верны косым очам
Проворных теней плети
Ложились по плечам,
Как тень багровой сети,
Где красный стан с рожденья бедных
Скрывал малиновый передник
Узором пестрого Востока.
А перезвоны молотков — у детских уст свисток —
Жестокие клещи,
Багровые как очи,
Ночной закал свободы и обжиг —
Так обнародовали:
Мы, труд первый и прочее и прочая.

ИРАНСКАЯ ПЕСНЯ

Как по речке по Ирану,
По его зеленым струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды,
Ходят двое чудаков,
Да стреляют судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят приговаривают.
Верю, память не соврет.
Уху варят и поваривают.
„Эх, не жизнь, а жестянка!“

Ходит в небе самолет,
Братвой облаку удалой,
Где же скатерть-самобранка,
Самолетова жена?
Иль случайно запоздала,
Иль в острог погружена?
Верю сказкам наперед:
Прежде сказки — станут былью,
Но когда дойдет черед,
Мое мясо станет пылью.
И когда знамена оптом
Пронесет толпа, ликуя,
Я проснусь, в землю втопан,
Пыльным черепом тоскуя.

Или все свои права
Брошу будущему в печку?
Эй, черней лугов трава!
Каменей навеки речка!

ИСПАГАНСКИЙ ВЕРБЛЮД

Раньше из Ганга священную воду
В шкурах овечьих верблюды носили, [дикарей].
Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке
Этот из меди верблюд чернильные струи
От Волги до Ганга
Нести обречен.
Не расплещи же,
Путник пустыни стола,
Боченок с чернилами.

С утробой медною
Верблюд,
Тебя ваял потомок Чингис-Хана,
В пустынях белых, с шелестом сухих бумаг
Письменного стола
Колючей мысли вьюк несешь,
Кузнец случайно ли забыл дать удила?
Туда где звон чернильных струй
На берега озер черниловодных,
Под деревом времен Батыя, копной его ветвей
Нависших на глаза, на лоб писателя.
Кто, древний Галнлей,
Дал грани большаков и угол?
Прносишь равенство, как вьюк,
Несешься вскачь, остановивши время,
Над самой пропастью письменного стола,
Где страшно заглянуть,
Чтоб звон чернильных струй,

Чей водопровод
Дыхание песчаных вьюг,
Дал равенство костру
И умному огню в глазах
Холодного отца чернильных рек,
Откуда те бежали спешным стадом.
И пламени зеркальному чтеца,
Чье разум почерк напевал,
Как медную пластинку губ Шаляпина,
Толпою управлявший голос.
Ты, мясо медное с сухою кожей
В узорном чучеле веселых жен,
По скатерти стола задумчивый прохожий,
Ты тенью странной окружен.
В переселеньи душ ты был
Быть может раньше нож.
Теперь носи в сердцах песчаных
Из мысли нож.
Люди открытий,
Люди отплытий,
Режьте в Реште
Нити событий!
Летевший
Древний германский орел,
Утративший ха,
Ищет его
В украинском разве
В колосе ржи.
Шагай
Через пустыню Азии,
Где блещет призрак Аза,
Звоном зовёт сухие рассудки.

ДУБ ПЕРСИИ

Над скатертью запутанных корней
Пустым кувшином
Подымает дуб столетние цветы.
С пещерой для отшельников.
И в шорохе ветвей
Шумит созвучие
С Маздаком Маркса.
Хамау, хамау!
Уах, уах, хаган! —
Как волки, ободряя друг друга,
Бегут шакалы.
Но помнит шопот тех ветвей
Напев времен Батгя.

Ручей с холодной водой,
Где я скакал, как бешеный мулла,
Где хорошо.
Чека за 40 верст меня позвала на допрос,
Ослы попадались навстречу.
Всадник к себе завернул.
Мы проскакали верст пять.
„Кушай!“ Всадник чурек отломил золотистый,
Мокрый сыр и кисть голубую вина протянул на ходу.
Гнездо голубых змеиных яиц,
Только нет матери.
Скачем опять, на ходу
Кушая неба дары.
Кони трутся боками, ремнями седла.
Улыбка белеет в губах моего товарища:
„Кушай, товарищ!“ — опять на ходу протянулась рука
с кистью глаз моря.
Так мы скакали вдвоем на допрос у подножия гор.
И буйволов сухое молоко хрустело в моем рту,
А после чистое вино в мешечках и золотистая мука.
А рядом лес густой, где древний ствол
Был с головы до ног окутан хмурым хмелем,
Чтоб лишь кабан прошиб его, несясь как пуля.
Чернели пятна от костров, зола белела кости.
И стадо в тысячи овец порою как потоп,
Руководимо пастухом, бежало нам навстречу,
Черными волнами моря живого.
Вдруг смерклось темное ущелье. Река темнела рядом,

По тысяче камней катила голубое кружево.
И стало вдруг темно и сетью редких капель
Покрылись сразу мы. То грозное ущелье
Вдруг встало каменной книгой читателя другого,
Открытое для глаз другого мира.
Аул рассыпан был, казались сакли
Буквами нам непонятной речи.
Там камень красный подымался в небо
На пол-версты прямою высотой, кем-то читаемой
до ныне книгой.

Но я чтеца на небе не заметил,
Хотя, казалось, был он где-то около,
Быть может он чалмой дождя завернут был.
Службным долгом внизу река шумела,
И оттеняли высоту деревья одиночки.
А каменные ведомости последней тьмы тем лет
Красны, не скомканы стояли.
Окаменелых новостей висели правильно строки.
А через день Чека допрос окончила ненужный
И я в Баку на поезде уехал.
Овраги, где клубилась река
В мешках внезапной пустоты,
Где сумрак служил небу.
Я узнавал растений храмы
И чины и толпу.
Здесь дикий виноград я рвал,
Все руки исцарапав.
То торга крик? Иль описание любви и нежной и
туманной?
Как пальцы рук над каменной газетой белели облака.
К какому множеству столетий.
И я уехал.—

Овраги, где я лазил, мешки русла пустого, где прятались святилища растений,
И груша старая в саду, на ней цветок богов—омела
раскинула свой город,
Могучее дерево мучая деревней крови другой, цветами краснея, —

Прощайте все!

Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые пастухи,
В деревни золотые вели свои стада.

Бежали буйволы и запах молока вздымался деревом
на небо

И к тучам шел.

Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц за черною
решеткою ресниц,

Откуда лились лучи материнства и на теленка и на
людей.

Прощай, ночная темнота,

Когда и темь и буйволы

Одной чернели тучей,

И каждый вечер натыкался я рукой

На их рога крутые.

Кувшин на голове

Печальнооких жен

С медлительной походкой.

Ра — видящий очи свои в ржавой и красной болотной
воде,

Созерцающий свой сон и себя
В мышонке тихо ворующем болотный знак,
В молодом лягушонке, надувшем белые пузыри
в знак мужества.

В траве зеленой, порезавшей красным почерком
стан у девушки, согнутой с серпом,
Собиравшей осоку для топлива и дома,
В струях рыб, волнующих травы, пускающих кверху
пузырьки,

Окруженный Волгой глаз.

Ра — продолженный в тысяче зверей и растений,

Ра — дерево с живыми, бегающими и думающими
листами, испускающими шорохи, стоны.

Волга глаз,

Тысячи очей — смотрят на него, тысячи зер и зин.

И Разин,

Мывший ноги,

Поднял голову и долго смотрел на *Ра*,

Так что тугая шея покраснела узкой чертой.

Где запахом поют небесные вониля,
В вонесах диких трав
Нетурная негура,
Лилица синих птиц,
В плену узорных зорь,
Где кровь и синь и кровь и снег.
Божественная ляпа
Царапает крылом
Утес широкий неба,
Ка ветра, Эль зари
Вэ синих глаз, виель крыла,
В лиелях белого цветога
И зорианно умирает,
А негистель нежурно смотрит
На парус солнцеока голубого.
Ляпун с виелью синеглазой
На небо удаляется,
Лизунья синих медов,
Ляпунья ляпает божественным крылом,
Слепой красавицы глазами,
И близоруко-голубая
В узоре синих точек
Божественными солнцами сверкает в небе.
И ветер волит, ловит приколоть
Ее к груди как радость точек,
Как шелковый листочек.

А ты щекочешь усиком траву
И зорианно умираешь
В лиелях белого летога.
О, дочь летес!

Э — э! ы-ым! весь в поту
Понукает вола серорогого,
И ныряет соха выдрой в топкое логово,
Весенний кисель жевали и ели зубы сохи.
Бык гордился дородною складкой на шее,
И рога перенял у юного месяца.
Жабы молились, работая в пузыри,
Толстый священник сидел впереди,
Глаза золотые на выкате,
И книгу погоды читал.
Черепашки вытягивали шеи, точно удивленные.
Весенних запахов и ветров пулемет
В нахмуренные лбы и ноздри
Стучал проворно ту-ту-ту.
Цветы сражались пыльцой,
Бились битвами запахов,
Кто медовее — будет тот победитель.
И давали уроки другой войны,
И запахов весенний пулемет,
И вечер точно первосвященник зари.
Битвами запаха бились цветы,
Летали душистые пули,
И было согласное и могучее пение жаб
В честь ясной погоды.
Люди, учитесь новой войне,
Где выстрелы сладкого воздуха,
Окопы из брачных цветов,
Медового неба стрельба, боевые приказы.

И вздымались молитвенниками
Богослужebные пузыри
У лягушек,
Набожных тихой погоде.

Где зелень дерзко ляпает
В глаза горожанам своей зеленью,
Точно священник брызгал
Святою водой
С кисти рыжей большой
По больным больницы,—
Здесь сыпняки и возвратники.
Если из них самый старый,
Самый кричащий: о! о! э!—
Завтра умрет,
А листья на ветках сидят
Ляпунами зелеными,
Не мигая глазами.

Где засыпает невозможность на ладонях поучения,
Чтоб реки вольные, земного тела жилы,
Их оторвали бы от умных рук могилы.
Так ловит мать своих сынов —
Под лезвием взбесившихся коров.
Мешайте все в напитокке общем:
Слова — мы нежны! любим! ропщем!
И пенье нежной мглы моряны голубой
Бросайте чугуны с бычачьей головой.
С венком купён — волчицы челюсть;
С убийцею — задумчивое ладо;
С столетьями — мгновений легких шелест;
И с хмелем лоз — стаканы яда;
Со скотской, дворовой жижей — голубое;
И пенье дев — с глухонемым с разодранной губою;
Железу острому — березу;
И борову — святую грезу, —
Чтоб два конца речей
Слились в один ручей,
И вдруг легли, как времени трупы,
У певчих бревен халупы.

В тяжелых сапогах
Рабочие завода песни,
Тех зданий, где ремень проходит мысли,
Носите грузы слов,
Тяжелые посылки,
Где брачные венцы,
А может мертвецы,
Укрытые в опилки.
И ящики с клеймом —
Умершая любовь,
И с ним железный лом.
Остатков гневной мысли,
И девы умиравшей „Ах!“,
Упавшей на подушки,
Вселенной блеск на коромысле
У озера стрекоз,
И жемчуг радостный в губах—
Носите и возите подземною дорогой.
Кошолки шорохов и шумов,
И цоканья и свистов,
И тьмы таинственных как полночь звуков—
Очам закрытым.
Они стоят такой веселой кучей,
Что хочется, подумав,
Бежать туда, где бог неистов,
А страсть нацелилась из луков
И смотрит хмельными
И пьяными от полночи глазами

Былых путей и перечерченных широт.
Пусть останутся знаки клади:
Приклеенные клейма и печати
Другим расскажут про дороги.
Чорт, бог, невеста и чума,
Зачатие и мор и вера и божба —
Ножом в груди у бога.

Завода слова духовенство
Усталым словам пропоет
Вечную память, дыма нагонит.
Качайтесь усталые белые речи в гробу,
Белейте, высокие лбы,
Венчаные знаками смерти.
А вас, молодые, ждет брачное дело,
И записи ваших рождений
И счетоводный лист смертей и наслаждений,
Старшины звонких браков
Сложили ваши судьбы в широкий мешок песни,
Не думая о крыльях и пыли голубой,
Как полный бабочек мешок,
Согнувший собой человека—
Тяжела человека речь.
Но он открыт, края распались, развязана веревка,
Края мешка для углей, дров, яблок земляных.
И да и нет речей вспорхнувших летят в ничто
Могучей стаей ляпунов, подобной шумной грозной
буре.

Летят в медовое не знаю,
Недолгое великое ничто,
Куда и тянет и зовет
Цель бога быть ничем.
Ведь нечто — тяжесть, сила, долг, работа, труд,
А ничто — пух, перья, нежность, дым,
Объема ящик, полный пустоты,
То ящик бабочек и лени и любви.

И тучею крылатых ничего, нема и грустных ни
Откроется мешок молчания,
Чтоб в двух словах был водопад
И падал с кручи смысл.
И разбиваясь о русло, жесткие камни,
Чумные бабочки и поцелуй —
Все мчатся к ничему, в объятьях умирая,
И машут равенства крылами.
Жените и венчайте стад слова пастухи,
Речей завода духовенство
На скатерти печали пролитые глаза.
А в даль уезжает телега —
Конь на задних ногах, польку пляшущий с гробом,
Облапив копытами
Гроб, полный бабочек.
Зачем он оставлен на пыльной дороге?
Из поднятой крышки заря улетает в бесконечность
И девушек малиновых чуму в гостиную белоснежной,
Где пауки мерещатся созвездием,
И чехарду богов во время лихорадки.
Жабы воспели весну.
И девы, провожающие мертвого брата,
И черепа глаза,
Из них вспорхнули мотыльки,
Огнем горя веселым как синие очки,
Веселые гроба, костра на Купало,
Где над богом смерти скачут ноги загорелые в плать-
ях синих.

Струбай за смертью смерть,
Пока еще мы живы.
Толпы смертельных рож,
Богиню нег и бсрова в хлеву,

От жира и тучного самого себя с опущенными
скромно ушами,

Он встать не может.

На хрупких лапках барином улегся, близорукой

Слепою кучей сала,

Прикованный самим собой к соломе жидкой,

Не может встать, лежит горою жира на боку,

И хрюкнув ждет ножа работника в переднике.

Или заплаты на теле богини,

На нежных и круглых частях;

Любовник каменной скамейки

К ним взоры приковал десятки лет назад.

И пальчиков семья богини

Приклеена к ладони и держала ветку лепестков,

А на хребте прекрасном

Телесно серой глыбы

Приклеена бумажка:

„Харчевня молодых

Невест и женихов“.

Обманутые свиданья, не бывшие в году,

Обманутых свиданий дыры,

Куда глядит, как череп человека, ночь,

И вся любовь не бывшая в году,

Хотя хотели оба.

Вы грубые крики вещества

И рука бога, укравшего

У вас носовой платок, не заметив вашей жизни —

Все оставьте мешок слов.

Детуся! Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя „браток“,
Я, синеокий, клянуся
Высоко держать вашей жизни цветок.
Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то что не этот,
Всегда не людим,
Везде не любим.
Хочешь мы будем брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого,
И мне хорошо и внезапно,
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневавшийся долго во многом,
Вдруг я поверил на веки,
Что предназначено там,
Тщетно рубить дровосеку...
Много мы лишних слов избежим.
Просто я буду служить вам обедню,
Как волосатый священник с длинною гривой,
Пить голубые ручьи чистоты
И страшных имен мы не будем бояться.

ВОЛЯ ВСЕМ

Вихрем бессмертным, вихрем единым,
Все за свободой — туда!
Люди с крылом лебединым
Знамя проносят труда.
Жгучи свободы глаза,
Пламя в сравнении — холод,
Пусть на земле образа!
Новых напишет их голод...
Двинемся вместе к огненным песням.
Все за свободу — вперед!
Если погибнем — воскреснем!
Каждый потом оживет.
Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам...

СОЮЗУ МОЛОДЕЖИ

Русские мальчишки, львами
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда,
Или бросались туда,
Где львиная голая грудь —
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные львы, вы походили на моряка,
Среди ядер свирепо-свинцовых,
Что дыру на котле
Паров, улететь готовых,
Вместо чугунных втул
Локтем своего тела смело заткнул.
Шипит и дымится рука
И на море пахнет жарким — каким?
Редкое жаркое, мясо человека.
Но пар телом заперт,
Пары не летят,
И судно послало свистящий снаряд.
Вам, юношам, не раз кричавшим
„Прочь“ мировой сове,
Совет:
Смело вскочите на плечи старших поколений,
То, что они сделали, — только ступени.

Оттуда видней!
Много далеко
Увидит ваше око,
Высеченное плеткой меньшего числа дней.

В щеки и очи
Сегодня больше и больше пощечин.
Товарищи! Товарищи!
На что тебе цари?
Когда ты можешь крикнуть: „дурак! стой!“
Приятелю
С той половины земного шара.
Пора
Царей прочь оторвать,
Как пуговицу штанов, что стара
И не нужна и их не держит,
А говорят, что самодержец,
С небесными и сине-голубыми глазами?
Эй, винтовочка любезная,
Камни с перстня снять,
И в тайгу исчезну я.
Камушки для мамушки,
А для царей — пуля винтарей.
Охала, ухала, ахала
Вся Россия матушка.
Погоди, платком махала,
А нам что?
Каждый с усами нахала,
В ус не дуем ничего,
Кулачищи наши, во!

Это хаты, согнувшись ползут,
Берут на прицел

Белых царей.
Вот она, вот она
Охота на белых царей.
Нет веревкою пеньковой обмотана
Свобода висит на кремле.
Старики трясут головой
В ямах глаз — курица мечь;
Вылетели из лохмоты руки исхудалые,
Как голуби птицы из гнезд.
Пусть пулеметы та-та-та!
Иди смелее, нищета!

Наши жизни торцы мостовой,
Чтоб коляски каталися балуя,
Долой этих гадов, долой!
Катался, пожалуй я!
Сутки возьми пушки стволом,
Что молча смотрит в окна дворцов,
После шагай на пролом
В страну детей или отцов.
Голод порохом будет,
Ядром нагие, бегущие по снегу, люди.
Грянет. Народ.

Зловещи, как убийцы или заговорщики,
Огромной шляпой нахлобучив тучу,
Стоят ночные небоскребы.
Неси туда огонь летучий,
Неси туда раскаты злобы.
Он, он с народом спорщик,
Давайте небу оплеухи,
Пусть долго не сможет смыть позор щеки.

СЕСТРЫ-МОЛНИИ

1 парус

РАЗГОВОР МОЛНИЙ

1 молния: Я сомневаюсь и тоскую,
С глазами художника,
Как пламя безбожника,
Сажу на зеленом столбе,
Где тени заснули ночные.
Какую снять судьбу людей
На празднике веселом?
Нет буду я глаголом:
„Аз, есмь бог,
Да не будут тебе
Боги иные,
Кроме мене“.
На северной стене,
Где хутор голубка,
Как невод рыбака,
Поймаю глаза верующих
Седых, чужих и юных.
Или надпись: всюду меру ищи!
Потом, как сон, засну на струнах.
Иль ветром крыл чугунных
Углы покрою храма,
Его седую проседь:
Пусть время сбросит!
И мальчик спросит:
Зачем же ласточек крыло у этих камней,
Одежда прочь! [мама?
Ты жмешь в плечах.

Теперь былому небу ночь.
Их род зачах.
Книгою скрою
Черные зори молнии ног.
Ислам моя рубашка,
Но жмет меня под мышкой;
В Коране я дурашка
Хотя —
Степная молодежь клянется этой книжкой.
— Дитя!

А эта точек, черт и запятых
Таинственная связь,
Таинственный глагол
Из многоточий,
Как будто бы петух,
Положенный на стол,
Затворил покорно очи,
Круга белого боясь,
А круг разрушить меловой
Бойся глупой головой;
Безбожной веры имя.
Нет пойду тайком сосать
У коровы доброй вымя.
Бойся разума осад.

2 молния: Я холод сумрачной рубашки
Тому, чей разум спятил.

3 молния: Я божество лесной букашки
В стране коры сосновой.
Твой длинный язык, дятел,
Здесь божество суровое.
Но чаще: прохожий запиши так,
Что мы катушка ниток.

- Нет, виды одежд умножу я
И оденусь как безбожие!
- 1 молния: Обнажена у ноги я.
Видишь — молния синееет.
- 2 молния: Ты нагая, мы нагие,
Нами небо пламенеет.
- 1 молния: Белый воздух бурным кружевом
Не закрыл полей руки.
- 2 молния: Что ж хорошего? тем хуже вам,
Что портнихи пауки.
- 1 молния: Нету веры, есть веревка!
Небо в нас и небо там.
- 2 молния: Пусть морским узлом уловка
Нас привяжет к высотам.
На площади меж улиц
Мы неба куском завернулись.
Звездами пегги, рябы и пестры
Молнии — сестры.
- 1 молния: Я волящий меч!
- 2 молния: Я Мыслящая Печь!
- 3 молния: Не гордясь мышинным пиром —
Серой тысячью страниц,
Мы проносимся над миром
Вереницею зарниц.
Холод строгих плоскостей,
Чисел нежные кривые,
Чтоб мятежней без властей
Самоправились живые.
- 1 молния: Оденусь тучею малиновой —
Висит над пашнями она.
- 2 молния: А я утешу сына вой —
Мне власть над слезами дана.

- 1 молния: Я одену человека,
Его дела, поступки, сны,
Кем он был весной этой,
Кем был в первый день весны.
Я блесну широкой плетью
Пастухам у табуна!
Сквозь сосновое столетье
Прозвучит грозы струна!
Я резвая, я молния. Шалунья.
- 2 молния: Старик седой как лунь я.
Сестры, сестры — вот мы нагие,
Снимем людей, бросимся вплавь.
Синяя вечная молнии вьюга!
Мы равны, мы похожи друг на друга.
Кого я одену, какую судьбу?
Судьей с законами в руке,
Казненным юношей и с дерзкой песней
Красивой жницею,
С серпом усталым на плече,
Иль молотом, разбившим
Седые глаза у божницы,
Иль много любившим,
Иль смехом волос на мече?
Иль дурнем, что шепчет бу-бу?
Где я небесней? где я чудесней?
Сбрит подбородок на голо весь
И котелок на голове.
- 1 молния: Оденусь пахарем.
- 2 молния: Оденусь знахарем,
С кривою палкою.
- 3 молния: А я русалкою.

СТРАСТНАЯ ПЛОЩАДЬ

Молодой инок в келье читает стихи.

Воин: Еще удар один и ногу,
Руки размахом изловчась,
К столбу
Прибью
Людскому богу.
Постой, постой, сейчас, сейчас!
Зачем трепещешь ты, как птаха,
Когда ей мальчуган,
Пред тем как голову красивую свернуть
На темя дышит
И топорщит перья?
Он слышит? нет не слышит!
Послушай бог, не балуй!
Не у знакомых ты, здесь плаха.
Ты плачешь? слушай, ты хороший малый,
А слезы это суеверье.
Да. Слезы это предрассудок.
Ну что же слезы вроде синих незабудок,
И красных слез я раньше не видал.
Не верю им угрюмый сын труда я,
Что ты за нас висишь страдая.
Опять стучат там?
Пусть басни говорят внучатам,
Что ты святой — не верю я.
За все плачу своею кожей.
По ней гуляли раньше плети,

А говоришь: сын божий,
А это худшее на свете.
Как дышит грудь! как бьются ребра.
Послушай, у меня семья и дети,
Я сам совсем не злой и добрый.
Как странно, что и боги
Имеют тело, руки, ноги...
Люблю смотреть восходы звезд.
Эй, стража, дайте гвоздь!
Широкий черный с круглой шляпой.
Хоть кровь, хоть ты сюда не капай.
Зачем ты стонешь: боже! боже!
Скажу по совести, что не поможет.
Я старый человек бывалый,
Тебе здесь сутки нужно мучиться.
И это дело мне знакомое:
Его веду я от отца,
Ведь у отцов род смертный учится,
А после понесу я мертвеца
И тело оберну соломою.
Он был сутул и крив,
Лицо же в оспе... Да.
Зачем я жил? зачем ты жив?
Опять зовешь ты господа!
Бывало в роще соловьиной
И птичий свист и зной и гомон,
Но над суровою холминой,
Над смерти преданной долиной
Высокий столб стоит не сломан,
И из вечерней темноты
Такой же смотрит — точно ты.
А над ним, точно в зеркало девица,

Ворон тот, что детям снится,
Смотрит в мертвые ресницы,
И войском идут мураши.
А гвозди хороши!...
И идут жены горною тропой,
Звенели кубки.
На водопой
Летят голубки.
О жены, те которые внимали
Его словам о боге и добре,
И руку тихо целовали,
Всю ночь на утренней заре
Ловили нити разговоров,
Зачем же мощною кольчугою,
Броней из богомольных взоров,
Любимца позднего досуга,
Не скрыли от гвоздей и молота?
Уже пробудилось село.
Его снеговое чело,
Любимое тихими девами,
Одетое влагою взоров,
Земле будет предано, червями снесано.

Улица: Эй, Эй! Хи-ха-хо!

Эй, Эй! Хи-ха-хо!

Голоса: Уши! Уши! Кому нужны уши!

Корзина ушей! Корзина отрубленных ушей!

Отрубленные уши.

Любви! Любви! Корзина любви.

Кому нужно любви?

(Торговки)

Надпись: „Не трудящийся — да не ест!“

(Сестры-Молнии порхают там и здесь)

Люди: Из улицы улья
Пули как пчелы.
Шатаются стулья
Бледнеет веселый.
По улицам длинным, как пули полет,
Опять пулемет,
Косит, метет
Пулями лиственный веник,
Гнетет
Пастухов денег.

СЕСТРЫ-МОЛНИИ

1. Я беженкой от боженки
Лечу сейчас с Остоженки.
2. Полечу к портным за меркою
Человеческой судьбы,
В диком поле исковеркаю
Все столетние дубы.
3. Мы мыслящие печи,
Дыханье наше дым,
А сам печник далече
За облаком седым.
Кто там? толстяк, чудак и купчик.
Одену как тулупчик.
Будет на небе морозно
Я одену осторожно.
2. Краснощекий здоровяк,
Он удобнее кривляк.
3. Я синюю летучей мышью
Полечу одна над крышами.
4. Со спасителя нетленного,
Восковую покинув щеку,
Я потною слезой теку,
Стекаю и живу.
Потом скачу козой.
Дровами современными
Творца грёз на яву.
5. Я образ, я уборная.
Одежды я бросаю,

- Лечу меж туч босая,
Я девушка проворная!
6. Я продаю права на рай,
Хожу в серебряной парче.
Захочешь умирай —
В руке горшок или ковчег.
7. А я одену тучу.
Она суровым зубром
Повисла над землей.
Я красных губ промеж.
Но все же водку лей,
Иль дам тебе я бучу.
8. А я со скрипкой буду
Печальною, старый чех
Платком связал простуду
На жалком скрипаче.
9. А я оденусь палачем:
Мне жестокость ни почем.
10. Седни в доме сумасшедшем
Врачу я предложила —
Улечься в жаркой печи,
Чтоб скушать его жилы.
О, врач родной и милый.
11. А я помчусь мыслителем
Над письменным столом,
Помчусь с людей учителем
Сквозь дикий бурелом,
Где сосны лишь да ели
Насмешливо скрипели.
12. Буду биться волной
В глины обрыва.

- Девушка, пой:
Что умерло, живо.
13. Полечу к торгашу
И собою небо черное гашу.
14. А я кусочек хлеба
Несу Любяшке неба.
15. Судьбиной медленной
Я промчусь как гроб оседланный.
Блестящи живы очи
Царицы полуночи,
Когда же гроб хохочет,
Гнилые скалит зубы,
Я верю: он пророчит,
Что рухнут неба трубы.
16. Я труп сложила в ящик,
Красива как вода.
В глазах моих блестящих
Есть почерк, нет стыда.
17. Я кушала сома —
Он сладок и жирён!
18. А я схожу с ума —
Мой разум озарён.
19. Купца или рабочего
Сейчас одену я.
В глубинах дома отчего
Всегда на мне лоскутья —
Одежынька молний моя
Всегда на перепутье.
20. Я черное дерево напишу на теле
Седого звонаря.
- Гроза. Сестра за сестрою летели
Во мраке ныряя.

21. Я буду близорукими штанами людей.
22. Я волосом снега седей.
23. Я буду вор ночной,
В рубашке нож.
24. Я горничной
У царских лож.
25. В зеленые ткани
Одето окно.
В молитве и брани
Я одно! я одно!
26. Сегодня хорохорится
Во мне какой-то дух,
И двое во мне борятся
С глазами от старух.
27. Я буду сапоги.
28. Иди дитя, беги!
29. Лежу одна в мертвецкой
И жду ножа ученого.
А завтра девой светской
Письмо прочту суженого.
30. Я полномочный господин
Своего трупа.
В мертвецкой я один.
Глупо.
31. На том, кто мне знаком,
Я черным котелком
Усядусь, заблестев,
От солнца почернев.
32. Я буду умной книгой,
33. Умы зови и двигай,
34. А я катушкой ниток,
Свернусь красивой змейкой,

- Все ж маленький прибыток
Ночной кудрявой швейке.
35. О дробных степенях пространства,
Кто думал по ночам
Его как свое убранство
Я подаю очам.
36. Я буду нищим.
37. Я голенищем.
38. Мы все равны,
Мы сестры-молнии.
Женой писателя,
Глаза спасителя.
Мы едины, мы равны
Дети правды и волны.
39. Я слово „бог“ и вслед ругательство
Кого-то „стерва“
Что догоняет собакой лающей кошку на
дереве.
- И кроме того я мечтательство.
Кто желает?
Верю вам.
40. Я — „боже! боже!“, я возглас уст священника.
41. А я настой из веника.
42. Мы — молнии,
Люди — молний лохани,
Разнообразные ткани.
Одежды молитесь телам
Вечного моря волнам.
43. В лягушку верю,
Раскройте двери.
44. Я мертвая дева,
Чья пена волны,

- Свирелью напева
Уносит сквозь сны.
45. Я человеческая молния
На молнии земли.
И равенство наполню я,
Лежащее в пыли.
46. Хочу быть глаголом —
„Азм есть бог“,
И в доме веселом
Звать топотом ног.
И неводом рыбацким
Ловить глаза верующих,
Тонуть в дыму кабацком,
Где дымно водке меру ищем.
47. Я буду изречением:
„Да не будут тебе бози иные“,
Но окорока свиные.
Пророческий совет,
Уже почтенных лет.
48. Бурым волком пригорка выть ищу,
Вытешу, вытешу, вытешу
Тело нового бога.
Небо будь камнем,
Даль высока мне.
49. Помчусь я солнечным пятном —
Урожай будут сном.
Я просьбами колоса ржи
Небес укрепляю тяжести.
50. Я просьба земли:
„Будь огромней меня человек“.
51. Я в звездном небе шума ищу
И расту себе деревом думающим.

52. Люди все вы молнии и все равны,
Ровно как овцы стада.
53. Я ветки ломала, где плавал пловец,
Потом задремала со стадом овец.
54. Под водопадом, где коряга,
Меня на удочке тянет ловец.
Что делать мне?
О горе мне, бедняга!
Становится в глазах темней.
55. Одну село как шубейку
И приглашу поскорей
Соседку и швейку.
56. Я книга засохших морей.
57. Я буду ножик.
58. Я — мотыльками.
59. А я семьею босоножек.
60. Я — камень.
61. А я учебником детей
Сейчас по воздуху летела.
62. Я в руках рыбака грузом сетей.
63. Я небу бросаю
Холодное слово: „пёс!“
И косы кусаю —
Мой образ бос.
64. Приподыдем личико,
Где смеются лица молний.
65. Я раздета до нага —
Одну серебряное чело мертвеца ученого.
66. Я кусочек жира в мышеловке между книг.
„Отречемся от старого мира!“
67. Я в поле раздавшийся крик.

„Верую“ пели пушки и площади,
Хлещет извозчик коня,
Гроб поперек его дроб.
Образ восстанья
Явлен народу.
На самовар его не расколешь.
Господь мостовой
Вчерашнею кровью написан,
В терновнике свежих могил,
В полотенце стреляющих войск,
Смотрит с ночных площадей
Смерти большими глазами,
Оклад из булыжных камней.
Образ сурового бога
На серой доске
Поставлен ладонями суток.
Висит над столицей:
Люди, молитесь!
— В подвал голубые глаза!
Пули и плети спокойному шагу!
— Мамо!
Чи это страшный суд? Мамо!
— Спи, деточка, спи!
Спи, деточка, спи!
Выстрелов веник
Кладбищем денег
Улицы мёл —
Дворник косматый.

Пуля в догонку, пуля в догонку!
Трое уселось за конку.
Трое свинцовыми тропами
Сделаны трупами!
Дикий священник
В кудрях свинцовых
Сел на свинцовый ковер возле туч.
В зареве кладбищ,
Заводских гудках, ревавших всю ночь,
Искали черт господу смерти.
Узнавая знакомых,
Люди идут поднимать крышки гробов, гуськом,
вереницей.

Черные улицы.
Пуля цыганкой из табора
Пляшет и скачет у ног.
Как два ружейные ствола,
Глаза того кто пел:
„До основанья, а затем“...
Рукою сжатая обойма,
Внизу мерцанье глаз толпы.
Это смех смерти воистину
Пел пуль пол.
Ветер свинцовый,
Темной ночи набат,
Дул в дол голода дел.
Стекла прекрасными звездами,
Слезы очей — пули полета.
Шаги по стеклянному снегу
Громко хрустят.
За стеклянной могилой мяукает кошка.
„Туса, туса, туса!“

Мэн да да цацò“
Пели пули табора улиц.
Ветер пуль
Дул в ухо пугливых ночных площадей.
Небо созвездий наполнило куль.
Облако гуль
Прянуло кверху.

Нами ли срубленный тополь падал сейчас,
Рухнул, листвою шумя?
Или, устав несть высоту,
Он опрокинулся и схоронил многих и многих?

Срубленный тополь, тополь из выстрелов,
Грохнулся на земь свинцовой листвою,
На толпы, на площади!
Срубленный тополь, падая, грохнулся
Вдруг на толпу, падал плашмя.
Ветками смерти закрыв лица у многих?
Лязга железного крики полночные
И карканье звезд над мертвецкою крыш.
Эта ночь темней голенища!
Множество звезд, множество птиц
Вдруг поднялось кверху!
Мною испуганы!

Чу! зашумели вдруг облака шумом и свистом,
Точно клокочет дыханье умершего, хрипло и грубо.
Это летели души усопших.
Нынче, в эту ночь,
Стаю жаворонков
Выше и выше
Летела вчерашняя жизнь
Прочь от земли.
Вырвалось точно дыхание трупа с хлипом и свистом
Бросив столетьям сегодня:
Здравствуйте, милые волки!
Ветер, хоть ты многоустый выстони,
Что опять белогривый спаситель,
Бьется всем телом на дышле!
В оглоблях спаситель народа коней!
Он в упряжи черной.
На площади, разорванные львиными челюстями
восстаний,
Мы некогда вышли.
С веткою своей истины, слабые как дети.
Но все же настанем, но все же настанем!
Тяжко шагает в телеге новый белый конский спас!
Конские веры, как собаки легли у порога.
Он конского племени час.

Он в сбруе! Он в сбруе!
Это не по закону! Это же чудо!
Люди! Белых четыре ноги у пророка, конского бога!

Справимся в книгах священных.

Бьется как пена белая грива, бьется концами по
камням.

Белое море меньше его разлившейся гривы.

Перешеек ноги и копыта — кожи лоскут,

Мяса немного и кости осколок согнут, закручен.

Кости краснеют спрятаны в мясо.

Он бьется, он бьется, пророк площадей.

Он, конской веры светоч великий, чиркнул глазами
большими коня, усталого мученика воздуха.

Заботы и неги!

Спаситель в телеге, глазами чаруя.

Спаситель и кроме людей в плену у ремней.

Овса в большом сите!

Спасите, спасите!

Чтоб верил добру я!

Чтоб не возил он бочки ночные.

Белая грива, белые косы, ноги и шея.

Волнуются ребра, как море вздыхающее,

Белое брюхо растет точно море,

И падает стон горе и горе.

Скрипка живая жестокой игры.

И настожены уши бога страдающего среди
небоскребов.

Более и более,

Опять и опять

Подсолнух из боли

Цветет у копыт.

А разве это плохо,

Когда каждый шаг плаха?

У бога может урок получу

Шагать

На что она мне, третья нога, человеку? Зачем три ноги?
Так же нужны кому трехногие кони?
Костылям? живодерне за городом, может татарам?
Дети! Правительство женских глаз! звездной ночи!
Небывалое у людей! Слушайте, слушайте!
Правительство двояковыпуклого стекла. Право чисел!
Только на звездах соседних такие.
Свежий переворот: двояковогнутая чечевица пала.
Власть у двояковыпуклых стекол! Смена мировых
чечевиц!
Новость. Зазор! Ставят новую правду зодчие наши
на новых основах,
Вычисленных новым уравнением,
Чтобы свет жилой людьми, полный окон, и дверей,
и стеклянных хат
Шел согласно кривизне чечевицы старшей.
Новая стеклянная управа столетий!
Большие времена луча.
Стеклянная правда!
Дева свободы смотрит на бога в увеличительное
стекло!
Бог под увеличительным стеклом! Сам господь звезд.
Подзорные трубы устремлены на Я,
Чтобы свести с неба на землю „я“ человека.
Величавый переворот на земле.
Грозная смена кривизны власти.
С страшным громом и треском положительный луч
стекло сменил отрицательную кривизну.
Люди ринулись по новым путям, точно первый
пучек утренней зари.
Жилые лучи городов выбрали новую власть —
Зажигательных стекол свободы.

Как стадо овец мирно дремлет,
Так мирно дремлют в коробке
Боги белые огня — спички, божественным горды
огнем.

Капля сухая желтой головки на ветке.
Это же праотцев ужас —
Дикий пламени бог, скорбный очами,
В буре красных волос.
Молния пала на хату отцов с соломенной крышей,
Дуб раскололся, дымится,
Жены и дети и старцы, невесты черноволосые,
Их развевалися волосы,
Все убегают в леса, крича, оборачиваясь, рукой
подымая до неба,
На острые зубы зверя лесного, гадов шипящих укус,
Как обед для летучего гнуса.
Дико пещеры пылают:
Золото здесь, зелень и синь горят языками.
Багровый с зеленью злою
Взбешенных глаз в красных ресницах
Бог пламени, жениной палкой побитый,
Машет дубиной корявой, гнев на селе срывает.
Соседи бросились грабить село из пещер.
Копья и нож, крики войны!
Клич „с нами бог!“
И каждый ворует у бога
Дубину и длинные красные волосы.
„Бог не с нами!“ — плачут в лесу

Деревни пылавшей жильцы.
Как волк дико выл прадед,
Видя как пеплом
Становится хижина.
Только угли горят и шипят.
Ничего уже больше, горка золы.
Смотрят глаза волков
Из тьмы. Плачь жена!
Нет уже хижины милой
Со шурами, удочками, копьями
И мясом оленей, прекрасным на вкус.
В горы бежит он проворно, спасаясь.

А сыны: „мы с нами!“
Запели воинственные
И сделали спички,
Как будто и глупые
И будто божественные.
Молнию так покорив,
Заперев в узком пространстве.
„Мы с нами!“ — запели сурово они,
Точно перед смертью.
Ведайте, знайте, мы с нами!
Сделали спички —
Стадо ручное богов,
Огня божество победив.
Это победа великая и грозная.
К печке, к работе,
Молнию с неба свели.
Небо грозное, полное туч —
Первая коробка для спичек
Грозных для мира.

*

Овцы огня в руне золотом
Мирно лежат в коробке.
А раньше пещерным львом
Рвали и грызли людей,
Гривой трясли золотой.
А я же, алчный к победам,
Буду делать сурово
Спички судьбы.
Безопасные спички судьбы!
Буду судьбу зажигать,
Разум в судьбу обмокнув.
— Мы с нами! Спички судьбы
Спички из рока, спички судьбы.
Кто мне товарищ?
Буду судьбу зажигать
Сколько мне надо
Для жизни и смерти.
Первая коробка
Спичек судьбы.
Вот она! Вот она!

На родине красивой смерти Машуке,
Где дула войскового дым
Обвил холстом пророческие очи,
Большие и прекрасные глаза
И белый лоб широкой кости.
Певца прекрасные глаза,
Чело прекрасной кости,
К себе на небо взяло небо.
И умер навсегда
Железный стих облитый горечью и злостью.
Орлы и ныне помнят
Сражение двух желез,
Как небо рокотало
И вспыхивал огонь.
Пушек облаков тяжелый выстрел
В горах далече покатился
И отдал честь любимцу чести,
Сыну земли с глазами неба.
И молния синюю веткой огня
Блеснула по небу.
И кинула в гроб травяной,
Как почести неба.
И загрохотал в честь смерти выстрел
Тяжелых гор.
Глаза убитого певца
И до сих пор живут не умирая
В туманах гор.
И тучи крикнули: остановитесь,

Что делаете, убийцы?
И до сих пор им молятся
Во время бури.
И были вспышки гроз
Прекрасны, как убитого глаза.
И луч тройного бога смерти
По зеркалу судьбы
Блеснул по Ленскому и Пушкину и брату в небесах.
Певец железа — он умер от железа.
Завяли цветы пророческой души.
И дула дым священником
Пропел напутственное слово,
А небо облачные почести
Воздало мертвому певцу.
И доньше во время бури
Горец говорит:
То Лермонтова глаза.
Стоусто небо застонало,
Воздавши воинские почести,
И в небесах зажглись, как очи,
Большие серые глаза.
И до сих пор живут среди облаков,
И до сих пор им молятся олени,
Писателю России с туманными глазами,
Когда полет орла напишет над утесом,
Большие медленные брови,
С тех пор то небо серое.
Как темные глаза.

ОСЕНЬ

Где опустило солнце осеннее
Свой золотой и теплый посох
И золотые черепа растений
Застряли на утесах,
Реяли сонные тучи осени синей.
По небу ясному мечется иней:
Лишь золотые трупики веток
Мечутся дико и тянутся к людям:
„Не надо делений, не надо меток,
Вы были нами, мы вами будем“.
Бьются и выются,
Сморщены, скрючены,
Ветром осенним дико измучены.
Улиц тянулись кверху уступы.
Черных деревьев голые трупы
Черные волосы бросили нам,
Точно ранним утром, к ногам еще босым,
С лукавым вопросом:
„Вы верите снам?“
„С тобой буду на ты я“.
Сады одевают сны золотые.
Все оголилось. Золото струилось.
Вот деревья призрак колючий:
В нем сотни червонцев блестят.
„Скряга, что же ты?
Пойди и сорви...
Набей кошелек!

Или боишься, что воры
Большие начнут разговоры?“
Грозя убийце лезвием,
Трекратною смутною бритвою
Горбились серые горы.
Дремали здесь мертвые битвы,
С засохшею кровью гнева и ссоры ---
Это Бештау — грубый, кривой,
В всплесках камней свободней разбоя,
Похожий на запись далекого звука,
На А или У в передаче иглой,
И на кремневые стрелы
Древних охотников лука,
Полон духа земли, облаком белым
Небу грозил боевым лезвием,
Точно оно, слабое горло, нежнее, чем лен.
Он же — кремневый нож
В грубой жесткой руке,
К шее небес устремлен...
Но не смутился небесный объем:
Попрежнему ясно чело.
Как прокаженного крепкие цепи
Бештау связали,
Прибили к долу и степи...
„Бесноватый дикарь — будь вдалеке!“
По небу ходят белые полосы
На записи каменной голоса,
На почерке звука жили пустынники.
В светлом бору, в чаще малинника —
Слушать зарядок
И желтых овсянок —
Жилою была горная голоса запись.

Жили старые люди,
Нищие телом, духом — ничьи...
Громкие сверху мчались ручьи.
Кувшины издревле умершего моря
Стояли на страже осенней пустыни.
Я мертвую рыбку заметил в кувшине.
Из моря засохшего,
Ставшего камнем, бревном,
Из мертвого ныне поля для бурь
Напилены доски,
Умной пилой человека.
Шероховатые лестниц ступени,
Белые стены на холм вели, туда на пролом,
Где орел крылья развеял высоко и броско,
Точно острые мечи,
Человеческое горе орлы
Обращают в смех и пенье.
Вдали как собаки стерегут Пятигорск
Две верные Жучки: Курган Золотой-Машук и
Дубравный.

Горы мирно лежат, на лапы морды свои положив,
А в городе смотрятся в окна
Писатели, дети, врачи и торговцы.
Это зеленые крыши, как овцы,
Спят мирным сном!
Все мирно. Дым курился.
Ножами золотыми стояли тополя,
И девочка подруге
Кричит заодно „Ля“.

Воздух расколот на черные ветки,
Как старое стекло.
Молитесь богоматери осени,
Окна часовни осени,
Пулей разбитые с разбегу, морщатся,
Дерево горело лучиной в воздухе золотом,
Гнется и клонится.
Осени огниво гневно —
Высекло золотые дни.
Молебствие леса. Все сразу
Упали золотые папахи.
Деревья вытянуты, точно грабли
Для охапок солнечного сена.
На чертеж российских железных дорог
Дерево осени звонко похоже.
Ветер осени золотой
Развеял меня.

Сегодня Машук как борзая,
Весь белый, лишь в огненных пятнах берез.
И птица на нем, замерзая,
За летом летит в Пятигорск.

Летит через огненный поезд,
Забыв про безмолвие гор.
Где осень, сгибая свой пояс,
Колосья собрала в подол.

И что же? Обратно летит без ума,
Хоть крылья у бедной озябли.
Их очи колючи как грабли,
На сердце же вечно зима.

И рынок им жизнь убыстрил,
Их очи суровы как выстрел.
Чтоб слушать напев торгашей,
Приделана пара ушей.

Бьются синие которы
 И зеленые ямуры.
 Эй, на палубу поморы,
 Эй, на палубу музуры,
 Голубые удалцы!
 Ветер баловень — а ха ха! —
 Дал пощечину с размаха —
 Судно село кукорачь,
 Скинув парус, мчится вскачь.
 Волны скачут лата-тах!
 Волны скачут а-ца-ца!
 Точно дочери отца.
 За морцом летит морцо.
 Море бешеное взыи!
 Море, море но-но-но!
 Эти пади, эти кручи
 И зеленая крутель.
 Темный волн кумоворот,
 В тучах облако и мра
 Белым баловнем плывут.
 Моря катится охава,
 А на небе виснет зга —
 Эта дзыга синей хляби,
 Кубари веселых волн.
 Море вертится юлой,
 Море грезит и моргует
 И могилами торгует.
 Наше оханное судно

Полететь по морю будно,
Дико гонятся две влаги —
Обе в пене и белаге,
И волною кокова
Сбита лебедя глава.
Море плачет, море вакает,
Черным молния варакает,
Что же скоро стихнет вза,
Наша дикая гроза?
Скоро выглянет ваража
И исчезнет ветер вражий.
Дырой диль сияет в небе,
Буря шутит и шиганит,
Небо тучи великанит.
Эй, на палубу поморы,
Эй, на палубу музуры,
Ветер славить молодцы!
Ветра с морем nelaды
Доведут нас до беды.
Судно бьется, судну ва-ва!
Ветер бьется в самый корог,
Остов бьется и трещит.
Будь он проклят ветер ворог —
От тебя молитва щит.
Ветер лапою ошкуя,
Снова бросится тоскуя,
Грозно вырастет волна,
Возрастая в гневе старом,
И опять волны ударом
Вся ладья потрясена.
Завтра море будет отеть,
Солнце небо позолотит.

Буря киш, буря кши!
Почернел суровый юг,
Занялась ночная темень.
Это нам пришел каюк,
Это нам приходит неман.
Судну ва-ва, море бяка,
Море сделало бо-бо!
Волны синие борзые
Скачут возле господина,
Заяц тучи на руке.
И волнисто-белой грудью
Грозят люду и безлюдью,
Полны злости, полны скуки.
В небе черном серый кукиш,
Небо тучам кажется шиш.
Эй ты палуба лихая,
Что задумалась, молчишь?
Ветер лапою медвежей
Нас голубит, гладит, нежит.
Будет небо голубо,
А пока же нам бо-бо.
Буря носится волчком,
По морскому бога хая.
А пока же охохонюшки,
Ветру молимся тихонечко.

ГОЛОД

Почему лоси и зайцы по лесу скачут,
Прочь удаляясь?
Люди съели кору осины,
Елей побеги зеленые..
Жены и дети бродят по лесу
И собирают березы листы
Для щей, для окрошки, борща,
Елей верхушки и серебряный мох, —
Пища лесная.
Дети, разведчики леса,
Бродят по рощам,
Жарят в костре белых червей,
Зайчью капусту, гусениц жирных,
Или больших пауков — они слаще орехов.
Ловят кротов, ящериц серых,
Гадов шипящих стреляют из лука,
Хлебцы пекут из лебеды.
За мотыльками от голода бегают:
Целый набрали мешок,
Будет сегодня из бабочек борщ —
Мамка сварит.
На зайца, что нежно прыжками скачет по лесу,
Дети точно во сне,
Точно на светлого мира видение
Восхищенные смотрят большими глазами,
Святыми от голода,
Правде не верят.
Но он убегает проворным виденьем,

Кончиком уха чернея.
В догонку ему стрела полетела,
Но поздно — сытый обед ускакал.
А дети стоят очарованные...
„Бабочка, глянь-ка, там пролетела“...
Лови и беги! А там голубая!..
Хмуρο в лесу. Волк прибежал из далека
На место, где в прошлом году
Он скушал ягненка.
Долго крутился юлой, все место обнюхал,
Но ничего не осталось —
Дела муравьев, — кроме сухого копытца.
Огорченный, комковатые ребра поджал
И утек за леса.
Там тетеревов алобровых и седых глухарей,
Заснувших под снегом, будет лапой
Тяжелой давить, брызгами снега осыпан...
Лисанька, огневка пушистая
Комочком на пень взобралась
И размышляла о будущем...
Разве собакою стать?
Людам на службу пойти?
Сеток растянуто много —
Ложись в любую...
Нет, дело опасное.
Съедят рыжую лиску,
Как съели собак!
Собаки в деревне не лают...
И стала лисица пуховыми лапками мыться.
Взвивши кверху огненный парус хвоста,
Белка сказала ворча:
„Где же мои орехи и желуди? —

Скушали люди!“
Тихо, прозрачно, уж вечерело,
Лепетом тихим сосна целовалась
С осиной.
Может, на-завтра их срубят на завтрак.

ТРУБИТЕ, КРИЧИТЕ, НЕСИТЕ!

Вы, поставившие ваше брюхо на пару толстых свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли, что целый великий край,
Может быть, станет мертвецкой?
Я знаю, кожа ушей ваших точно у буйволов мощных
туга,

И ее можно лишь палкой растрогать.
Но неужели от „Голодной недели“ вы ударитесь
рысаками в бега,

Когда над целой страной
Повис смерти коготь?
Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звездное небо,
А вы пойдете и купите
На вечер — кусище белого хлеба.
Вы думаете, что голод — докучливая муха,
И ее можно легко отогнать,
Но знайте — на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а — дать.
Несите большие караван
На сборы „Голодной недели“.
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседел!
Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться —
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!

ТРИ ОБЕДА

Вечер. Столовая до такого-то часа.
Окорока с прослойками
Ярко-алого мяса,
Свиные кишки,
Набитые жиром,
Хрустящая алая кожа
Молодого в зеленом листу теленка,
Алая рожа
Смеющегося поросенка.
Жиром умываются горячие ушки,
Хлеб с слезящимся сыром.
Алая пицца мясная, здоровая!
От красного мяса, слышно: „корова я!“
Алых яблок горы и горы,
Огурцов влажно-зеленые горки.
Я прохожу в белых опорках;
Толпа — денег жрица суровая.
Малиновый ветчины разрез во рту исчез.
Разговоры про ссоры с ножом,
С попойками,
И о торговых проказах
Зеленолицых людей, алооких.
Чая стаканы, все с молоком!
Щи. Пара куриц.
На куске сыра слезы и свищи.
Чистый, полный чести,
Самовар в клубках белого пара,
Чародей шумит и кипит.

Это лице серебряной жести шумно курит.
Седой над пивом спит.
В озерах кровью с зеленой травой
С стружками хрена дымное мясо.
Смотрит с любовью
Алое как колено.
Протянутые вперед губы лица,
Голова верхопляса.
На стене висят
После смерти радостные
Не унывая, но не опрометчивые,
Через кожу алую золотом просвечивая,
На столе смеются двое поросят,
После смерти смеются их пяточки.
Нежным жиром течет
Прозрачным и золотым точится,
Алым озаренная, красная говядина.
Беседы о тех, чей конец
На столбе с перекладиной.
Красному мясу почет.
Нож вонзен и алая ссадина
На темно зеленом арбузе —
Цепочка на пузе.
На подающей перышко птичье.
На хрупком белоснежном блюде
Вкусите, люди!
Еще в дыму мясо бычье,
Зелени и белого хлеба копны,
Полнокровные мешки людских лиц,
Готовые лопнуть,
Речи с запахом дела,
Собаке залаявшей брошено: „цыц!“

И золото алых дымящихся щей
В жирных кругах сверх овощей.
Рыжая кошка,
Красная глазами,
На стеклянном блюде,
Нежные пирожные
Таяли во рту,
Хрустящие печенья,
Хрупкие трубки,
С белыми сливками,
Руки продаж и покушки
Алые губы едят.
Зеркало новых господ,
Чудовищно на них похожий,
С полосатой морщинистой кожей
Толстый щенок,
С большими ушами,
Стал на стул
И зарычал от гнева и презренья,
Когда ему дали
Черного хлеба.
Нож алый, зеленый груши цвет,
И мясо — вы всегда соседи!
Как белые цветы,
Пересыпались живые лица
С кровавым ожерельем
Тугих мешков для сала и для крови.
„Сегодня я, а завтра ты“
Гласило их спокойствие немое,
И было радостно лицо свиненка.
Когда он слушал про пропажу самогонки.

А если встать и крикнуть „му“,
Рога наклонить и прыгнуть через стол,
С гостями и стульями?
Как побегут все прочь!
Приход рогатого посетителя!

Народ отчаялся. Заплакала душа.
И бросил сноп ржаной о землю.
В Киргизию пошел с жаной,
Напеву самолета внемля.
Смутилась степь и покраснела
И засуха чахотки спала,
Разрезана как мощи тихого святого.
Кто умер там?
Они поруганы, пещеры святые.
В глазах детей встают Батыи.
Облавой хитрою петли
В тугой завязан узел.
Колосьев нет, их бросил гневно боже ниц,
И на восток уходит беженец.

И когда самолет четко вырезал четыре,
Каркая, стая ворон
Ринулась туда,
Где на земле лежал богатырь.

Волга! Волга!
Ты ли глаза-трупы
Возводишь на меня?
Ты ли стреляешь глазами
Сёл охотников за детьми,
Исчезающими вечером?
Ты ли возвела мертвые белки
Сёл самоедов, обреченных уснуть,
В ресницах метелей,
Мертвые бельма своих городов,
Затерянные в снегу.
Ты ли шамкаешь лязгом
Заколоченных деревень:
Жителей нет — ушли,
Речи ведя о свободе.
Мертвые очи слепца
Ты поднимаешь?
Как! Волга, матью,
Бывало, дикой волчицей,
Щетинившая шерсть,
Когда смерть приближалась
К постелям детей —
Теперь сама пожирает трусливо детей,
Их бросает дровами в печь времени?
Кто проколол тебе очи?
Скажи, это ложь!
Скажи, это ложь!
За пяточок построчной платы!

Волга, снова будь Волгой!
Бойко как можешь
Вгляни в очи миру!
Глаждане города голода.
Граждане голода, города.
Москва, остров сытых веков,
В волнах холода, в море голода,
Помощи парус взвивай.
Дружнее удары гребцов!

Это парус рекача
Бурегурит рокоча,
Царь лени падает с престола.
Младоста воли,
Струг Волги плыл,
Плыл трупa видняком.
Этавлем шишаков
В этотах берегов блестит зарей.
Нетот прибор стучал в бока
И палуба этела мечевой,
Чернели Волги нетежи
И ножведей молчала шайка.
Плыл шалоста — челн,
Божеествовал, можеествовал
В нетынных берегах
Могач челнов.
Косые шлемов зорчаки,
Шороховая речь парусов,
В нетебне волн плещебны весел.
Нетавли голубые.
Здесь малоста людей стоит
Над отцепеплом старых лет.
Толпец свободы и завета.
Тихоста ветер, шуми!
Над святостой старых полотен
Силоста весел,
Лютоста бар, свирепоста боя,
Милоста крепоста нищих.

Радоста, младоста нищих.
Кольчугой багровой огнебен,
Зловеще кумачевые огни,
Нетучи тучи голоса
Над черной нетотой ночей.
Могучей Волги шумежи
Ництрусы мородей и ножведи,
Кровавыми лужами гордеи.
Пустынных зорь лучи
Зажгли собеса силачи,
Кругом товарищей нетняк
Ярила кистенем в час боя
Нежалоста бояр.
Очами палачей в злобняке,
Стоит надежда голытьбы —
Великий вероста села.
И меч усталый от харчей,
Гороха белых черепов,
Висел на поясе.
Мужак столетий, волоста судна
Замолчал, одиноця на палубе,
В потопы вод вбивая сваи теней:
Он шумел парусами
Людняк розняки,
Голод инес надувал этот парус,
Инея, инея летел за инуты,
Куда этавель этот челн,
Оттудень чужоких туч.
Зачем веслу реки харчи?
Глодать задумали прибором,
Куда мечтынею полна
По Волге веслами зачёмкать

Зовет волгарская волна.
Вдали онечество синее:
Они онечеству угрозой.
И улицы реки жидки
Меж чароэтий берегов.
Ототы давят узники,
Громадные серые перья уронит журавель,
Туч пехотинец,
Дико грозный парусавель,
Острокрылый ночлег волытьбы,
По дороге оставляет гробы.
И мертвещеющая ночь,
Где толпещы стояли мозни,
Кого озаряла?
Орланы — верланы,
Гроза отобняка,
Чей глаз рассержен ночеэтью?
Чья дыба гнева на дыбы
Взметнула брови?
Огню-ли иль ночной воде
Юноста волн?
Нет мероэтий крови.
Зарчи зрачков зачем в изломе
Стянули лик узлами малогурь?
Милы милавли светлы.
Онцовоэ кольчугоэ
Стонцовые гусли в руке.
Ончие смерти, стончие губы,
Любимцы боеэти стран,
Отрупить поля могоэчи.
Удалещкий огонь
Сиротоэу ночей,

Не боится погонь
Вольный полк могачей.
И шишак пылает зарин,
Овца волков синевы.
Голос Волги синевы
Полетел в ночные горы:
То свирелями войны
Просвистали бедогурь.
Негведь, зачем шишака
Красиво литою волной
Заслонил золотохарей рун?

Какой остряк, какой повеса
Побил тузы закона,
Дал проигрыш закону веса?
Как месяц обнаружил зоркий,
Он древний туз покрыл семеркой!
И ставку снял у игрока,
И рок оставил в дураках,
И горку алую червонцев
Схватил голодной рукой,
Где только солнца, солнца, солнца
Катились звонкою рекой.
Лети в материк А
Письмо летерика.
И в кольцах облачных тулупа
Сверли и пой крыло шурупа.
Судьбу и на небе ругая:
Скучно, скупое и зло,
Службой ежедневной орлов,
Как пьет из кости мозг остяк.
Летела вила полунагая,
Назол волос рукой откинув,
И в небо взор могучий кинув.
Два черных солнца в падших звездах глаза ее,
А стан — курильни сизый воздух и зарево.
В небесных плоскостях,
Где солнце ясное тепло,
Кому себя вручить, одолжить?
Кому девичью нежность выдам?

Меня унес железный выдум,
Чугунной чарой птицы вала
Мне буря косы целовала.
Отдавая дань почета,
Я ночь как птица вековала,
На ветке дикого полёта,
И грустно, грустно горевала.
Плывет гроза — потопа знак,
И вот лечу в воздушных оползнях,
Чтобы в белых глины толщах
Червяком подземным ползать.
И точит ходы сквозь орех высот,
Через предел ночных скорлуп
Уносит облачный шуруп!
А глазам — ни туды, ни сюды.
Ей богу, хуже стрекозы!
Чисто кара, где же грех?
На птице без перьев, без кожи, без мяса,
А одни стучат лишь кости,
Решиться на суровый постриг,
К безумцу неба устремясь,
Куда-то ласточкою мчась,
Забыв про тех кто целовал
Вот эти плечи, вот эти косы
И эти ноги тайной босы,
Обняв рукой железный вал,
И мчаться, как на святки в гости,
И облаку кричать „поди!“
С неясной силою в груди
Неведомо к кому. Нет, не пойму.
Лететь полчищем стрекоз
И в снежных цепях видеть коз,

Зеленых глаз нездешний ситец, —
В безумном страхе уноситесь!
Сложили челюсти — ножи,
В бореньи с бурями мужая:
Чума густых колосьев ржи,
Чума садов и урожая.
Орлы из мух с крылами из слюды,
Зеленой вестники беды.
В набат кричат, веревкой дергая,
Поля людей в степях за Волгою
Над пятнами таких пожарищ.
Сейчас лечу, стрекоз товарищ.
От дерзких глаз паденья
Закрыта плоскостями
В построенной купальне,
Чтоб труп не каялся в земле,
Перед священником высот,
За черный грех и за полёт,
В падения исповедальне.
В разлуке длинной с теми,
Кому нежна ведунья.
Хотели этого века.
Я ваше небо проточу
Суровой долей червяка,
Как будто бы гнилой осенний лист,
Как мякоть яблока уж перезреую,
А может быть стащу с небесных веток
Одно, другое солнышко,
Рукою дикою воровки,
Парой хорошеньких рученок.
И светляка небес
Воткну булавкой

В потоп моих волос,
Еще стыдливый и неловкий,
Для зависти девченок
Подсолнух золотой,
Кудрявый полднями миров,
Пчелой запутается в косах,
В ней зажжужит цветок полей,
Что много, много выше всяких тополей.
Я расскажу вечерним славкам,
Что мной морей похищен посох:
Господства на море игрушка жезла
В руках того под кем земля исчезла.
Второе море это небо —
На небе берег к морю требуй!
А если спросят что я делаю,
Скажу, что верно в возрасте долоев
Все ваше небо — яблоко гнилое,
Пора прийти и червякам!
И смерти лик знаком векам,
И верно мне за солнца кражу
Сидеть в земном острого место,
А это уже гаже.
О подвиг огненный!
Я мамонта невеста —
Он мой мертвый бог ныне.
Лесному лосю сохачу,
Как призрак хохочу,
Лесной русалкою сижу
Над белою волною бивня
И вот невестою дрожу,
Для женихов косога ливня.
Забыв лесных бродяг, повес

С ознобом в перемеж, в развалку,
Богиню корчить и русалку,
И быть копьем для поединка
С суровым шишаком небес,
В суровой война руке.
На помощь милые слезинки,
Бурливой плыть теперь реке.
Водою горною, бывало,
Спеша, как девичий рассказ,
Коса неспешно подметала
Влюбленный сор прекрасных глаз.
Здесь остановится, здесь поторопится,
Жестокая застынет,
Пока столб пыли минет,
И пыль сердец в стыду не скопится,
Тогда за лень! и труд долой,
В него летит письмо метлой.
Теперь сижу, сижу, дрожу,
Какая мразь! какая жуть!
И если б тяжести крамольник
Упал на землю летерик,
Какой великий треугольник
Описан моим телом,
Как учителей хрустящим мелом,
Углем описан на доске.
За партой туч увидел ученик,
Звездой пылая вдалеке,
Как муравейник — башни колокольни.
Но можно ту столицей, —
Крик радости довольной, —
Зажечь военной чечевицей.
Нет злая мысль, мысль злодейка.

Но если солнышко копейка,
То где же рубль?
Во мне? в тебе? в чужой судьбе?
Где песен убыль?
Где лодка людей кротка
И где гребцом чахотка.

Так вила мирная журчала,
С косою широкой мыслитель,
Гроза далекая ворчала.

На шкуре мамонта люблю
Вороней стаи чёт и нечет,
Прообраз в завтра углублю,
Пока мне старцы не перечат.
Над мертвой мамонтовой шкурой
Вороны, разбудив снега полей, кружились.
Пророка посохом шагает
То, что позже сбудется,
Им прошлое разбудится.
Какая глубина — потонешь!
„Орлы в Орле“ — „Крошу Шкуро“.
Серп ущербленный.
И вдруг Воронеж,
Где Буденный:
Легли, разбиты, шкурой мамонта —
Шкуро и Мамонтов.
Вдали Воронеж.
Умейте узнавать углы событий
В мгновенной пене слов:
Это нож дан
В сердце граждан.

В глазу курганы
Ночных озер,
В глазах цыганы
Зажгли костер.

Народ влачил свои судьбы по Волге,
Суда судьбы и узкую веревку
Широкой лямкой народовластья замотал.
Потом же львиный царепад
Листы у жизни оголил,
И часто, часто невпопад
Народ потоки крови лил.
Кто юноша, чей в черепе не сросся шов?
Он бросил смуглое яйцо
И умер точно Балмашов,
Закрывши белое лицо.
Зачем свободе стремяна
И седел твердая лука?
Летят весною семена
И ливень ржи сквозь облака.
И сказка имени царя
Рассказана секире,
И вот женою дикаря
Над мерзлую землей Сибири,
Боса, обуздываешь годы,
Верхом сидишь на камне бивня
И в дни суровой непогоды
Нагая режешь струи ливня.
И черный мамонт белым бивнем
Грозит неведомо кому,
А на селе сибирским пивнем
Воспето солнца ку-ка-ку!

Над мерзалою землею Оби
Ее глаза темны и в злобе
И вьется бешено коса,
Чтоб упали пояса.

Судьба закрыла сон с зевком
И снова мы во сне
Лежим ничком,
И край подушки бешено грызем,
И наш удел родимый — зём.

Увы! Маша, на полках шаря
Громадным кулачищем,
И водолазы стеклами созвездий,
Что ищем мы?
С подушки к небу подымаясь,
И пальцем согнутым хвоста
Цепляясь в земной шар,
И броненосным телом извиваясь,
В ночном бреду,
В небесной тяге
Ночною бездной нас манила.
Себя венчаем мы?
И через решетку видим небо
И бьем себя от ярости в висок.
И что же? — она закроет книгу сна
И шлет презрительный зевок.
Как к водке пьяница мы тянемся
К прилавку Козерога,
Ревнуя сан ночного божества.
Увы, решетка между нами! —
Так обезьяна скалит зубы человеку.

Пусть пахарь, покидая борону,
Посмотрит вслед летающему ворону
И скажет: в голосе его
Звучит сраженье Трои,
Ахилла гневный вой
И плач Гекубы,
Когда он кружится
Над самой головой.
И тенью крика своего —
Он зеркало костру.
И пусть невеста, не желая
Любить узоры из черных ногтей,
И вычищая пыль из под зеркального щита
У пальца, тонкого и нежного,
Промолвит: солнца может кружатся, пылая,
В пыли под ногтем?
Там Сириус и Альдебаран блестят
И много солнечных миров,
Весь пляшущий на небе табор,
Стаи созвездий, солнц, мерцаний и миров.
И белая звезда та,
Что за собою вела игру миров,
Звук солнц сейчасных, весь неба стан, —
Его мы думой можем трогать, —
Сокрыл в себе. Блестящие девы поют.
Пусть пыльный стол,
Дрожа от самоката,
Узоры пыли вольно расположит,

Чтоб пальчиком провел
Ребенок с азбукой перед собой,
Сказав: вот это пыль Москвы, быть может,
А эта точка пыльная — Чикаго.
Ячейки из столиц ткет звук
Рыбацкой сетью.

КУСОК

Алое в черном кружеве трусь! —
Это в черной чаще алые зайцы,
Накидок и кружев кустарник был черен,
Гнезда жемчужных серебряных зерен.
И пока
Черной глыбою бык, огромное пятно,
Точно с пещеры снят, первых дикарей пугая на
стенах, —

Дик, булавою свиреп,
Наклонил косою рог, угрожая.
На боках
Серебрилась река
Черно-белого глянца,
Солнца потомки здесь жили на ребрах быка,
Рога обмотал
Он живую кишкою
Слепому коня,
(Белый подарок для живодерни
Чья шкура будет долго на солнце висеть)
Толстой кишкою,
Темницей калуги, лебеды, царских кудрей, незабу-
док и лютиков.

Смотрят печально они через решетку
Кишки —
Травы, цветы,
Что вчера над рекой голубели
И золотились,
Жили в синих глазах и в черных глазах ночевали,

И, запах струя, были милы юным девицам и молодым
человекам,

И умирали в петлицах.

Цветы кочевали на художника холст в царство грез:
Устав от земли, вчера он гулял у реки.

Сыто и туго мешком незабудок

Был набит конский желудок.

Украшен.

Намотал,

Зол и яр

Волоча

По песку

Пылью и глиной покрытый лоскут тела чужого

— Звонко стона живого.

Жижей навозной усталых коней, струями жолчи и
жова,

Землю моча под широким хвостом, где предсмертная
лилась моча, —

Ею безумен, слеп и зол,

Весь точно ночь, от полутеней сумрака гол,

Хмелен и пьян,

По могучему боку хвостом колотил,

Лют и жесток и коварен,

Горд, надменен и чван бык,

Длинной кишкой, что делала его, поднявшего морду,
царем,

Чтобы солнце лугов несть к сердцу и мозгу,

Свой косою рог,

Как иголку,

Воткнул в размотанный щедро желудок,

Разметанный по пядю кольцами, петлями, свертками—

К радости зрителей зоркими —

В катушку, сине-зеленый клубок
Мокро-зеленого длинного шелка, рог опустился
Шилом упорно пыряя [глубок,
В мокрую кучу живых потрохов,
Мордой горячей ныряя
В мокрой серебряной зелени долгих кишек,
Подобной кочанам зеленой капусты осенним,
Горе овощей, где тыквы, и огурцы, и кавуны, и ка-
пуста, и баклажаны, и синенькие —
Лавкою рынка желудок казался ревушей жалобой
клячи,

Слепого коня.

Он же встал на дыбы,
Точно садясь на горшок.
Окруженный, точно отец детьми,
Мокрых алой жижей кишек длинными кольцами,
И когда тянулись, как столетья, миги вонзаемых в
в мясо ходячее рог,

Бык был бог, люди богомольцами.

И пиявками у трупа женщины молодой,

Молодой и белой и бледной,

Морскими щупальцами тянулись к коню слепому и
бедному —

Храма тысячеокого очи.

Бык попятился прочь, бык конский живот на рогах
волочит.

И толпа тысяч и тысяч сосала

Щупальцами и жалами зрелище.

И где скачет и мечет бык — конелов,

Носится в кругу с животом побежденного на тупой
голове —

Это широкий с потолками облака решетки

И наступал на бис.
Конь слепой уж упал, головою незрячей мерно кивал,
И тяжестью туши,
Этого рева крови, избытка крови и солнца.
Бешенство крови туго
Заперто в красное зарево глаз.
Точно бесноватый на тугих цепях,
Он наступал на пузыри голубые,
На рукава молочно сизые
Мешки с сеном,
В крови с комьями сала
Слепого коня,
Еще под седлом и в подпруге.
Копье на песке сиротеет без ловкой руки человека,
Метко бросающей в черной загрибок.
Всадник за красным плащом по прежнему зорок и
хитр;

Новую белую клячу,
Слепую невесту для живодерни,
Ему уже слуги подводят.
Конь лежит на боку, в песке яму вырыв,
Копыта на воздух свои растопырив,
Головою кивает и гривой
Устало.
Тысячи зрителей, сливших шумные руки
В бешеный гул.
Бык не знает, что делает:
В последний раз в ребра рога
Упорно воткнул:
Мяса не ест.
Воздух нюхает, следы крови,
Мордой тупою поводит,

Слюна на землю удилами течет,
Перед смертью знакомый жадно вбирает почет.
Чу, нож блеснул в руке палача!

Цыганка вскочила на стенку,
Деньгою серебряных глаз дорога и громадна,
И сказала: хорошо!
Это кислорода склянка.

ДЕРЕВО

Изломан сук на старом дереве,
Как Гоголь вдруг сожегший рукописи,
И челюстью сучки кусают брюхо облака,
Калек пути кривые.
Горят золотые листы, как зажигалки слепого.
Ты милостынь даешь ночлега птицам,
Шумя нашествием Мамаю,
Над сумраком полей.
И солнце прячется за харею тебя, святой чудак.
Дровами ты спасаешь города,
Ты солнце за косынкой дерева,
Ты жмурки неба на земле,
О прятки с человеком солнца!
Солнце зимою клячи везут.
В сырых печах, утробах людей,
И в мыслящих печах людей.
И то прямее слова — пли!
То тянешься кривою звука оа и эо,
Идешь листов кулачным боем, всегда вперед.
А здесь зовешь, как выстрел одинокий,
И мчатся поезда все с солнцем
В подземные жилища.
Смертный час настиг.
Сыны дерева в опасности!
Жарче огни синевы;
Осенью будем о сыне выть,
Сыны осени вы!
Лезут ветвей пехотинцы —

Светлозеленые нынче.
Жестокий ветром блеск — глазами чародеев —
За золото, за синеву полки листов зовут.
И каждый плакал крохотным щенком.
Казалось, в поисках пространства Лобачевского,
Здесь Ермаки ведут полки зеленые
На завоевание Сибирей голубых,
Воюя за объем, веткою ночь проколов,
Чтобы ослепла.
Как всадник на скаку,
Зеленый задрожал лоскут.

Железною дорогой Москва—Владивосток
Гордился на пруту молоденький листок.
Сибирских поездов проткнуло синеву.
Окончен путь листом, стыдом небес.
Ты тянешь кислород ночей могучим неводом,
В ячейх невода сверкает рыбой синева ночей,
Где звезды — преданье о белокуром скоте.
Верю, дал нравы дереву зверь белокурый.

Облако с облаком
Через воблы ком,
Через бублики
Бросили вливы,
Шелеста девы.
Светлых губ лики,
Тени, утесы ли?
И были
Трупы моря,
Вздымали рукой великанов
Постели железа зеленого —крыши,
Полы голубые
Для босиков облаков, босых белых ног.
Город был поднят бивнями звезд,
Черные окна темнели как 0,
Улица — рыба мертвых столетий,
Из мертвых небес, из трупов морей
Мясо ночных великанов.
Черные дыры в черепе белом —ночь такова.
Там где завод дорог чугуна
Для ног наковал,
Глухой сумрачный нынче,—
Громко пел тогда голос Хлебников,
О работнице, о звездном любимце.
Громадою духа он раздавил слово древних,
Обвалом упал на старое слово коварно,
Как поезд разрезавший тело Верхарна:

Вот ноги, вот ухо,
Вот череп — кубок моих песен.
Книга — старуха,
Я твоя осень!

На глухом полустанке
С надписью „Хапры“,
Где ветер оставил „Кипя“
И бросил на землю „ток“,
Ветер дикий трех лет.
Ветер, ветер!
Сломав жестянку воскликнул: вот ваша жизнь!
Ухая, охая, ахая всей братвой
Поставили поваленный поезд
На пути — катись!
И радостно говорим все сразу — есть!
Рок, улыбку даешь?

Где волосы, развеянные сечью,
И мимо глаз и на плечах,
И время, вспугнутое речью,
Дрожит в молчании лучах.
Лоб черепа немного вогнут,
И бычьей брови очерк тверд,
И губы дерзкие не дрогнут,
Как полководцы страстных орд.
Она к нему близка за то ли,
Что он недвижим, видя кровь?

Невольничий берег...
Соломорезка.
Новые и все свежие колосья,
С зернами слез Великороссии,
Втягивает
В железные жабы,
Дышит.
Русского мяса вывоз куй!
Россия была огромною вывеской.
Струганком война стругала Россию —
Кружево трупов стружек.
Молча без жалобы
Невольники севера
Наполнили палубы
Морских пароходов: рогатым скотом
Войны до победы.
В воздухе бреды.
Темные глаза спаса
Реют над лавкою русского мяса
Священных знамен.
Русское мясо
На рынок мировой торговли
Выбросил рубль.
Женихов России убыль,
Гибель, гибель!
Где-то за морем прибыль.
Прости подсолнухов
Золотые очи,

Золотые ресницы
Родимые кровли,
В ней ласточек
Молодок дети.

ПРАЧКА

ГОРЯЧЕЕ ПОЛЕ

1

Тулупы мы. Земляные кроты: родились
группыми,
В вечер осенний ворочаемся в сене,
А бары-забавнички
Оправляют свои нарукавнички.
Одевают — охорашиваются,
Да чтоб муха, смотри, не нагадила.
Охорашиваются!
Дескать, и ночью одеты,
И зимы уголок, белый и свежий.
На поцелуи милой напрашиваются.
Посмотрю, какой ты нагой?
— Ноги кривые,
Пузо — мешок,
Что чесать — не найдет гребешок!
Барин голый,
Попляши, попляши!
Дай мне радость,
Для души, для души!

2

Во дворцах мы не жили,
Нас никто не нежил,
Нас, чернорабочих.
Росли как щенята.
— Наш нож,
— Натё!

Гож нож!
Эй толпы людей!
Нож гож!
Знайте,
В мозгу,
Зарубите.
А меня чернявую,
А меня, девку милую,
Полюбите.
Он, красавец, длинный нож,
В сердце барина хорош!
Ножом вас подчюю
Простая девка:
Я прачка, чернорабочая!
Ай хорош, ай хорош!
Нож.

3

Жили в поту
И бар целовали пята,
По мужски и по бабски,
Но рабски. По рабски.
Чтобы царей на обух,
Господ на обух, господ на обух,
Чтобы...
Несите секачи!
Горячее поле, сюда скачи
На трех ногах собакой раненой.
Трехное скачи, грози костылем безносое.
Землянки теплого навоза
Бегите на лапах косоного мороза,
Все на бегу ковыляйте в снегу!

Как собаки с ногой перебитой.
Нашли свой царский дворец
[В конском дымящемся кале.
Вас кричат ножи,
Вас ножи искали].
Хотят лезвеем
Баловаться с барьем,
Миловаться с барьем,
Целоваться.
Тонкий край секача,
Кадык бар щекоча,
Алую зарю
Возвещает царю,
По горлу скользя,
А без вас — нельзя.
Толп несите налет и нажим
С Горячего поля!
Жарко ждут ножи —
Они зеркало воли.
Войском нищим,
Войском нищим,
Чем блеснув за голенищем?
Хлыньте! Хлыньте!
Выньте! Выньте!
И вы Гинденбурги
Нечистот Петербурга,
Ночного обоза,
Когда господа
Вынимают платок —
Морщатся.
Бороться! бороться!
За право борща,

Колотья — будет черпать из колодца,
Алый зовет вас восток!
Есть Дворец-грёза —
Там вино веселит
И там сладка еда
И зимою цветет тепличный цветок
Страны юга,
На него как на диво смотрится вьюга.
В снегу и навозе рассеяла Русь лики.
И вы, детские лица,
В норе из помета скорбные суслики.
Скорее, скорее столица,
Отныне столица для пота,
Сегодня
— Для пота! — Для пота!

4

Весь город в снегу,
Полночи час,
Трескучий мороз,
Лишь дымится навоз,
Лишь дымится навоз,
Он для бедности Спас,
Он бедности Спас.
И овес коней косяка,
Сотни лет богатеев конюшен,
Здесь спасал босяка —
Дал тулуп и наушник,
Давал шубу и обувь и брата
Спать во сне рядом,
Горячего братца!
Довольно! Довольно!

За нож, ножом
С снарядом драться
Пора!
За железное дело
Смело
Братся!
— Братся!

5

Вы женщины, что растворяли щедро
Свои больные, в язвах недра
Подросткам гнилых городов
И крали у них жизнь на длинный ряд годов,
Чье имя подло и преступно,
Служа свободе неподкупно,
Вы ветки знати отрубали
И остовы богатства оголяли,
Как будто ребра мертвого кита,
Толпой приморских чаек.
Вы племя убийц, посылавшие в кровь,
В чужие земли, в чужое государство
Сынков богатеев,
Когда вы меняли на деньги любовь
И получали шляпы-затеи:
Шляпы со спицей — падшую столицу,
Шляпы — солнца затмение,
С черною длинною спицей,
Хохочите на улицах,
Когда честной девушке спится,
Летите стаей птиц
По улицам столицы
Из больницы, из больницы.

Вы, обрубавшие ветки у барства,
Наденьте шубы и шелка с толчка,
И белоснежное белье,
И бросьте одежды, пропахшие потом
И семенем мужчин,
Гнилье.

6

Эй, девченокки неважные,
Покупные, запродажные,
Врывайтесь в особняк,
Скачите перед зеркалом!
Каблучки-дурачки!
Эй мила, ай мила!
Ведь буря богатеев
След бегства замела.
Ах вы губки, мои губки,
Да ночные покупки!
Ах вы ножки, мои ножки,
Хорошие какие!
По ковровой, по дорожке,
Ровно блошки,
Вы по Невскому скакали,
Господинов разыскали!
Ах вы рученьки-малютки,
В белой сыпи, в белой сыпи!
Да зачем я лысая,
Белобрысая...
Вот куплю себе прическу,
Вдену алую полоску,
Стану милая, стану милая!

В ночном потоке шлях, богородиц и потаскушек,
Где ходит зверем сказочный богач,
Добычу ищет мот послушник
И олух сел на лихака.

7

Царь! — выстрел вышли!
Лоб ждет, ваше величество!
Мы вышли. Где же пули?
Идем. А с нами все Горячего поля девичество,
Смольный преступного мира,
Великосветский мир острога.
А ну-ка пушки гремите строго
Бом! бом!
Или кто там? Милюков?
Или Керенский?
Сегодня нету дураков!
Сегодня верен, с кем
Толчек любви
Гнилого города,
Чье отпадает с десен мясо.
Часы любви ловли
И глаз торговли.
Шагаешь.
— Шагаешь!
Пули
Пели.
Пали в Горячие поля.

8

Бог! говорят, что там на небе твоя ставка?
Сегодня ты в отставку! получаешь отставку.

— Отставку!
— Здесь чинят божество!
Эй, где чинят бога?
Медники, стекольщики, плотники
Глухого переулка,
Где здесь починка бога?
Чистят колеса, ставят заплаты.
Люди, вы слышали раскаты
Грома гулкового?
Где чинят бога?
Конский навоз,
Что нас спасал и грел одеждой от мороза, —
Поставить на его место
В тяжелые оклады серебра.
— Серебро и ряд свечей блести!
И круглыми стенами окружить,
И тучные люди с богом на брюхе, старухи, —
И все как раньше.

9

Дворцы замерзли в инее,
В лебяжьих покрывалах снега,
И вся столица светлая огнями,
Как светская красавица была
Высокомерна и красива.
[В снегу и горностаях утопая,
И холодна и недоступна,
Высокая воздушною красой].
Сияли улиц белых просеки,
Держали кровли тяжкими руками
Трупы умершего моря.
Здесь море после смерти

Училось у людей:
Носило бороду и людям подражало.
И овощи нес на голове
Бородатый труп моря.
А там вдали дымились горячие поля
Неумирающим огнем,
Точно дыхание борца
Волнует ребра.
Как склады пороха — зрочки
И гневом сломанная бровь,
Темнели бурые бугры —
Чумные города людей.
Нагие, голые, озябшие,
Как прокаженные гонимые
Перчаткой белою городовых
В час зимнего мороза,
Братвой приняли милость
От другой столицы конской,
Надели шубу с плеч коней.
Горел, дымился навоз горящий,
Дети слабо выползали
И матери — воровки городов —
Добычу приносили дня.
[Возились тихо у костров,
Отцы несли листы
Гнилой капусты,
Селедок тощие хребты,
И кости толстые быков,
И боен дар — кишки].
Садилась в круг семья
И ела дары дня.

Вы?
Не вы ли,
Войском нищих,
Ступив корявым голенищем,
Пойдете на дворцы
На набережных Невы?

Это седые рваные тулупы
Идут из снежной халупы.
Это пальцы сапог
Смотрят на зиму.
На лыжах одни,
Другие в валенках,
На Горячего поля
Завалинках.
Только калеки:
Сестры и жены,
Отцы и мужья.
Нож у одних,
А у женщин мышьяк.
Там зимовали
В снежном подвале.

10

[Разве вы
От холода не выли? вдвоем в землянке
Костей ненужных не сосали?
И драк с собаками не знали?
И от усталости не падали,
Не спали сытые на теплой падали?
Не спали на ходу, склоняя голову?
Так лейте пули — вот свинец и олово!].

11

Слушайте, люди, слушайте!
Рабочие люди, очухайтесь.
Я, дочь народа, потчую
Вас
Ножом!
Бар плетку отчую,
Летит ужом.
Мы сломаем! Мы все сломаем:
Сёл очаг даст силача.
Идем — Мамаем,
Поем — Мамаем!
Слушайте! люди Горячего поля —
Здесь ведь живет девушка Воля,
Наша красивая доля.
Ее давно любила очи я,
Простые, рабочие.
Я девушка русская, я чернорабочая
Сегодня вас Свободой потчую!
Люди! Люди! Не будет боле
Боли и голи!
Боле боли и голи!

12

И никогда и никогда их не увидит
С душой веселой око юное.
В норе, в навозных кучах жили,
Они скрывались окайнные,
Они умели ненавидеть.
Не по царски
Свой городок вы построили
В кучах дымящихся калов,

Не по барски вас нежили стены
Темных сквозных провалов,
Подземных подвалов,
Столетние бугры
В том месте,
Где дышится вольно гневу и мести,
И спокойно лежит окровавленный нож.
И город стерег вас зубами оскала,
Граждан города из конского кала.

13

А мы и наша рабочая темь
Виновата тем,
Стоя дрожа,
Что кулак без ножа.
Долго не будем сносить белые чванные груди:
У них раком речным вылезут к темени очи,
Мы окаянные, сгнившие люди —
У них
На лоб вылезут очи,
Лишь придет мой желанный жених —
Нож рабочих!
Нож рабочих!

14

Треух немецкий, грозя грозе железной палкой,
Построил белый город из трупа морей.
Дворец для рая
Знати и царей,
Костями устилая
Болотные провалы,
Очки надевая костей.

И дыры сшитые в зипун,
Зимой нагие Волги плечи,
Ущелья грязи, села насекомых —
Открыли Горячее поле.
Два города, два выстрела, два глаза —
Они друг друга стерегли
В окопах скрыты до отказа.
Война. Война трудов, обеда,
Война одежд, речей, движений.
Два города в упор стрелками
Друг в друга целятся
Стволами ненависти.
Чу, перебежчик пес
Кость жирную
Пещерам белым, пещерному люду принес.
И люди вышли кучей
Ее отнять.
В том городе русло свободной волны
Затянуто в доски умершего моря,
Мертвые доски, как женщины грудь
Китовым усом, — и шеи площадей
Ночным ожерельем горят.
Из трупa морей эти львы,
С сердитой лапой,
И серые трупы ступеней
Вели к дворцам,
Покрытым в камень кружевняк.
Прямой суровый камень,
Похож на слово нет,
Вдруг делался кудрей воздушнее
И вьется вьюгой каменной,
Воздушной кружева,

Где каменеет женский поцелуй.
Цари здесь жили
И темнели в окнах
По ночам.
А там столетние, людьми жилые
И населенные детьми и старцами,
Полы конюшен.
Город, чьи стены из сена,
Прошедшего конский живот.
Кто первый спустит свой курок?
В венце навоза нищета,
Иль белый царь, народам грозный?

15

Город белый, заснувший
Тысячей белою зайцев,
Лишь чернеют трубы-уши.
Город заснувший, забывший тревогу,
К нему с головней крадется злоба,
Поджечь высоких замков надменную речь.
Этот час — повар,
Чтоб поднялся говор и говор —
До облаков.
Это Москвы рука
Мстила невским царям,
Снимая венец: выручи,
Выручи!
Это в замки забралась
Грозная тень — непрочитанная книга,
Имя ей — Хам.
Вам тесаки —
Дома высоки.

Вы секачи
По горлу щекочей.
Тот ящик где струн,
Где барышни слышался вой
И звуки Шопена,
Из окна по мостовой
Пива немецкого хлынула пена
К выскочке финских болот:
Это ринулось поле Девичье,
Отомстить за царевича
Великану царю в треуголке,
В заморском треухе и с палкой.
Это Ходынка
Над трупом невских царей
Воет зловеще в волюнку.
Отплясать за царевича
Пляску злобы и насмешки.

16

Рыча подвалами лица,
Идете, нарушив „стоп!“, лая.
Так вы рычали в общей свалке
На свалке,
Конины дохлой брюхо теплое
У стаи уличных собак,
Худых и грязных,
Оспаривая
И ткани падали ножом распаривая,
Седую стаю галок и ворон
На воздух шумно подымая.
Широк стежок
Рогожным шилом

Собранья дыр — тулупа вашего,
И четок каждый шов:
Гнездо для грязи и для гнид.
[И грубы швы
Заплатанной одежды.
Кто вы, самоеды?
В руках неловких
Ружья и пищали.
К стволу — трубе водопроводной —
Сырой веревкой
Намотана туго
Доска забора — ложе].
Отхожих мест труба
У ваших ружей — дуло,
И медью золотой припаян был запал.
[Целясь в бога зараз и царя,
Трудился кто в снегу,
К щеке прислонив,
То что на ложе похоже?
Жилец навозных куч
Горячего поля].
Иль это просто случай,
Игра судьбы?
Но как глаза угрюмы,
Мощны скулы.
Идете!
Горячее поле,
С вами кони
В общем заговоре.
17
Пух лебедя дворцам
Грей белым снежным одеялом,

А для лачуги пушки бухают,
А для лачуги пушки.
Мы — торцы мостовой,
Чтоб в коляске катался богач помягче.
Потей!
Капусту и лук жри до изжоги!
А над нами где-то боги
Витают небесные.
А ты на колодке
Тоци сапожище и сапоги,
А и сапог — это боги.
Рожок? А сосед-богатея
За широким и бледным стеклом, на кузове
черном.

Едут боги,
Может из воздуха или сияния солнца,
Иль из небес синевы?
Нет. Из синевы лучей их тела?
Толстый купчина — божище,
Богиня, божок.
Богиня смахивает
На косо́й мешок муки,
Вот у скул кривы виски,
А божище хорошо знаком Петроградской,
Живописцам вывески.
Его образа висят
На всех улиц боках
Итак, рядом с мордой тупого быка,
Белою тушей гусят.
Сегодня, пробегая за спичками,
Я видал три раза
Его образа.

Фу, боги уехали!
Шляпу одел.
Сижу и думаю:
Я сапожище
На ногах у божищи,
А если бы я был божище или божок?
А он сапожище?
Не даром приделай — атый
Из бога выйдет богатый.
В один гроб закопать их лопатой!

18

А другие, иные,
Борются, ссорятся,
Чтоб как боров зажирили
Купчин шеи без труда,
А купчих без ожерелий
Свет не видел б никогда!
Небоскрёбы как грибы
Выросли на Пречистенке,
А рабочие гробы
Хоронил священник чистенький.
Чтоб от жен и до наложницы
Их носил рысак —
Сам Господь, напялив ножницы,
Прибыль стриг бумаг.

19

Вот Невский поцелует рынок,
Тучи снежных пылинок,
Хорошенькие хамочки, милые мордашки.
Шляпы — ты не бей меня мамочка!

Солнца затмение, острые булавки!
Серьги — имение, из лучшей лавки.
Глаза современные,
Любви толкучка.
Горят приюты
В темных зданиях,
Здесь Украины баламуты
В ряду отверженных созданий.
Охота за тенями девичьими,
Сжимают четвертную,
На пол часа царевичи,
С глазами подведенными,
Руками осужденными.
Рыжие усики:
Что, барышня, трусите?
Гноя знак.
Что, барышня, боязно?
Что вам снится?
Чужие ресницы.
Я вас обидел,
Полно дуться!
Вчера я видел,
Идут, жмутся.

Морденка — сажа!
А вот — гробов продажа!
С лебяжьей сумкой,
Глаз богородицы на черной копоти.
И тонет общий шум
На конском топоте.
Рысак был гулок.
Вон в этот переулок.

У друга богача
Заем.
И сел на лихача
Вдвоем.

Идем! друзья, во славу нам
Мешки людей дырявые,
Темнея дырками для глаз,
Шагая, падали корявые
На пятипалые отростки
В дырявом мешке человека,
Своего туловища.
И были дула вещи.
Их семеро дырок других,
Кроме тех что над бровями,
Всего их девять на теле.
Царские пули еще больше наделают!
Птичками свищут,
Ищут
Тела уют.
Цветок я деве дал, —
Экая невидаль!
Под шляпою: „Мамо, не губи меня!“
Нет в платок.

20

В том черепе надменном тлеет
Костер венчаных предков,
Здесь в вдавленной коробке лба
Таилась подлая судьба,
Столетий долгой власти шелест,
Там тяжело ложилась челюсть.

Чванно
Беседовали старцы.
Зеленое поле.
Сухой и бритый
Король кожи
Метал и ставил.
Кругом потомки Гедимины
И голубая кровь Романова.
Согнутый куском снега,
Воротничек
Дал зимний блеск
Худому темному лицу.
Волна овец
Полой, упавши до пола,
Давала сумрак черно-золотой —
Ночное небо летом.
И перстни подражали звездам ночи.
С улыбкой утренних ресниц,
Смотрели жены через плечи.
Шуршало перо лебедей.
Встали. „Зеленому полю
Сегодня я дал двести тысяч“, —
Сказал мужчина, улыбаясь
В свои роскошные усы.
[„Двадцатую часть урожая
Для мелкой игры ничего!“
„Да в этом году урожай!“].
Он не увидел, что
Молчаливой тенью,
Дыша навозом,
Скаля гнилой череп,
И с черною косой

Гнилых волос остатка,
За ним стояло,
Руку ему на плечо положив, —
[Бродяга дворцов] —
Горячее поле.
Друг,
А о Горячем поле забыл?
Туда ничего ты не бросил?
Насмешливо шепчут уста,
Смеется безмясый оскал
И лижет ухо тухлым языком,
Нищенкой.

21

А вон проходит красота,
Вся в черном, подымается дуло,
Ни черта! И она уснула.
Шлюха — красивое брюхо.
Идут, молчат. Ни звука.
В Москву!
Пли!
Городовой на крыше —
Прицелы выше!
А вон священник!
Сыпь на горсть алых денег!
Красная подкладка —
Гладко!
Пьяные баре! —
В Самару!
Плывет белуга —
В Калугу!
В слуховом окне — пулемет,

По черной лестнице — вперед!
Готов, разбил мозги,
Ни зги,
Без чувства.
Пристав!
В лоб выстрел!
Чисто!
Друг, площадь очищена!
Винтовка, пищи на!
Эй, загнем тебе салазки, белая повязка!

22

Сверкая в сумрачной заре,
Стояли над Невой замки
В железных оградах, колючих как окунь.
Один, малиновый, горел
Решеткой огненную окон,
Толпя кумиры над собой выше кровли.
Другой, играя в жмурки с садом,
Был правилен и строг,
Как старой прелести острог.
Чудовищем осев
И белым задом к Неве поворотясь,
Стоял поодаль третий.
У позолоченной иглы
[На высоту
Чугунной конницей взлетев,
Возница кровлю украшал,
И, руку протянув свою,
Коней свирепых укрощал.]
Напротив белела крепость,
Где душили упорных недругов царя,

И слава шла, дыша веревкой и огнем,
Про этот шест и вестника крылатого на нем.
И был суров, недобр,
Темнея длинной пушкой, выступ.
Он угнетал во сне и на яву.
И сумрак, как седой камчатский бобр,
Одел красавицу Неву.

23

Летит чугуна, заразы вой,
Ты сказочки рассказывай,
А мы, твой зная сказ,
Пойдем наискось, теней по стану.
Как эта улица пустынна!
Пустынню пустыней, все окна их черны,
зубчатый край стены,
Небесной синевы отвоевал широкий угол
За полумертвые дворцы, закутанные наглухо
в чехол вечерней мглы,
Идет ее дорога.
Блестели лезвия пришельцев наглых
И кто-то лез, вея
За особняком узорным вечерний ужас.
В тень призрака сужась,
Зачем трепалось дико
Дерево садов?
Дерево садов, где листья трепыхались, как
множество годов —
Зачем нагнулось низкое
Оно к земле?
И белая записка
В сетях его колючих, в сучков его кремле?

И лист одинокий и желтый,
Ударив о землю (плашмя),
Нам шепчет: „Тяжел ты,
Голос, которому внемлю, —
Топот громад“.

24

Не бесись,
Ведь ты не на небеси!
Это чудо: озеро серое, севера золотого почерка
волн с красным отливом,

Щуки плещутся.

Рядом утесы с сосной шумящей,
Синеет луг, голубая лужайка была, на ней
Незабудка цвела.

Пришел косарь с косой, перо павлина в шляпе,
Мешок для сена пуст,
Скосил лужайку он,
Сложил в мешок и в город снес,
На царскую конюшню.

Конь, волнуя черной гривой и блестящий
оком,

Всю ночь жевал травы мешок.
Только ночку незабудка переночевала
В училище его живота,
А утром на возу перекочевала
В Горячее поле, как стебель навоза,
Греть детей босяка,
И много сестер увидала
В стенах пещеры, в снегу.
Товарищи: труд, незабудка и конь.
И братва зажжет огонь.

25

Добрые, хорошие красавчики,
Сложим все винтовки,
Разобьем мерзавчики,
Белые головки.
На пустой боченок,
Боченок от вина,
Созовем девченок,
Целовать с пьяна!
Ой, девченокки, ухнем!
Ай, красоточки, ахнем!
Ой, молодушки, охнем!
Охала, ухала, ахала! —
Ходим мы и сохнем,
Да огнем всполохнем
По незримому врагу.
Эй, дивчата, ни гу-гу!
Это уж четвертый погреб,
Мы как рыбы в винах тонем,
Не бывает ног рыб,
Эй сюда, торговку смехом!

26

Мы писатели ножом!
Мы мыслители брюхом,
Ученые черного хлеба,
Пота и копоти,
Священники хотота.
Мы торговли черных небесных очей,
Моты золота осени листьев,
Мы богатеи желтых червонцев на дереве,
Мы скрипачи зубной боли,

Мы влюбленные в лому,
Мы влюбленные в простуду,
Торговцы смехом,
Запевалы голода,
Обжоры прошлым годом,
Пьяницы вчерашнего дня,
Любовники водосточной трубы,
Мудрецы корки хлеба,
Художники копоти,
Счетоводы галок, ворон,
Богачи зари —
Все мы, все мы сегодня цари!
Любители желудка,
Пророки грязных штанов,
Землекопы вчерашних обедов —
Божьи дети.

27

Нищие тут.
Мы спим в снежных норах на диком морозе.
Мы ночные цари на обозе
Дворцовых нечистот.
Наш город — вторая столица — в навозе,
Наши дворцы в теплом кале.
И мы с нашими девушками,
Матерями, отцами и детьми —
Спим в столетнем конском навозе.
А вы, цари, спите во бозе.
Мы — цари на обозе —
Будем жить,
Тлея,
Светлея,

А вы заснули во бозе.
Если не пропляшу
Я — кровавый шут,
Старый безбожник,
Пляску портновских ножниц:
Моей шутки в петле я.

28

Братушки, братушки, братушки!
Часа предсмертного сватушки!
Тесно и больно в груди
Кто с неба смотрит — гляди?
Это драка снежных дур
Со широкою метлой,
Это бродит бедокур:
Крик „долой!“

29

Давно ли было?
Гирями горя согнуты,
Ветер развеял лоскуты, —
Идут.
[А, Волга, не сдавай!
Дон помогай!
Кама, Кама!
Днепра чуприна?
Здравствуй, ржаная рать,
— Всем помирать!
Это широкие кости,
С бледными, злыми, зелеными лицами,
Прежде кротки и добры,
Глухо прорвали плотину и хлынули
Туда, где полки голые шашки вынули.

*

Хлынули
Улиц царями жилых, самодурами.
Гости
С челюстью бледной, дрожащей, угрюмой,
С окаменелою думой,
Зеленая улица выстрелов —
Идут, согнутые горем.
То хлебобобы кроты
Идут престолу крикнуть на ты!
Гордо
Дать по бурлацки в зубы и морду.
Ответа искать у дураков с кого
И не обеднею Чайковского,
Такою сладкою, что тают души,
А первую чугуною обедней,
А черной всеюшною смерти,
Чтоб раскорячились по снегу туши,
Ответил выстрел первый и последний.
Дворец свинцовыми устами
Похож на мертвеца,
Похож на грозного отца:
Народ любимый целовал —
Тот хлынул прочь за валом вал].

30

Что варишь,
Товарищ?
Из оха и уха
Уху.
Добавь сюда:
— Эх!
— Их!
— Ох!

НАСТОЯЩЕЕ

I

Над белым сумраком Невы,
У подоконника окна,
Стоял, облокотясь,
Великий князь:
„Мне мил был
Сумрак сельской хаты
И белая светёлка,
Соломенная чолка
Соломы черной и гнилой,
Ее соломенный хохол
И на заваленке хохол.
И все же клич „царей долой“
Палит и жжет мне совесть.
Лучи моего духа
Селу убогому светили,
Но неприязненно и сухо
Их отрицали и не любили.
„Он захотел капусты кислой“
Решил народный суд.
А я ведро на коромысле
Из березы, пою, их вечером несут.
Суровую волею голи глаголы висят на глаголе.
Я — самый верхний лист
На дереве царей,
Подземные удары
Слышу, глухой подземный гул.
Нас кто-то рубит,

Дрожат листы
И вороны летят далече.
Чу! Чую, завтра иль сегодня
Всё дерево на землю упадет.
Железа острие нас рубит
И дерево дрожит предсмертной дрожью“.
Нежнее снежной паутины
И снежных бабочек полна,
Над черной бездною ночей
Летела занавесь окна.
И снежный камень ограничил,
Белее чести богоматери,
Его высокий полусвод.
„Народ нас создал, возвеличил.
Что ж, приходи казнить, народ!
Какой холодный подоконник!
И смотрят звезды вещей сонник!
Да, настешь ко всему людей пророческие очи!
Придет ли смерть, загадочная сводня,
И лезвеем по горлу защекочет,
Я все приму сегодня,
Чего смерть ни захочет.
Но сердцу темное пророчит.
Что ждет меня — какая чаша?
Ее к устам моим несу!
Глухой острог, параша,
Глухой острог, затерянный в лесу,
Среди сугробов рудники
И ты печальная — параша,
Жестоких дней приятельница?
Там полетят в меня плевки,
Я буду для детей плевательница?

Как грустен этот мир.
Время бежит — перо писарей
Торопится,
Царей
Зовет охолопиться...
И буду я висеть на виле;
А может позже
Меня удавят те же возжи,
Какими их давили.
Смерть! Я — белая страница!
Чего ты хочешь — напиши!
Какое нынче вдохновение ее прихода современнее?
Ранней весной, не осенью,
Наше сено царей будет скошено,
Разлукой с небом навсегда,
Так на земь катится звезда,
Обетом гибели труда.
Ах, если б снять с небесной полки
Созвездий книгу,
Где все уж сочтено,
Где жизни нить и плахи нить и смеха нить
В едином шелке
Ткало веретено,
Покорно роковому игу,
Для блеска звездных игол.
И показать людей очей корыту
Ее задумчиво открытую...
Мне станет легче извинить
И палача и плаху
И даже лесть кровавому галаху.
Часов времен прибою внемля,
Подкошенный подсолнух я

Сегодня падаю на землю.
И вот я смерти кмотр.
Душа моя готовится на смотр
Отдать отчет в своих делах.
Что ждет меня?
Глухой темничный замок,
Ужимки за решеткой самок,
Толпа безумных дураков
И звон задумчивых оков?
И я с окованной рукой,
Нарушив прадедов покой,
Сойду туда?

II.

ГОЛОСА И ПЕСНИ УЛИЦЫ

1.

Цари, цари дрожали,

Цари, цари дрожат!

На о

На обух

Господ,

На о,

На обух

Господ,

На о,

На обух

Царей,

Царя,

Царя,

Народ,

Наро,

Народ,

Кузнец,
Молò
Молотобоец.
Нарò
Народ
Берет
Берè,
Берет
Господ,
На о, на о царей
Берет,
Кладет
Народ
Молò,
Молòтobоец
Царе,
Царей
На обух,
Пусть ус
Спокоятся
В Сиби,
В Сибирских су
Сугро
Сугробах белых.
Господ, господ кладет,
Кладет, кладет
Народ
Кладет,
Кладет
Народ,
Кладет белого царя,
Кладет белого царя! Белого царя!

Белого царя!
— Царя!
А мы! — А мы глядим, а мы, а мы глядим!
Цари, цари дрожат!
Они, они дрожат!
Великий Что? Уже начинается?
князь: (Смотрит на часы).
Да, уже пора!
голоса с улицы
2
Мы, писатели ножом!
Тай-тай тарарай,
Тай-тай тарарай!
Священники хохота,
Трай-тай тарарай.
Священники выстрелов.
Запевалы смерти,
Трай-тай тарарай.
Запевалы смерти,
Отцы смерти.
Трай-тай тарарай.
Отцы смерти.
Трай-тай тарарай
Сына родила!
Трай-тай тарарай
Сына родила!
Невесты острога
Трай-тай тарарай.
Сына родила!
Мыслители винтовкой
Трай-тай тарарай.
Мыслители брюхом!

Великий

князь: Да, уж начинается!
В воду бросила!
Тай-тай тарарай.
В воду бросила!
Тай-тай тарарай
В воду бросила!

з

Кто?

— Люди!

А, бог на блюде!

Подан.

— Бог на брюхе!

— С новым годом!

Пли!

— Одною меньше мухой.

— Пли!

Шашка сбоку!

— К сроку!

С глазами борова

Свинья в котле.

— Здорово.

Рази и грей!

В посылке — олово.

Священник!

— Милости просим!

— Алых денег

Бросим!

— А, прапор! добро пожаловать!

Ты белый, а пуля ала ведь!

Городовой на крыше!
— Прицелы выше!
Бог на пузе!
— В общий узел!
Площадь очищена!
— Винтовка, пищи на!
Красная подкладка.
— Гладко!
А вон проходит красота
Вся в черном, но дымится дуло.
— Ни черта!
И она уснула.
Священник!
— Отсыпь свинцовых денег!
В слуховом окне пулемет!
— По черной лестнице — вперед!
Пристав!
— Чисто.
Ты, белая повязка!
— Салазки!!
Лежат поленницей дров...
Наколотили... Кровь.
Среди прицелов бешеных
Сестра идет помешанная
И что-то поет из „Князя Игоря“.
— В догонку! Выгорело.
На палках бог!
— Перо им в бок!
Пьяные бары.
— В Самару.
Плывет белуга.
— В Калугу!

Идут молчат, ни звука!
Крадутся.
— В Москву!
Пли!
На уру!
— Тпру!
Тах — тах — тах!
Идут
Люди закона
С книгами!
— Дать капли Дона!
Выгоним!
Идут — вновь
Муху на бровь.
— Стой! Здесь
Страшный Суд!
Пли!
— Тут!
Ловко!
Река!
Горит винтовка!
Горит рука!
Еще гробокопы!
— Послать в окопы!
С глазами жалости...
— Малой! — Стреляй! Не балуйся!
Разве наши выстрелы
Шага к смерти не убыстрили.

4

Мы писатели ножом,
Тай-тай, тара-рай!

Мы писатели ножом.
Священники хохота.
Тай-тай, тара-рай,
Священники хохота.
Святые зеленой корки,
Тай-тай, тара-рай,
Святые зеленой корки.
Запевалы паденья престолов.
Тай-тай, тара-рай.
Скрипачи на брюхе богатых,
Тай-тай, тара-рай.
Невесты острога,
Тай-тай, тара-рай.
Свободные художники обуха.
Знайте: самый страшный грех:
Пощада!

Великий Началось!

князь: Оно!

Обугленное бревно
Божественного гнева
Качается, нацелилось в окно:

Тай-тай, тара-рай.
Художники обуха.
Невесты острога.
Тай-тай, тара-рай.
В воду бросила!
Мощи в штанах,
Святые мощи в штанах.
Тай-тай, тара-рай.
Мощи в штанах.

Раска,
Раскаты грома,
Горя
Горят хоромы.

5

Ах, вы сони! Что по барски
Вы храпите целый день?
Иль мила вам жизни царской
Умирающая тень?
Иль мила вам плетки древней
Налетающая боль?
И в когтях цынки деревни
Опухающая голь?
Надевайте штаны,
В насекомых и дырах!
Часы бар сочтены,
Уж лежат на секирах.
Шагайте усачи!
И нищие девченки!
Несите секачи!
И с порохом боченки.
Братья и мужья,
У кого нет ножа,
У того есть мышьяк!
Граждане города
В конском дымящемся кале
Вас кричат ножи,
Вас ножи искали!
Порешили ножи,
Хотят лезвеем
Баловаться с барьем,
По горлу скользя.

Целоваться с барьем,
Миловаться с барьем,
Лезвеем секача,
Горло бар щекоча,
Лезвеем скользя,
— А без вас нельзя!
Иди, беднота,
Столичная голь!
Шагай, темнота,
Как знамя — глаголь!
Несите нажим с Горячего поля,
Войском нищим, войском нищим,
Чем блеснув за голенищем?
Хлынем! Хлынем!
Вынем! Вынем!
Жарко ждут ножи — они зеркало воли.

ПЕСНЯ СУМРАКА

6

Видит господь:
Нет житья от господ.
— Одолели — одолели!
Нас заели.
Знатных старух,
Стариков со звездой,
Нагишем бы погнать,
Ясноликую знать,
Все господское стадо,
Что украинский скот,
Толстых седых,
Молодых и худых,
Нагишем бы всё, снять,

И сановное стадо,
И сановную знать,
Голяком бы погнать,
Что бы бич бы свистал,
В звездах гром громыхал.
Где пощада? где пощада?
В одной паре с быком
Господа с кадыком,
Стариков со звездой,
Повести голяком,
И погнать босиком,
Пастухи чтобы шли
Со взведенным курком.
Одолели! одолели!
Околели! околели!
Всех дворян бы согнать
И сановную знать.
Там где бойни.
Нам спокойней! Нам спокойней!
Видит господь:
Нет житья от господ.
Ухарь боец
Как блеснет тесаком!

П Р А Ч К А

7

Я бы на живодерню
На одной веревке
Всех господ провела,
Да потом по горлу
Провела, провела!
А белье мое всполосну, всполосну!

А потом господ
Полосну, полосну!
И — их!
— Крови лужица!
— В глазах кружится!
Чтобы лучше целоваться
И шептать ответом „да“
Скоро в тени одеваться
Будут господа.
Как нарядится барыня:
Серьги — имение, целое имение!
Как за стеклом — голодным харчи
Их сияют лучи.
Тень кругом глаз, чтобы глаз удлинять.
Шляпа — „ой, мамочка! не бей меня!“,
Не шляпа, солнца затмение!
Две сажени! цветы! да игла!
Серьги трясутся в ушах.
А шелка — ведь это целый ушат!
Зорькой небесной себя опоясывая,
Снежною бурей вьюгу на землю сбрасывают
Дочерям богатея.
Такая затея!
Я бы не могла.
Ты пройдешь удалый ножик,
Около серёжек!
Бары, дело известное!
Из сословья имущего.
А белье какое!
Не белье, а облако небесное!
Тьма тьмущая,
Тьма господняя, —

Кружева у барышни на штанах.
Вчера и сегодня ты им услуживай,
А живи в сырых стенах.

Г О Л О С А С У Л И Ц Ы

8

Разве вы
От холода не выли
Вдвоем в землянке?
И от усталости не падали?
Не спали сытые на теплой падали?
Не спали на ходу склонивши голову?
Так лейте пули — вот свинец и олово!
Я дочь народа,
Простая чернорабочая,
Сегодня вас свободой потчую!
Бог! говорят на небе твоя ставка!
Сегодня ты — получаешь отставку!
На вилы,
Железные вилы, подыдем
Святое для всех господ имя!
Святое, седое божие имя.
На небе — громовержец,
Ты на земле собольи шубы, удержишь?
Медники глухого переулка!
Слышите раскаты грома гулко
Где чинят бога?
Будет на чуде ржа
И будет народ палачем без удержа.
Речи будут его кумачевые!
Живи.
Будут руки его пугачевые

В крови!
Это время кулачных боев
Груди народной и свинцовой пули.
Слышите дикий, бешеный рев:
Люди проснулись.
Теперь не время мыть рубашки:
Иди, язык гремучих шашек!
Мыслители винтовкой.
Раска́
Раскаты грома.
Горя́
Горят хоромы.
На о́,
На обух господ...

ДРУГИЕ

9

Чтоб от жен и до наложницы
Господ нес рысак,
Сам господь напялив ножницы
Прибыль стриг бумаг.
Тучной складкою жирели
Купцов шеи без стыда,
А купчих без ожерелий
Не видать бы никогда.
Были сложены обедни.
А где бог бедных?
Кто бы рабочим
Утром дал бы передник?
И сказал: „носи!“
Друг бедноты на небеси.
И утром принес бы стакан молока?

Наш бог в кулаке,
Наша вера кулака!
А наша рабочая темь
Стоит дрожа.
Виновата тем,
В кулаке нет ножа.
Ладонь без ножа.
Хлынем, братушки, хлынем
Войском нищим.
Вынем, братушки, вынем
Нож в голенище.
Ярославль! Ты корову
На крышу поставил!
Рязань, ты телят молодцом
Режешь огурцом.
Волга!
Все за дворцом.
Берем божбой,
Святой разбой!

10

Гож нож!
Раскаты грома.
Нож гож,
Пылай, хоромы.

11

Великий О роковой напев судьбы,
князь: Как солнце окровавило закатом
Ночные стекла тех дворцов,
А все же стекла голубы.
Не так ли я воспетый катом,

Железным голосом секиры,
Вдруг окровавлю жажду шири?

Рыжие усики.

— Что, барышня, трусите?

Гноя знак.

— Что, барышня, боязно?

Звыз --- жжа!
Пата папт та!
Визгень възгрень!
Гром окаянного гула...
Бич выстрелов,
Шум пастухов
Над стадом халуп.
Все оробело...
Целится дуло
В мирное дело.
Чугунное дуло
Целится в дело.
Скоро труп — обернулся:
По горе убегала собачка.
Воин, целясь в тулуп,
Нажимает собачку.
Бах!
И кувырнулся
Тулуп без рубах!
Бух — бах — бах!
Вот как пляшут,
Пляшут козы на гробах.
Почка за почкой
Село задымилось,
Как серная спичка.
Желтое, серое, белое.
Скажите на милость,
Какая смелая!

Вспорхнула синичка,
Животом как чудо зеленая,
Чудо крылатое.
Пинь пинь тара рах!
Вспорхнула над хатою,
Зеленая,
В солнце заката влюбленная,
А рядом деревня дымилась спаленная.
От сада и до сада
Над этим селом опала.
Сегодня два снаряда
Мертвого яда
В него упало.
Эй, молодуха!
Сегодня небо —
Рот для мертвого духа.
Кто будет дышать — не будет дышать!
Лежи, колос людей обмолоченный...
Завтра у каждого человека
Будет наглухо заперто веко,
Ставней избы заколоченной!
Завтра ни одно не подыметя веко,
Ни у одного человека...
А воздух сладкий, как одиннадцать,
Стал ядовитым, как двадцать семь.
Под простынею смерти
Заснуло село.

МОРСКОЙ БЕРЕГ

Выстрел отцел. Могилы отцели.
Я волил быть цел, но волны умчали от цели.
На небе был ясен приказ: убегай!
Синяя степь рыбака
Билась о жизни бока.
Умчурное море и чолн, где выстрел Онегиным
воли,

И волны смеялись над смертью своей,
Летя в голубой отобняк,
Смеялись волны над гробом.
Сваи Азбуки были вчера
Оцелованы пеной смертей.
В парчевом снегу идет божествоварь,
Илийного века глашатай.
Колосьями море летит на ущерб,
Но косит колосья строгой отмели серп.
Те падают в старую тризну,
Очами из жемчуга брызнув.
И сумрак времен растолкать
Ночная промчалася кать.
Ончина кончины! Тутчина кончины!
Прилетавли не сюда
Отшумели парусами,
Някогдавли навсегда.
Тотан завывающий в трубы
Ракушек морских
О скором приходе тотот.
Тотан умирающий грубо,

И жемчуговеющий рот.
Слабыня мерцающих глаз,
Трупееет серебряный час.
Ончие зовы! Ончие стоны!
Этаны! Этаны!
Какоты такоты!
Утесы священных отот!
Отйцы! ототы! вы где?
Выстрелы слез в далеке.
Этот пролит на землю мешок.
Пилы времен трупы людей перепилили.
В кузне шумен перепел „или“.
Тутобы с тотобой борьба,
Утесы могучих такот.
Камнеправды дикий топот
По вчерашним берегам.
Отун сыневы замолчал...
Инь, волнуйся! Синь, лети!
Бей, инея, о каменья!
Пегой радугой инес,
Пегим жемчугом каменьев
Бей и пой! вне цепей!
Тутырь замолчал навсегда,
Одетый в потопы.
Приходы великих тихес
На пенье великой онели,
На пенье великих шумен.
Этот каменеют утесы и глыбы,
Как звери столетий сидят.
Жрецов заседанье.
Этаны! Этаны проснитесь!
Выстрелы — высь травы!

Тутоты стоят черным храмом морей.
Менавь пронесся по волнам.
Синеет, инея, волна.
Ончие тучи неслись,
Онели свирели.
Хочет покой
Литься илийной рекой,
Иливо, иливо, иливо
В глубинах залива.

НОЧНОЙ БАЛ

Девы подковою топали
О поле, о поле, о поле!
Тяжкие билися тополи.
Звездный насыпан курган,
Ночь — это глаз у цыган!
Колымага темноты,
Звучно стучали коты!
Ниже тучи опахала
Бал у хаты колыхала,
Тешась в тучах, тишина,
И сохою не пахала
Поля молодца рука.
Но над вышитой сорочкой
Снова выросли окопы,
Через мглу короткой ночи
Глаз надвинулись потопы.
Это — бревна, не перина,
Это — кудри, не овчина...
Кто-то нежный и звериный.
Ты дичишься? что причина?
Аль не я рукой одною
Удержу на пашне тройку?
Аль не я спалил весною
Так, со зла, свою постройку?
Чтобы билось серебро,
Покрывало милой плечи,
Кто всадил нож под ребро
Во глухом лесу, далече?

Кровью теплой замарал
Мои руки, деньги шаря.
Он спросонок заорал
С диким ужасом на харе.
И теперь красоткой первой
Ты проходишь меж парней.
Я один горюю стервой
На задворках, на гумне.
Каркнет ворон на юру.
Всё за то, пока в бору
Роса пала над покойником,
Ты стоял лесным разбойником.
Все за даром! Даром волос вьется скобкой,
Даром в поле зелена.
Точно спичка о коробку,
Не зажжешься о меня.
Смотришь тихо и лениво,
Тихо смотришь на кистень.
Где же искра? Знать огниво
Недовольно на кремень.

МОСКВА БУДУЩЕГО

В когтях трескучих плоскостей,
Смирней чем мышь в когтях совы,
Летели горницы
В пустые остовы и соты,
Для мёда человека бортень,
Оставленные соты
Покинутого улья
Суровых житежей.
Вчера еще над Миссисипи,
Еще в пыли Янтцекиянга,
Висела келья
И парила и взором лени падала
К дворцу веселья и безделья,
Дворцу священного безделья.
И, весь изглоданный полетами,
Стоял осенний лист
Широкого, высокого дворца.
Под пенье улетавших хат,
Лист города изглоданный
Червем полета,
Лист осени гнилой
Сквозит прозрачным костяком,
Истлевшей и созревшей сердцевинны.
Пусть клетчатка жилая улетела,
Прозрачные узоры сухожилья
И остова сухой чертеж
Хранились осенью листа.
Костлявой ладонью узорного листа,

Дворец для лени подымал
Стеклянный парус полотна.
Он подымался над Окой,
Темнея полыми плазами,
Решеткою пустою мест,
Решеткою глубоких скважин
Крылатого села,
Как множество стульев
Ушедшей толпы:
„Здесь заседание светлиц
И съезд стеклянных хат“.

И позвоночные хребты
Высоких замков-книг,
За населенные страницы
Листы стеклянных деревень.
Здесь города — живые книги
Ощерили книгой листы
Высоких замков — плоскостей,
Стояли тыла книги корешком,
Где грозовые битюги
Махали синих молний облаком.
Орава прав, и нравов рава!
И люди сложены в стога людей,
Лежали тесно мертвым сеном.
В стеклянные овраги переулков
На игры звали баладей.
Весь город без веснушек стен.
Листы людьми жилые,
Стеклянная пряжа жилищ.
Чтоб люди не морщинились,
Для складок толп порядка утюги.
О полки с книгами, где имя писателя звук
И общий труп — читатель этой книги.

С широкою кистью в руке ты бегал рысью
 И кумачевой рубахой
 Улицы Мюнхена долго смущал.
 Краски учитель
 Прозвал тебя
 „Буйной кобылой
 С черноземов России“.
 Ты хохотал
 И твой трясся живот от радости буйной
 Черноземов России.
 Могучим хо-хо-хо!
 Ты на все отвечал, силы зная свои,
 Одноглазый художник,
 Свой стеклянный глаз темной воды
 Вытирая платком носовым и говоря: Д-да!—
 Стеклом закрывая
 С черепаховой ручкой.
 И точно бурав
 Из-за стеклянной брони
 Сверлил собеседника.
 Вдруг делался мрачным и недоверчивым.
 Силу большую тебе придавал
 Глаз одинокий.
 И, тайны твоей не открыв,
 Что мертвый стеклянный шар
 Был товарищем жизни, ты ворожил.
 Противник был в чарах воли твоей,
 Черною, мутною бездной вдруг очарован.

Братья и сестры, сильные хохотом,
Имели тела великанов,
Рыхлой муки казались мешками.
Перед невидящим глазом
Ставил кружок из стекла
Оком кривой, могучий здоровьем, художник.
Разбойные юга песни порою гремели.
Через рабочее окно галка влетала, увидя в чем дело.
И стекла широко звенели
На бурлюков „хо-хо-хо!“
Горы полотен могучих стояли по стенам
Кругами, углами и кольцами
Светились они; черный ворон блестел синим клюва
углом,
Тяжко и мрачно багровые и рядом зеленые висели
холсты,
Другие ходили буграми, как черные овцы, волнуясь
Своей поверхностью шероховатой, неровной, —
В них блестели кусочки зеркал и железа.
Краску запекшейся крови
Кисть отлагала холмами, оспой цветною.
То была выставка приемов и способов письма
И трудолюбия уроки.
И было всё чарами бурлючьего мертвого глаза.
Какая сила искалечила
Твою непризнанную мощь
И дерзкой властью обеспечила
Слова: бурлюк и подлый нож
В грудь бедного искусства.
Ведь на Иоанне Грозном шов, —
Он был заделан позже густо, —
Провел красиво Балашов.

Россия расширенный материк
И голос запада громадно увеличила,
Как будто бы донесся крик
Чудовища, что больше в тысячи раз.
Ты жирный великан, твой хохот прозвучал по всей
России.
И стебель днепровского устья, им ты зажат был в
кулаке,
Борец за право народа в искусстве титанов,
Душе России дал морские берега.
Странная ломка миров живописных
Была предтечею свободы, освобождением от цепей.
Так ты шагало искусство
К песне молчанья великой.
И ты шагал шагами силача
В степях глубоко жирных,
И хате подавал надежду
На купчую на земли,
Где золотились горы овинов,
Наймитам грусти искалеченным.
И колос устья Днепра,
Комья глины людей
Были послушны тебе.
С великанским сердца ударом
Двигал ты глыбы волн чугуна,
Одним своим жирным хохотом.
Песни мести и печали
В твоём голосе звучали,
Долго ты ходы точил
Через курган чугунного богатства
И, богатырь, ты вышел из кургана
Родины древней твоей.

КРУЧЕНЫХ

Лондонский маленький призрак,
Мальчишка в 30 лет, в воротничках,
Острый, задорный и юркий,
Бледного жителя серых камней
Прилепил к сибирскому зову на „чоных“.
Ловко ты ловишь мысли чужие,
Чтоб довести до конца, до самоубийства.
Лицо англиза крепостного
Счетоводных книг,
Усталого от книги.
Юркий издатель позорящих писем,
Небритый, небрежный, коварный,
Но девичьи глаза.
Порою нежности полный.
Сплетник большой и проказа,
Выгоды личной любитель.
Вы очаровательный писатель —
Бурлюка отрицательный двойник.

ПРИЗНАНИЕ

КОРЯВЫЙ СЛОГ

Нет, это не шутка!
Не остроглазья цветы.
Это рок. Это рок.
Вэ-Вэ Маяковский! — я и ты!
Нас, — как сказать по советски,
Вымолвить вместе в одном барахле,
По Рософесора,
На скороговорок скорословаре?
Скажи откровенно:
Хам!
Будем гордиться вдвоем
Строгою звука судьбой.
Будем двое стоять у дерева молчания,
Вымокнем в свисте.
Турок сомненья
Отгоним Собеским
Яном из Вены.
Железные цари
Железные венцы
Хама
Тяжко наденем на голову,
И шашки на-голо!
Из ножен прошедшего — блесните, блесните!
Дни мира усните,
Цыц!
Старые провопли Мережковским усните.
Рыдал он папашей нежности нашей.
Звуки зачинщики жизни.

Мы гордо ответим
Песней сумасшедшей в лоб небесам.
Да, но пришедший
И не хам, а сам. _____

Грубые бревна построим
Над человеческим роем.

Если я обращу человечество в часы
И покажу как стрелка столетия движется,
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война как ненужная ижица?
Там где род людей себе нажил почечуй,
Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны,
Я вам расскажу, что я из будущего чую
Мои зачеловеческие сны.
Я знаю, что вы правоверные волки,
Пятеркой ваших выстрелов пожимаю свои,
Но неужели вы не слышите шорох судьбы иголки,
Этой чудесной швейи?
Я затоплю моей силой мысли потопом
Постройки существующих правительств,
Сказочно выросший Китеж
Открою глупости старой холопам.
И когда председателей земного шара шайка
Будет брошена страшному голоду зеленою коркой,
Каждого правительства существующего гайка
Будет послушной нашей отвертке.
И когда девушка с бородой
Бросит обещанный камень,
Вы скажете: это то,
Что мы ждали веками.
Часы человечества тикая
Стрелкой моей мысли двигайте!
Пусть эти вырастут самоубийством правительств и
книгой те,

Будет земля безповеликая!
Предземшарвеликая!
Будь ей песнь повеликого:
Я расскажу, что вселенная — с копотью спичка
На лице счета.
И моя мысль точно отмычка
Для двери, за ней застрелившийся кто-то...

ОТКАЗ

Мне гораздо приятнее
Смотреть на звезды,
Чем подписывать смертный приговор.
Мне гораздо приятнее
Слушать голоса цветов,
Шепчущих „это он!“,
Когда я прохожу по саду,
Чем видеть ружья,
Убивающие тех, кто хочет
Меня убить.
Вот почему я никогда,
Никогда
Не буду правителем!

Ну, тащися, Сивка,
Шара земного.
Айда, понемногу!
Я запрег тебя
Сохой звездною,
Я стегаю тебя
Плеткой грёзною.
Что пою о всем,
Тем кормлю овсом,
Я сорву кругом траву отчую
И тебя кормлю, ею потчую.
Не затем кормлю:
Седину позорить,
Дедину люблю
И хочу озорить!
Полной чашей торбы
Насыпаю овса,
До всеобщей борьбы
За полет в небеса.
Я студеной водою
Расскажу где иду я,
Что великие числа
Пастухую над мыслью.
Я затем накормил,
Чтоб схватить паруса,
Ведь овес тебе мил
И приятна роса.
Я затем сорвал,

Что прочла душа,
По грядущему чтица:
Что созвездья вот подымается вал,
А гроза налетает, как птица.
Приятель белогривый, знашь?
Чья грива тонет в снежных горах.
На тучах надпись „Наш“,—
А это значит: готовлю порох.

Ну, тащися, Сивка, по этому пути
Шара земного. — Сивка Кольцова, кляча Тол-
стого.

Кто меня кличет из Млечного Пути?
[А? Вова!
В звезды стучится!
Друг! Дай пожму твое благородное копытце!].

БУДУЩЕЕ

Если ветер придет целовать,
Расскажу, что кровь запеклась,
Что присохла к седым волосам.
И парой свинцовых жемчужин из глаз
Я спрошу — как вас звать?
И будет более плача,
Чем в неделю дней мясопушта.
Это будут прекрасные масти,
А бровь черкнет крылом грача,
Созвездие бешенством пестуя.
Это были прекрасные масти:
Снежные, черные и золотые,
Это конница девушек мести
Летела, летит от орудия тая.
Загорелись в глазах небоскребы,
Искавшие к облаку тропы.
Алым снегом сиявшие губы
Глодали далекие трупы.
И за кустарник поднятых рук
Скачет и скачет белый конь.
„Весною цветами“ — вымолвил рок:
„Оседланный съест вас скакун“.

НЕ ШАЛИТЬ!

Эй, молодчики - купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем высока
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках,
Чтоб катились глумясь.
Не затем у врага
Кровь лилась по дешевке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою,
Буду плыть — буду петь
Доном-Волгою!
Я пошлю вперед
Вечеровые устриги,
Кто со мною — в полет?
А со мной — мои други!

Со смехом стаканы — глаза!
Бьется игра мировая!
Жизни и смерти жмурки и прятки.
Смерть за косынкой!
Как небо эту шею бычью
Секач как месяц озярял.
Человек
Сидит рыбаком у моря смертей
И кудри его как подсолнух
Отразились в серебряных волнах,
Выудил жизнь на пол часа.
Мощным берегом Волги
Ломоть лежит каравая.
Укором утесом, чтобы на нем
Старый Разин стоял,
Подымаясь как вал.
И в берег людей
Билась волна мировая.
Мяса образа
Над остовом рта:
Храмом голодным
Были буханки серого хлеба.
Тучей
Смерти усталой волною хлестали
О берег людей.
Плескали и бились русалкой
В камни людей.
В тулупе набата

День пробежал.
В столицы,
Где пуль гульба, гуль вольба,
Воль пальба,
Шагнуть тенью Разина.

Я И РОССИЯ

Россия тысячам тысяч свободу дала:
Милое дело! Долго будут помнить про это.
А я снял рубаху
И каждый зеркальный небоскреб моего волоса,
Каждая скважина
Города тела
Вывесила ковры и кумачевые ткани.
Гражданки и граждане
Меня - государства,
Тысячеоконных кудрей толпились у окон,
Ольги и Игоря,
Не по заказу,
Радуюсь солнцу, смотрели сквозь кожу.
Пала темница рубашки!
А я просто снял рубашку:
Дал солнце народам Меня!
Голый стоял около моря.—
Так я дарил народам свободу,
Толпам загара.

Я видел юношу пророка,
Припавшего к стеклянным волосам лесного водопада.
Где мшистые деревья стояли в сумраке важно как
старика
И перебирали на руках четки ползучих растений.
Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь
Стеклянных матерей и дочерей, внизу река шумела
Рождения водопада, где мать воды и дети менялись
местами.

Деревья заполняли свечами своих веток
Пустой объем ущелья и азбукой столетий толпились
утесы.

А камни - великаны, как плечи лесной девы
Под белую волной,
Что за морем искал священник наготы —
Он Разиным поклялся быть напротив.
Ужели снова бросит в море княжну? Противо-Разин
грезит.

Нет! Нет! Свидетели высокие деревья!
Студеною волною покрыв себя
И холода живого узнав язык и разум,
Другого мира ледяную красу тела,
Наш юноша поет:
„С русалкою Зоргама обручен
Навеки я:
Волну очеловечив,
Тот сделал волной деву“.
Деревья шептали речи столетий.

Я вышел юношей один
В глухую ночь,
Покрытый до земли
Тугими волосами.
Кругом стояла ночь
И было одиноко,
Хотелось друзей,
Хотелось себя.
Я волосы зажег,
Бросался лоскутами колец,
Зажег поля, деревья —
И стало веселей.
Горело Хлебникова поле.
И огненное я пылало в темноте.
Теперь я уйду,
Зажегши волосами,
И вместо Я
Стояло — Мы!
Иди, варяг суровый!
Неси закон и честь.

ОДИНОКИЙ ЛИЦЕДЕЙ

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп влачился по пустыне,
Где умирала невозможность:
Усталый лицедей,
Шагая на пролом.
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей
В дыму угроз нескромных.
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ вечерний странник,
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой я шел, пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил.
Как воин истины я ею потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело, которому пылали раньше
толпы!

И с ужасом
Я понял, что я никем не видим:
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!

ИЗ БУДУЩЕГО

Радуга радостей,
Воры волоса.
— Горы голоса!
Мирвежие очи, их свят свет!
Доныннее зло,
— Зло хохотал раньшевик...
Илила очей.
Шагов скоровик.
Получи — полу-море!
Молчи, тишак!
Дворец — людовик,
Дворец — летовик,
Туч летерик
Злато-глазастый,
Тоня небесная —
Золотых очей длинный невод:
Это летел летерик
Людовитый, вспенив волны небес.
Волга неба вспенилась тучами.
Из тысяч пещер человеческих
Перо золотое.
Лебедь пера золотого.

Святче божий!
Старец бородой сед!
Ты скажи, кто ты?
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
И холмы отвечали:
Человек ли еси,
Ли бес?
И что — имя тебе?
Молчал.
Только нес он белую книгу
Перед собой
И отражался в синей воде.
И стояла на ней глаголица старая,
И ветер, волнуя бороду,
Мешал идти
И несть книгу.
А стояло в ней:
„Бойтесь трех ног у коня,
Бойтесь трех ног у людей!“
Старче божий!
Зачем идешь?
И холмы отвечали:
Зачем идешь?
И какого ты роду-племени,
И откуда — ты?
Я оттуда где двое тянут соху,

А третий сохою пашет,
Только три мужика в черном поле,
Да тьма воронов!
Вот пастух с бичем,
В узлах чертики —
От дождя спрятались:
Загонять коров помогать ему они будут.

Не чортиком масляничным
Я раздуваю себя
До писка смешного
И рожи плаксивой грудного ребенка.
Нет я из братского гроба

.

Колокол Воли,
Руку свою подымаю
Сказать про опасность.
Далекий и бледный
Мною указан вам путь,
А не большими кострами
Для варки быка
На палубе вашей,
Вам знакомых и близких.
Да, я срывался и падал,
Тучи меня закрывали
И закрывают сейчас.
Падали позже.
Но не вы ли круженьем
В камнях... лепили
Тенью земною меня?
За то что напомнил про звезды
И был сквозняком быта этих голяков.
Не раз вы оставляли меня
И уносили мое платье,
Когда я переплывал проливы песни
И хохотали, что я гол.

Вы же себя раздевали
Через несколько лет,
Не заметив во мне
Событий вершины,
Пера руки времен
За думой писателя.
Я одиноким врачом
В доме сумасшедших
Нес свои песни — лекаря.

Есть письма — мечь.
Мой плач готов,
И вьюга веет хлопьями,
И носятся бесшумно духи.
Я продырявлен копьями
Духовной голодухи,
Истыкан копьями голодных ртов.
Ваш голод просит есть,
И в котелке изящных чум
Ваш голод просит пищи — вот грудь надармака!
И после упадаю, как Кучум
От копий Ермака.
То голод копий проколоть
Приходит рукопись полоть.
Ах, жемчуга с любимых мною лиц
Узнать на уличной торговке!
Зачем я выронил эту связку страниц?
Зачем я был чудак неловкий?
Не озорство озябших пастухов —
Пожара рукописей палач —
Везде зазубренный секач
И личики зарезанных стихов.
Все что трехлетняя година нам дала,
Счет песен сотней округлить,
И всем знакомый круг лиц,
Везде, везде зарезанных царевичей тела,
Везде, везде проклятый Углич!

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.
Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

З А Н Г Е З И

ВВЕДЕНИЕ

Повесть строится из слов, как строительной единицы здания.

Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть или заповесть складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. На московский вопрос: како веруеши?—каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести, — повесть первого порядка. Она похожа на изваяние из разноцветных глыб разной породы, тело—белого камня, плащ и одежда—голубого, глаза—черного.

Она вытесана из разноцветных глыб слова разного строения. Таким образом находится новый вид работы в области речевого дела. Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из „рассказов“ есть сверхповесть.

Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка.

КОЛОДА ПЛОСКОСТЕЙ СЛОВА

Горы. Над поляной подымается шероховатый прямой утес, похожий на железную иглу, поставленную под увеличительным стеклом. Как посох рядом со стеной, он стоит рядом с отвесными кручами заросших хвойным лесом каменных пород. С основной породой

его соединяет мост-площадка, упавшего ему на голову соломенной шляпой горного обвала. Эта площадка—любимое место Зангези. Здесь он бывает каждое утро и читает песни.

Отсюда он читает свои проповеди к людям или лесу. Высокая ель, плещущая буйно синими волнами хвои, стоя рядом, закрывает часть утеса, казалось, дружит с ним и охраняет его покой.

Порою из-под корней выступают черной площадью каменные листы основной породы. Узлами выются корни, там где высунулись углы каменных книг под-земного читателя. Доносится шум соснового бора. Подушки серебряного оленьего моха—в росе. Это дорога плачущей ночи.

Черные живые камни стоят среди стволов, точно темные тела великанов, вышедших на войну.

Плоскость

ПТИЦЫ

Пеночка, с самой вершины ели, надувая серебряное горлышко: Пить пэт твичан! Пить пэт твичан! Пить пэт твичан!

Овсяночка — спокойная на вершине орешника: Кри-ти-ти-ти-ти-и — цы-цы-цы-сссы.

Дубровник. Вьер-вьөр вѳру сьек-сьек-сьек! Вэр-вэр вѳру сек-сек-сѳк!

Вьюрок. Тьорти едигреди (заглянув к людям, он прячется в высокой ели). Тьорти едигреди!

Овсянка, качаясь на ветке: Цы-цы-цы-сссы.

Пеночка зеленая, одиноко скитаясь по зеленому морю по верхним вечно качаемым ветром волнам вершин бора: Прынь! пциреп-пциреб! Пциреб! — цэсэсэ

Овсянка: Цы-сы-сы-ссы (качается на тростнике).

Сойка: Пиу! пиу! пьяк, пьяк, пьяк!

Ласточка: Цивить! Цизить!

Славка черноголовая: бебот зу-вевать!

Кукушка: Ку-ку! ку-ку! (качается на вершине).

Молчание.

Такие утренние речи птиц солнцу.

Проходит мальчик птицелов с клеткой.

Плоскость II

БОГИ

Туман мало по малу рассеивается. Обнажаются кручи, похожие на суровые лбы людей, которых жизнь была сурова и жестока, становится ясно: здесь гнездуют боги. У призрачных тел веют крылья лебедей, травы гнутся от невидимой поступи, шумят.

Истина: боги близки! все громче и громче, это сонм богов всех народов, их съезд, горный табор.

Тиен гладит утюгом свои длинные до земли волосы, ставшие его одеждой: исправляет складки.

Шангти смывает с лица копоть городов запада.
„Мало-мало лучше“.

Как зайцы над ушами висят два снежных пушистых клока. Длинные усы китайца.

Белая Юнона, одетая лозой зеленого хмеля, прилежным напилком скоблит свое белоснежное плечо, очищая белый камень от накипи.

Ункулункулу прислушивается к шуму жука, проточившего ходы через бревно деревянного тела бога.

Эрот: Мара-рома,

Биба-буль!

Укс, кукс, эль!

Редэдиди дидиди!
Пири-пэпи, па-па-пи!
Чоги гуна, гени-ган!
Аль, Эль, Иль!
Али, Эли, Или!
Эк, ак, ук!
Гамчъ, гэмчъ, ио!
— Рпи! Рпи!

Ответ (боги): На-но-на!
Эчи, учи, очи!
Кези, нези, дзигага!
Низаризи озири.
Мэамура зиморо!
Пипс!
Мазачичи-чиморо!
Плянь!

Велес: Бруву ру ру ру ру!
Пице цане сэ сэ сэ!
Бруву руру ру-ру-ру!
Сици, лици ци-ци-ци!
Пенчъ, панчъ, пеньчъ!

Эрот: Эмчъ, Амчъ, Умчъ!
Думчи, дамчи, домчи,
Макарако киочерк!
Цицилици цицици!
Кукарики кикику.
Ричи чичи ци-ци-ци.
Ольга, Эльга, Альга!
Пиц, пач, почъ! Эхамчи!

Юнона: Пирарара — пируруру!
Лео лоло буароо!
Вичеоло сесесэ!

Вичи! Вичи! иби би!
Зизазиза изазо!
Эпсь, Апс, Эпс!
Мури-гури рикоко!
Мио, мао, мум!
Эп!

Ункулункулу: — Рапр, грапр, апр! жай
Каф! Бзуй! Каф!
Жраб, габ, бокв — кук
ртупт! тупт!
(носятся в воздухе боги)

Опять темнеет мгла, синяя над камнями.

Плоскость III

ЛЮДИ

(из колоды пестрых словесных плоскостей).

Люди: О, господа мать!

1-й прохожий: Так он здесь? Этот лесной дурак?

2-й прохожий: Да!

1-й прохожий: Что он делает?

2-й прохожий: Читает, говорит, дышит, видит,
слышит, ходит, по утрам молится.

1-й прохожий: Кому?

2-й прохожий: Не поймешь! цветам? букашкам?
лесным жабам?

1-й прохожий: Дурак! Проповедь лесного дурака!
А коров не пасет?

2-й прохожий: Пока нет. Видишь на дороге трава
не растет, чистая дорожка! Ходят. Протоптана дорога
сюда к этому утесу!

1-й прохожий: Чудак! Послушаем!

2-й прохожий: Он миловиден. Женствен. Но долго не продержится.

1-й прохожий: Слабо ему?

2-й прохожий: Да. (проходят)

3-й прохожий: Он наверху, а внизу эти люди как плевательница для плевков его учения?

1-й прохожий: Может быть, как утопленники? плавают, наглотались...

2-й прохожий: Как хочешь. Он спасительный круг?

1-й прохожий: Да! Брошенный с неба?

1-й прохожий: Итак учение лесного дурака начинается. Учитель! Мы — слушаем.

2-й прохожий: А это что? Обрывок рукописи Зангези. Прильнул к корню сосны, забился в мышиную нору. Красивый почерк.

1-й прохожий: Читайте-же вслух!

Плоскость IV

2-й прохожий: „Доски судьбы! как письмена черных ночей вырублю вас, доски судьбы!

Три числа! Точно я в молодости, точно я в старости точно я в средних годах, вместе идемте по пыльной дороге!

$10^5 + 10^4 + 11^5 = 712$ года 34 дня. Читайте, глаза, закон гибели царств:

Вот уравнение: $X = k + n(10^5 + 10^4 + 11^5) - (10^2 - (2n - 1)11)$ дней.

K = точка отчета во времени, римлян порыв, на восток, битва при Аксиуме. Египет сдался Риму.

Это было 2/IX 31 года до р.-хр.

При $n=1$, значение Икса в уравнении гибели народов будет следующее: $X=21/VII$ 711 или день гибели гордой Испании, завоевание ее арабами.

Пала гордая Испания!

При $n=2$, $X=29/V$ 1453.

И пробил час взятия Царьграда дикими турками. Город царей тонул в крови и дикие в прелести выли турок волюнки. Труп Рима второго Осман попирал. В храме Софии голубоокой — зеленый плащ про-рока.

На пузатых конях с белой простыней на голове едут победители.

Пенье трех крыльев судьбы: милых одним, грозных другим! Единица ушла из пяти в десятку, из крыла в колесо и движенья числа в трех снимках (10^5 , 10^4 , 11^5) запечатлены уравнением.

Между гибелью Персии 1/X 331 года до р. хр. под копьём Александра Великого и гибелью Рима от мощных ударов Алариха 24/VIII 410 года прошло:

741 год или $10^5 + 11^5 + 10^4 - \frac{3^6 + 1}{2} - 2^3 \cdot 3^2$ дней.

Доски судьбы! читайте, читайте прохожие! Как на тенеписи, числа борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных плоскостях времени, и все их тела, разных возрастов сложенные вместе, дают глыбу времени между падениями царств, наводивших ужас“.

2-й прохожий: Темно и непонятно.

Но все таки виден коготь льва! Чувствуется. Обрывок бумаги где запечатлены народов судьбы для высшего видения!

Плоскость слов V

Чангара Зангези пришел! Говорливый! Говори, мы слушаем.

Мы — пол, шагай по нашим душам. Смелый ходун!
Мы верующие, мы ждем. Наши очи, наши души —
пол твоим шагам, неведомый.

Иволга: Фио эу.

Плоскость VI

Зангези: Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью
узника,
На строгих стеклах рока.
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни!
Окон прозрачное „нет“!
Я уж стер свое синее зарево,
точек узоры,
Мою голубую бурю крыла — первую
свежесть,
Пыльца снята, крылья увяли и
стали прозрачны и жестки,
Бьюсь я устало в окно человека.
Вечные числа стучатся оттуда
Призывом на родину, число зовут
к числам вернуться.

2-й прохожий: Бабочкой захотелось быть, вот
чего хитрец захотел!

3-й прохожий: Миляга! какая он бабочка... баба он!

Верующие: Спой нам самовитые песни! Расскажи нам о Эль!

Прочти на заумной речи. Расскажи про наше страшное время словами Азбуки! Чтобы мы не увидели войну людей, шашек Азбуки, а услышали стук длинных копий Азбуки. Сечу противников: Эр и Эль, Ка и Пэ!

Ужасны их грозно пернатые шлемы, ужасны их копья! Страшен очерк их лиц: смуглого дико и нежно пространства. Тогда шкуру стран съедает моль гражданской войны, столицы засыхают как сухари — влага людей испарилась.

Мы знаем Эль — остановка широкой площадью поперечно падающей точки, Эр — точка прорезавшая, просекшая поперечную площадь. Эр — реет, рвет, рассекает преграды, делает русла и рвы.

Пространство звучит через Азбуку.

Говори!

Плоскость VII

Зангези: Вы говорите, что умерли Рюрики
и Романовы,

Пали Каледины, Крымовы, Корниловы и Колчаки...

Нет! С рабами боролась оборона панова,

Был 20 раз взят и разрушен Киев,
Стерт в порошок.

Богатый плакал, смеялся кто беден,
Когда пулю в себя бросил Каледин.
И Учредительного Собрания треснул шаг.

И потемнели пустые дворцы.
Нет, это вырвалось „рцы“,
Как дыханье умерших,
Воплем kloкочущим дико прочь
из остывающих уст.
Это „Ка“ наступало!
На облаке власти Эля зубцы.
Эль, где твоя вековая опала!
Эль — вековой отшельник под-
полья!
Гражданин мира мышей, бурною
бросились бурей
К тебе сутки, недели, месяцы
годы — на богомолье.
Дни наступали Эля — погоды!
Эль, это солнышко ласки и лени,
любви!
В „улье людей“ ты дважды
звучишь!
Тебе поклонились народы
После великой войны.
Эр, Ра, Ро! Тра-ра-ра!
Грохот охоты, хохот войны.
Ты турусы на колесах,
В кованых гвоздях Скандинавии.
Парусом шумел по Руси,
Железным ободом телеги
На юг уносил.
Крепкого снега на сердце ночлеги.
В мышьи тела вонзенные когти
мороза.
Кляча — ветер России нес тебя.

И села просили: приехали гости бы!
Турусы на колесах.

Разрушая улады, ты не помнил
преграды,
А вдали стоял посох Гэ, сломан-
ный надвое.

Эр в руках Эля!

Если орел, сурово расправив крылья
косые, тоскует о леле,
Вылетит Эр, как горох из струч-
ка — из слова Россия.

Если народ обернулся в ланей,
Если на нем рана на ране,
Если он ходит точно олени
Мокрою черною мордою тычет в
ворота судьбы, —

Это он просит, чтоб лели лелеяли,
Лели и чистые Эли, тело усталое
Ладом овеяли.

И его голова

— Словарь только слов Эля.

Хорем рыскавший в чужбине, хо-
чет холи!

Эр во весь опор

Несись, не падая о пол!

Объемы пути вычитай из преград.

Ты нищих лопоть

Обращаешь в народный ропот,

Лапти из лыка,

Заменишь ропотом рыка!

Эр, ты пар, ты гонишь поезда

Цепочкой цуга крови чечевиц

По жилам северной Сибири,
Или дворцы ведешь волнами.
Расцвет дорог живет тобою как
подсолнух.

Но Эль настало — Эр упало.
Народ плывет на лодке лени
И порох боевой он заменяет пла-
хой,

А бурю булкой.
И плащаницами — пращу... и го-
лодом старинный город,

И гордых голыми.

А Эр луга заменит руганью,

Латы — ратью,

Оружие подымет вновь из лужи,

Не лазить будет, а разить!

На место больного — поставит
борца!

Застроит храмом хлам и в городах
изгонит голод.

И вором волю стащит.

Ты дважды зазвучал в пророке

И глаждан обратило в граждан.

Пронзая темь времен,

Как Ка звучало в Колчаке,

Ка стегало плетью

Оков, закона, колов, и покоя,
и камней:

Пророков ими побивают,

В нем казни на кол.

Когда ты, Эр, выл

В уши севера болотца,

Широкие уши болота :
„Бороться брат, бороться!“
— Охота у хаты за страшной
 грозою гнаться с белой борзою,
Чтоб вновь шла пехота, до по-
 следнего хохота
Двух черепов последних людей у
 блюда войны.
В это время тяжкою поступью
Самоубийцы шло по степи *Ка*,
Шагая к *Элям* неверными, как
 будто пьяного, шагами,
И крася облака судьбы собой,
Давая берег новый руслу челове-
 ческих смертей.
Последним ходом в проигрыше —
дуло у виска, идет бледнея *Ка*.
Эр, ра, ро!
Рог! *Рог!*
Бог Руси, бог руха. —
Перун, твой бог, в огромном росте
Не знает он преград, рвет, роет,
 режет, рубит.
Вздор, что Каледин убит и Кол-
 чак, что выстрел звучал.
Это *Ка* замолчало, *Ка* отступило,
 рухнуло на землю.
Это *Эль* строит морю мора мол, а
 смерти смелые мели.

1-й прохожий: Он — ученый малый.

2-й прохожий: Но песнь его без дара. Сырье,
настоящее сырье, его проповедь.

Сырая колода. Посушить мыслителя...

Плоскость VIII

Зангези: *Эр, Ка, Эль* и *Гэ* —
Воины азбуки, —
Были действующими лицами этих
лет,
Богатырями дней.
Воля людей окружала их силу,
Как падает с весел вода мокрая.
Лодку, лыжи, лёт и лед, лапу
Ищет, кто падает, куда? — в снег,
воду и в пропасть, в провал.
Утопленник сел в лодку и стал
грести.
Лодка широка, не провалится.
И лени захотелось всем.
И тщетно *Ка* несло оковы, во
время драки *Гэ* и *Эр*,
Гэ пало, срубленное *Эр*,
И *Эр* в ногах у *Эля*!
Пусть мглу времен развеют вещие
звуки
Мирового языка. Он точно свет.
Слушайте
Песни „звездного языка“:

„Где рой зеленых *ха* для двух,
И *Эль* одежд во время бега,
Го облаков над играми людей,
Вэ толп кругом незримого огня

И ла труда, и лэ игры и пеня,
Че юноши — рубашка голубая,
Эо голубой рубашки — зарево и
сверк.

Вэ кудрей мимо лиц,
Вэ веток вдоль ствола сосен,
Вэ звезд ночного мира над осью,
Че девушек — червонная рубаха,
Го девушек — венки лесных цветов
И со лучей веселья,
Вэ люда по кольцу,
Эс радостей весенних,
Мо горя, скорби и печали.
И пи веселых голосов,
И лэ раскатов смеха,
Вэ веток от дыханья ветра,
Недолги ка покоя.
Девы! Парни, больше лэ! больше
пи!

Всем будет ка — могла!
Эс смеха, да веревкою волос,
А роши — ха весенних дел,
Дубровы — ха богов желанья,
А брови — ха весенних взоров
И косы — ха полночных лиц.
И мо волос на кудри длинные,
И ла труда во время бега,
И вэ веселья, лэ речей,
Па рукавов сорочки белой,
Вэ черных змей косы,
Эи глаз.

Ро золотое кудрей у парней.

Ли смеха! *ли* подков и бега искры!
Мо грусти и тоски,
Мо прежнего унынья.
Го камня в высоте,
Вэ волн речных, *вэ* ветра и де-
ревьев,
Созвездье *го* ночного мира,
Та тени вечеровой — дева,
И *за-за* радостей — глаза.
Вэ пламени незримого толпа.
И пенья *пэ*,
И пенья *ро* сквозь тишину
И криков *ли*“.

Таков звездный язык.

Толпа: Это не плохо, Мыслитель!

Это будет получше!

Зангези: Это звездные песни, где алгебра слов смешана с аршинами и часами. Первый набросок! Этот язык объединит некогда, может быть скоро!

1-й прохожий: Он божественно врет. Он врет как соловей ночью. Смотрите, сверху летят летучки.

Прочтем одну:

„*Вэ* значит вращение одной точки около другой (круговое движение).

Эль — остановка падения, или вообще движения, плоскостью поперечной падающей точке (лодка, летать).

Эр — точка, пересекающая насквозь поперечную площадь.

Пэ — беглое удаление одной точки прочь от другой, и отсюда для многих точек, точечного множества, рост объема (пламя, пар).

Эм — распыление объема на бесконечно малые части.

Эс — выход точек из одной неподвижной точки, сияние.

К — встреча и отсюда остановка многих движущихся точек в одной неподвижной. Отсюда конечное значение ка = покой; закованность.

Ха — преграда плоскости между одной точкой и другой движущейся к ней. Хижина, хата.

Че — полый объем, пустота которого заполнена чужим телом. Отсюда кривая, огибающая преграду.

Зе — отражение луча от зеркала. — Угол падения равен углу отражения (зрение).

Ге — движение точки под прямым углом к основному движению, прочь от него. Отсюда высота.

1-й слушатель: С своими летучками, он делается свирепым, этот Зангези! Что скажешь по этому поводу?

2-й слушатель: Он меня проткнул как рыбешку острой своей мыслью.

Зангези: Слышите ли вы меня? Слышите ли вы мои речи, снимающие с вас оковы слов? Речь — здания из глыб пространства.

Частицы речи. Части движения. Слова — нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей.

Вы вырвались из цепей ваших предков. Молот моего голоса расковал их — бесноватыми вы бились в цепях.

Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучек лучей прочь из точки и в нее — вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык — и вы увидите пространство и его шкуру.

Тише! Тише. Он говорит!

Зангези: Благовест в ум! Большой набат в разум,
в колокол ума! Все оттенки мозга пройдут перед
вами на смотре всех родов разума. Вот! Пойте все
вместе за мной!

I

Гоум.

Оум.

Уум,

Паум.

Соум меня

И тех, кого не знаю

Моум.

Боум.

Лаум.

Чеум.

Бом!

Бим

Бам!

II

Проум

Праум

Приум

Ниум

Вэум

Роум

Заум

Выум

Боум
Боум
Быум
Бом!

Помогайте, звонари, я устал.

III

Доум.
Даум.
Миум.
Раум.
Хоум.
Хаум.

Бейте в благовест ума!
Вот колокол и веревка.

IV

Суум.
Изум.
Неум.
Наум.
Двуум.
Треум.
Деум.
Бом!
Зоум.
Коум.
Соум.
Поум.
Глаум.
Раум.
Ноум.

Нуум.
Выум.
Бом!
Бом! бом, бом!

Это большой набат в колокол ума.
Божественные звуки, слетающиеся сверху на призыв человека.

Выум — это изобр. Конечно, нелюба старого ведет к выуму.
Ноум — враждебный ум, ведущий к другим выводам, ум, говорящий первому „но“.

Гоум — высокий, как эти безделушки неба, звезды, невидимые днем. У падших государей он берет выпавший посох *Го*.

Лаум — широкий, розлитый по наиболее широкой площади, не знающий берегов себе, как половодье реки.

Коум — спокойный, сковывающий, дающий устои, книги, правила и законы.

Лаум с вершины сходит в толпы ко всем. Он расскажет полям, что видно с горы.

Чеум — подымающий чашу к неведомому будущему. Его зори — чезори. Его луч — челуч. Его пламя — чепламя. Его воля — чеволя. Его горе — чегоре. Его неги — ченеги.

Моум — гибельный, крушащий, разрушающий. Он предсказан в пределах веры.

Взуум — ум ученичества и верного подданства, набожного духа.

Оум — отвлеченный, озираюсь все кругом себя, с высоты одной мысли.

Изуум — выпрыг из пределов бытового ума.

Даум — утверждающий.

Ноум — спорящий.

Суум — половинный ум.

Соум — разум-сотрудник.

Нуум — приказывающий.

Хоум — тайный, спрятанный разум.

Быум — желающий разум, сделанный не тем, что есть, а тем, чего хочется.

Ниум — отрицающий.

Проум — предвидение.
Праум — разум далекой страны, ум-предок.
Боум — следующий голосу опыта.
Воум — гвоздь мысли, вогнанный в доску глупости.
Выум — слетевший обруч глупости, не знающий границ, преград,
лучистый, сияющий ум.
Раум — Речи его — рогаги.
Зоум — отраженный ум.

Прекрасен благовест ума.
Прекрасны его чистые звуки.
Но вот *Эм* шагает в область сильного слова *Могу*.

Слушайте, слушайте моговест *мощи*!

Плоскость X

Иди, могатырь!
Шагай, могатырь! можарь, можар!
Могун, я могею!
Моглец, я могу! могой, я могею!
Могой, мое я. Мело! Умело! Могой, могочь!
Моганствуйте очи! Мело! Умело!
Шествуйте, моги!
Шагай, могочь! Руки! Руки!
Могунный, можественный лик, полный могобнов!
Могровые очи, моготые мысли, могобные брови!
Лице могоды. Рука могоды! могона!
— Руки, руки!
Могарные, можеские, могунные,
Могесные, мощные! моговие!
Могесничай лик!
Многомогойные, могостые моги,
Это вы рассыпались волосы могоиканами, [тами,
Могоичи — моговичи, можественным могом, могоеня-
Среди могоенят — могоушиц, могоичей могоных,

Вьется один могушонок,
Можбой можеству могес могатеев могатых.
В толпе моженят и моговичей.

Вода в клюве! Крылья шумят ворона.
Тороплюсь, не опоздать бы!
Лице, могатырь! Могай, могоан!
Могей, могоун!
Могачь, могай!
Иду можарищем, можарю можарство можелью!
Могачь, могай! Могей, могоуй!
Иди, могатырь!
Мог моготы! можар можавы!
Могесник, мощник!
Можарь мой ум, могай рука! могоуй рука!
Могоан, могоун и могатырь!
Иди!
Могай, могоан! могей могоун!
Глаза моговы, уста могоды!
Могатство могоачей!

Это *Эм* ворвалось в владения *бэ*, чтоб не бояться его, выполняя долг победы. Это войска пехотные *Эм* размололи глыбу объема невозможного, камень-дикарь невозможного на муку, на муравьиные ноши, из дерева сделали мох и мураву, из орла муху, из слона мышь и стадо мурашей и целое стало мукой бесконечно малых частей. Это пришло *Эм*, молот великого, молью шубы столетий все истребив.

Так мы будим спящих богов речи.

Дерзко трясем за бороду — проснитесь старцы!
Я могогур и благовест *Эм*! Можар! можаров! К *Эм*,
этой северной звезде человечества, этому стожару

всех стогов веры, — наши пути. К ней плывет струг столетий. К ней пывет бус человечества, гордо надув паруса государств.

Так мы пришли из владений ума в замок „Могу“.

Тысяча голосов (глухо): Могу!

(еще раз): Могу!

(еще раз): Могу!

Мы можем!

Горы, дальние горы: — Могу!

Зангези: Слышите, горы расписались в вашей клятве. Слышите этот гордый росчерк гор „Могу“ на выданном вами денежном знаке? Повторенное зоем ущелья тысячами голосов? Слышите боги летят, испугнутые нашим вскриком?

Многие: Боги летят, боги летят!

Плоскость XI

Боги шумят крылами, летя ниже облака.

Боги: Гагага га гэгэ гэ!

Грака хата гророро

Лили эги, ляп, ляп, бэмь.

Либибиви нираро

Сиоано цицириц.

Хию хмапа, хир зень, ченчь

Жури кика син сонэга.

Хахотири эсс эсэ.

Юнчи, энчи, ук!

Юнчи, энчи, пипока.

Клям! клям! эпс!

Многие: Боги улетели, испуганные мощью наших голосов. К худу или добру?

Зангези: А, шагает Азбука!
Страшный час! Бревна Эм
Стали выше облака.
Тяжко шагает Ка.
Снова через труп облака тянутся
Копья Гэ и Эр, и когда они
Оба падут мертвыми, начнется
Страшная тяжба Эль и Ка —
Их отрицательных двойников.

Эр наклоняясь в зеркало нет-единицы — видит Ка;
Гэ увидит в нем Эль. Выше муравейника людей,
свайная постройка битвы загромоздила небо стол-
бами и плахами, тяжелой свайной войной углов из
бревен.

Но ветер развеял все.

Боги улетели испуганные мощью наших голосов.
А вы видали как Эль и Ка стучат мечами? И из бревен,
свайный кулак Ка, протянул к суровым свайным латам Эль.

А! Колчак, Каледин, Корнилов только паутина,
узоры плесени на этом кулаке? Какие борцы схватились
и борются за тучами? Свалка Гэ и Эр, Эль и Ка!
Одни хрипят, три трупа, Эль одно. Тише.

Зангези: Они голубой тихославль,
Они голубой окопад.
Они в ниюгда улетававь,
Их крылья шумят невпопад.
Летуры летят в собеса

Толпою ночей исчезаев.
Потоком крылатой этоты,
Потопом небесной нетоты.
Летели незурные стоны,
Свое позабывшие имя,
Лелеять его нехотяи.
Умчались в пустыни зовели,
В всегдаве небес иногдава,
Нетавя, земного нетавя!
Летоты, летоты инес!
Вечернего воздуха дайны,
Этавель задумчивой тайны,
По синему небу бегуричи,
Нетуричей стая незуричей
Потопом летят в инеса,
Летуры летят в собеса!
Летавель могучей виданой,
Этой безвестной и странной,
Крылом белоснежные махари,
Полета усталого знахари,
Сияны веянами дахари.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога,
Широкие песни ничтога
В созвездиях босы,
Там умерло ты.
У них небесурные косы,
У них небесурные рты!
В потоке востока всегдава,
Они улетят в никогдавель.
Очами земного нетеж,
Закона земного нетуры,

Они в голубое летеж—
Они в голубое летуры.
Окутаны вещею грустью,
Летят к доразумному устью,
Нетурные крылья, грезурные рты!
Незурные крылья, нетурные рты!
У них небесурные лица,
Они голубого столица,
По синему небу бегуричи!
Огнестром лелестра небес.
Их дико грезурные очи,
Их дико незурные рты.

Ученики: Зангези! Что-нибудь земное! Довольно
неба! Грянь комаринскую! Мыслитель, скажи что-
нибудь веселенькое. Толпа хочет веселого. Что по-
делаешь — время послеобеденное.

Плоскость XIV

Зангези: Слушайте,
Верхарня серых гор.
Бегава вод в долину,
И бьюга водопада об утесы,
Седыми бивнями волны.
И сивни облаков,
Нетоты тучь,
Над хивнями травы.
И бихорь седого потока
Великой седьни воды.
Я божестварь на божествинах! иду по
берегу.
А там стою как стог.

И черный мамонт полумрака, черниль-
ницей пролитый

В молоке ущелья,
Поднявший бивень белых вод,
Грозит травы божеств — ежу и топчут
сван лебеду,

Чтобы стонала: боже, боже!
Грозит и в пропасть упадет.
Пел петер дикой степи,
Лелепр синее ночей,
Весны хорошава ночная, верхарня травы
Где ветра ходно, на небе огнепр!
Сюда, властелины! Младыки сюда!
Здесь умер волестр, о ветер сладьки.
И гибельный гнестр
И хивень божеств.

А я — божестварь, одинок.

В толпе: Безумью барщина
И тарабарщина,
На каком языке господин Зангези?

Зангези: Дальше:
А вы сапогоокые девы,
Шагающие смазными сапогами ночей
По небу моей песни,
Бросьте и сейте деньги ваших глаз
По большим дорогам!
Вырвите жало гадюк
Из ваших шипящих кос!
Смотрите щелками ненависти.
Глупоствоварь, я пою и безумствую!
Я скачу и пляшу на утесе.
Когда пою, мне звезды хлопают в ладоши.

Стою. Стою! Стойте!
Вперед шары земные!
Так я, великий, заклинаю множественным
числом,
Умножарь земного шара: ковыляй тол-
пами земель,
Земля кружись комариным роем: я один,
скрестив руки,
Гробизны певцом.
Я небыть. Я таковичь.

Плоскость XV

Но вот песни звукописи: где звук то голубой, то
синий, то черный — то красный.

з в у к о п и с ь
Вэо-вэа — зелень дерева,
Нижеоты — темный ствол,
Мам-эами — это небо,
Пучь и чапи — черный грач.
Мам и эмо — это облако.

Запах вещей числовой.

День в саду.

А вот ваш праздник труда:

Лели-лили снег черемух,
Заслоняющих винтовку.
Чичечача — шашки блеск,
Биээнзай — аль знамен,
Зиээгзой — почерк клятвы.
Бобо-биба — аль околыша,
Мипиопи — блеск очей серых войск.
Чучу биза — блеск божбы.
Мивеаа — небеса,

Мипиопи — блеск очей,
Вээва — зелень толп!
Мимомая — синь гусаров,
Зизо зезя — почерк солнц,
Солнцеоких шашек рожь.
Лели-лили — снег черемух,
Сосесао — зданий горы...

Слушающие: Будет! Будет! Довольно!
Соленым огурцом в Зангези! Ты что-нибудь мужественное! Поджечь его!
Смотри, даже заяц выбежал слушать тебя, чешет лапой ухо, косою.
Зангези! Брось заячье зайцам. Мы ведь мужчины!
Смотри, сколько здесь собралось! — Зангези! Мы заснули. Красиво, но не греет! Плохие дрова срубил ты для отопки наших печей. Холодно.

Плоскость XVI

п а д у ч а я

Что с ним? Держи его!
Азь — два... Ноги вдевать в стремена!
Но-жки! Азь-два.
Ишь, гад! Стой... Готов... урр... урр.
— Белая рожа! Стой, не уйдешь! Не
уйдешь!
Стой, курва, тише, тише!
Зарежу как барана... — Стой гад!
Стой, гад. Ать!
Хырр... хырр...
Урр.
Урр...

Не уйдешь...
Врешь... Стой
Стой...
Урр... уррр...
Хырр...
Хрра...
Ать!
Ать! Ать!
Врешь, курва.
Сволочь!
А! Господа мать!
Не спас головы
Для красной свободы...
Первый осетинский конный полк,
Шашки выдер-гать!
— Вон! за мной!
Направо руби,
Налево коли!
Урр... урр...
Не уйдешь!
Слушай, браток:
Нож есть?
Зарежу — купец,
Врешь не удержишь!
А! в плену... врете!
Ать! Ать!

Зангези: С ним припадок.
Страшная война посетила его душу.
И перерезала наши часы точно горло
Этот припадочный,
Он нам напомнил,
Что война, еще существует.

Трое: Ну, прощай, Зангези! (уходят)
Дорога собираю тесна
Везде береза и сосна.
О, боги, боги, где вы?
Дайте прикурить.
Я прежних спичек не найду.
Давай закурим на ходу.
Идем.
— Мы где увидимся?
В могиле братской?
Я самогону притащу,
Аракой бога угощу
И созовем туда марух. — Эх!
Курится?
— Петух!
На том свете я примаю от трех до шести.
Иди смелей, боятся дети,
А мы уж юности — прости!
По нашенски, напьемся по простецки,
по дурацки
Потом святого в лоск напоем,
Одесса-мама запоем.
И пусть пляшут аца-ца!
Возле мертвого донца.
Даешь, Зангези?

Зангези: Спички судьбы.

Трое: Есть.

Зангези: Нет, не бывает у бури кавычек!
Требовал смерти у Рюриковичей

Пылкий, горячий Рылеев.
В каждом течет короле яд,
И повис, неподвижно шагая,
Смерть для Рылеева цепей милее.
Далее мчится буря нагая.
Дело свободы, все же ты начато!
Пусть тех могилы тихи.
Через два в тринадцатой
Сорок восьмого года
Толп, красных толп пастухи.
Ветер свободы,
День мировой непогоды!
И если восстали поляки,
Не боясь у судьбы освистанья,
Щеку и рот пусть у судьбы раздирает
свисток,
Пусть точно дуло, точно выстрел
суровый,
Точно дуло ружья, смотрит угрюмый
восток
На польского праздник восстанья.
Через три в пятой или двести сорок три
Червонцами брошенных дней
Вдруг загорелся, как смерть в одиночке,
Выстрел в грудь Берга, мертвой
Мятежников точки,
Польши смирителя, Польши намест-
ника,
Звона цепей упорного вестника.
Это звена цепей блеснули:
Через три в пятой — день мести
И выстрела дыма дыбы.

Гарфильд был избран, посадник Амери-
рики,

Лед недоверия пробит,
Через три в пятой — звери какие —
Гарфильд убит.
И если востока орда
Улицы Рима ограбила,
И бросила белый град черным оковам,
Открыла для стаи вороньей обед,
Через два раза в одинадцатой три,
Выросла снова гора черепов
Битвы в полях Куликова —
Это Москва переписывала набело
Чернилами первых побед
Первого Рима судьбы черновик.
Востока народов умолк пулемет,
Битвой великою кончилась
Обойма народов востока.
Мельник времен
Из костей Куликова,
Плотину построил, холм черепов.
Окрик несется по степи: „Стой!“
Это Москва часовой.
Волны народов одна за другой
Катились на запад:
Готы и гунны, с ними татары.
Через дважды в одинадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала востоку: ни шагу!
Там, где земля от татар высыхала,
Долго блистал их залив,
Ермак с головою нахала,

Суровую бровь углом заломив,
Ветру поверив широкую бороду,
Плыл по прекрасным рекам Сибири
К Кучума далекому городу.
Самое нежное в мире
Не остановит его,
Победителя жребий
В зеркале вод отражался,
Звезды блистали Искера
И полумир переходит к Москве.
Глядели на русских медвежие хари,
Играли в камнях медвежата,
Толпилися лось и лосята.
Манят и дразнят меха соболей
Толстых бояр из столицы,
Шли воеводы на поиск землицы,
Плыли по морю по северным льдам.
Вслед за отходом татарских тревог —
Это Русь пошла на восток.
Через два раза в десятой степени три
После взятия Искера,
После суровых очей Ермака,
Отраженных в сибирской реке,
Наступает день битвы Мукдена,
Где много земле отдали удали. [Энной
Это всегда так: после трех в степени
Наступил отрицательный сдвиг.
Стесселем стал Ермак
Через три в десятой степени дней
И столько же.
Чем Куликово было татарам,
Тем грозный Мукден был для русских

В очках ученого пророка
Его видал за письменным столом
Владимир Соловьев.
Ежели Стессель любил поросят—
Был он Ермак через три в десятой.
И если Болгария
Разорвала своего господина цепи
И свободною встала после стольких
годов,

Решеньем судилища всемирного—
Долина цветов—
Это потому, что прошло
Три в одиннадцатой
Со дня битвы при Тырнове.
Киев татарами взят
В храмах верблюды храпят,
Русская взята столица,
Прошло три в десятой
И в горах Ангоры
Сошлись Тимур с Баязетом.
И пусть в клетке сидит Баязет,
Но монголам положен отпор
Через степени три,
Смена военной зари.
Древнему чету и нечету
Там покоряется меч и тут.
Есть башня из троек и двоек
Ходит по ней старец времен.
Где военных знамен воздух клевал
лоскутья
И кони упорно молчат,
Лишь звучным копытом стучат.

Ее удержать.
Скачет, развеяв копытами пыль,
Гордая скачет пророчица.
Бьется по камням, волочится
Старая мертвая быль.
Скачет куда и к кому?
Никогда не догоните!
Пыли и то трудно угнаться то.
Горят в глазах огонь и темь —
Это потому
И затем,
Что прошло два в двенадцатой
Степени дней
Со дня алой Пресни.
Здесь два было времени богом,
И паденье царей с уздечкой в руке,
И охота за ними улю-лю вдалеке
Выла вдаль увлекательным рогом.
Пушечной речью
Потрясено Замоскворечье,
Мина снарядам кудрями чугунными
Кланялся низко
Нижегородец Минин.
Справлялись Мина именины,
А рядом
Самых красивых в Москве богородиц
В глубинах часовен
Хохот глушил гор Воробьевых.
Это Пушкин, как волосы длинные
Эн отрубил
И победителю песен их бросил.
Мин победил.

Он сам прочел Онегина железа и свинца
В глухое ухо толп. Он сам взойдет на
памятник.

Через три в пятой дней
Сделался снег ал.
И не узнавали Мина глаза никого,
Народ забегал,
Мина убила рука Коноплянниковой.
Через три в пятой двести сорок три дня
Точно, что всего обидней,
Приходит возмездие.
Было проделано чудо жестокости,
Въелось железо человечеству до кости,
Пушки отдыхали лишь по воскресеньям,
Ружья воткнуть казалось спасеньем.
Приказ грозе и тишине
Германский меч был в вышине.
И когда мир приехал у кого-то дого-
вора на горбах

Через три в пятой
Был убит эсером Мирбах.
Если в пальцах запрятался нож,
А зрачки открывала настезью месть —
Это время завывало: даешь,
А судьба отвечала послушная: есть.

[Плоскость XIX]

К Зангези подводят коня. Он садится.
Зангези: Иверни выверни,
Умный игрень!
Кучери тучери,

Мучери noci,
 Точери тучери, вечери очери
 Чотками чуткими
 Пали зари.
 Иверни выверни,
 Умный игрень!
 Это на око
 Ночная гроза,
 Это наука
 Легла на глаза!
 В дол свободы
 Без погонь!
 Ходы, ходы!
 Добрый конь.

Он едет в город.

Зангези: Я, волосатый реками!
 Смотрите, Дунай течет
 У меня по плечам!
 И, вихорь своевольный,
 Порогами синее Днепр.
 Это Волга блеснула синими водами,
 А этот волос длинный,
 Беру его пальцами,
 Амур, где японка
 Молится небу
 Во время бури.
 Хороший плотник часов,
 Я разобрал часы человечества,
 Стрелку верно поставил,
 Лист чисел приделал,
 Вновь перечел все времена,
 Гайку внедрил долотом.

Ход стрелки судьбы железного неба
Стеклом заслонил:
Тикают тихо как раньше.
К руке ремешком прикрепил
Часы человечества.
Песни зубцов и колес
Железным поют языком.
Гордый, еду, починкой мозгов.
Идут и ходят как прежде.
Глыбы ума, понятий клади,
И весь умерших дум обоз,
Как боги лба и звери сзади,
Полей божественных навоз,
Кладите как колосья в веселые стога
И дайте им походку и радость и бега.
Вот эти кажутся челом мыслителя,
Священной песни книгой те.
Рабочие, завода думы жители!
Работайте, носите, двигайте!
Давайте им простор, военной силы бег,
И ярость и движение.
Пошлите на нощлег
И беды и сраженья,
И кудри молодца
Бегут пусть от отца.
Поставьте в поезда, ночные пароходы;
Где зелень темных звезд,
Чтобы через кадык небес вести
Людей небесные пути.
И чтоб вся мощь и свежесть рек
Влекла их на простор, охотничий нощ-
лег.

Чтобы неподвижной глыбой снов
Лежал бы на девичьем сене
Порядок мерных слов,
Усталый и весенний.
Вперед, шары земные!
Если кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Раньше улитки и слизни —
Нынче орлиные жизни.
Более радуг в цвета!
Та—та!
Будет земля занята
Сетью крылатых дорог.
Та—та!
Ежели скажут: ты бог,
Гневно ответь: клевета,
Мне он лишь только до ног!
Плечам равна ли пята?
Та—та!
Лёта лета!
Люди — растаявший лед.
Дальше и дальше полет.
В великих погонях
Бешеных скачек
На наших ладонях
Земного шара мячик.
В волнах песчаных
Моря качались, синей прическе,
Сосен занозы.
Почерком сосен

Была написана книга песка,
Книга морского певца.
Песчаные волны где сосны стоят,
— Свист чьих то губ,
Дышащих около.
Шумит, грызя молчание,
Как брошенную кость,
Дневное море.
Зверь моря синемехий и синебурый
Бьется в берег шкурой.
Подушка — камень,
Терновник — полог,
Прибой моря — простыня,
А звезд ряды — ночное одеяло, —
Отшельнику себя,
Морских особняков жильцу,
Простому ветру.
Мной недовольное ты!
Я, недовольный тобой!
Льешь на пространстве версты
Пену корзины рябой.
Сваи и сваи, и сваи!
На свайных постройках лежит
Угроза, созревшая в тайнах
Колосьями сумрачных жит!
Трудно по волнам песчаным тащиться!
Кто это моря цветов продавщица,
На берег выдь, сядь рядом со мной!
Я ведь такой же простой и земной!
Я, человечество, мне научу
Ближние солнца
Честь отдавать:

Ась! два!
Рявкая солнцам сурово.
Я воин; время — винтарь.
Мои обмотки:
Рим пылающий, обугленный, дымный—
Головешка из храмов,
Стянутый уравнениями туго
Весь поперек
— Одна моя обмотка.
И Царьград, где погибает
Воин в огне,
— Другая, тоже хорошая.
Я ведь умею шагать
Взад и вперед
По столетьям.
Онучи туги.
Ну, дорогу други!
Слышу я просьбу великих столиц:
Боги великие звука,
Пластину волнуя земли,
Собрали пыль человечества,
Пыль рода людей,
Покорную каждым устоям,
В большие столицы,
В озера стоячей волны,
Курганы из тысячных толп.
Мы дышим ветром на вас,
Свищем и дышем.
Сугробы народов метем,
Волнуем, волны наводим и рябь,
И мерную зыбь на глади столетий!
Войны даем вам

И гибель царств.
Мы, дикие звуки,
Мы, дикие кони.
Приручите нас:
Мы понесем вас
В другие миры,
Верные дикому
Всаднику
Звука.
Лавой беги человечество, звуков табун
оседлав.
Конницу звука взнуздай!

[Плоскость XX]

ГОРЕ И СМЕХ

Зангези уходит прочь.
Горы пусты.
На площадке козлиными прыжками появляется Смек,
ведя за руку Горе...
Он без шляпы, толстый, с одной серьгой в ухе,
в белой рубашке. Одна половина его черных штанов
синяя, другая золотая. У него мясистые веселые
глаза.
Горе одета во все белое, лишь черная с низкими
широкими полями шляпа.
Горе: Я горе. Любую доску я
Пойму, как царевну печаль!
И так проживу я тоскуя,
— О, ветер, мне косы мочаль!
Я когтями впила в тело,
Руками сдавила виски.

А ласточка ласково пела
О странах, где нету тоски.
И точно в долину, в меня
Собралась печаль мировая
И я прославляю, кляня
Кто хлеба лишен коровая.
Зачем же вы, очи умерших,
Крылами плескали нужды?
Я рыбою бьюся в их вершах,
Русалка нездешней воды!

Смех: В горах разума пустяк,
Скачет легко точно серна.
Я веселый могучий толстяк,
И в этом мое верую.
Чугунной скачкою моржа
Я прохожу мои пути.
Железной радугой ножа
Мой смех умеет расцвести.
Жестокой силою ножа
Мой смех умеет расцвести.
Рукою мощной подбоченясь,
Трясу подковами полы,
Трясу единственной серьгой.
Дровами хохота полениц
Топлю мой разум голубой.
Ударом в хохот указую,
Что за занавеской скрылся кто-то,
И обувь разума разую
И укажу на пальцы пота.
Ты водосточною трубой
Сосеешь дожди ночных небес,
Протянута к глазам небес,

А я безумец и другой
Я—жирными глазами бес.
Куришь пожарами кумирень,
Гори молебными печали!
Затылок мой, от смеха жирен,
Твои же руки обнимали,
Твои же губы целовали.
И точно крыши твердой скат
Я в непогоде каждой сух.
А ты как та, которой кат
Клещами вынимает дух.
И точно крыши острой скат,
Я сух во время града слез.
А ты как та, которой кат
Полночных пыток чашу нес.
На колесе привязана святою,
Застенок выломал суставы,
Ты, точно строчка запятою,
Вдруг отгородилась от забавы.
А я тяну улыбки нитки,
Где я и ты,
Тебе на паутине пытки,
Мои даю цветы.
И мы как две ошибки
В лугах ночной улыбки.
Я смех, я громоотвод
От мирового гнева.
Ты водоем для звездных вод,
Ты мировой печали дева.
Всегда судьбой меня смешаешь:
Чем более грустна ты,
Тем ярче в небе шиш —

Им судьбы тароваты.
Ты вечно, вечно надсмешишь
За всех горюя и грустя:
Получишь только, только шиш
Руки священной, пусть шутя.
Твоя душа густой ковер,
Где ходят ноги звезд.
А я вчера на небе спер
Словарь недорогих острот.
Колени мирового горя
Руками обнимая, плачешь,
А я с ним подерусь, поспорю
И ловко одурачу.
У каждого своя цель
И даже у паяца.
Но многие боятся
Твоих нездешних глаз.
И ежели золу ем,
Она невкусная, пойми!
Ты все же тихим поцелуем
Мне поручи несешь любви.
И вечно ты ко мне влекома
И я лечу в твою страну.
И как пшеничная солома
Ты клонишь нежную вину.
Я жирным хохотом трясуся
И над собой и над судьбой,
Когда порой бываешь „дуся“
Моей послушною рабой.

Старик: Потомков новые рубли
Для глаза божьего сквозны,
Кладу в ночные кошельки

Гробами звякнувшей казны.
Два холма во времени
Дальше чем глаза от темени.
Я ученическим гробам
Скажу не так, скажу не там.
Хранитель точности, божбам
Веду торговые счета.
Любимцы нег, друзья беды,
Преступники и кто горды,
Мазурики и кто пророки —
В одном потоке чехарды
Игра числа и чисел сроки.
Вот ножницы со мной,
Зловеще лязгая, стригу
Дыханье мертвой беленой
И смеха дикое гу-гу.
Я роздал людям пай на гроб
Их увенчал венками зависти.
И тот, в поту чей мертвый лоб,
Не смог с меня глаза вести.
Носитесь же вместе, горе и смех,
Носитесь как шустрые мыши.
Надену свой череп и белый доспех
И нежитью выгляну с крыши.
И кости безумного треска
Звенят у меня на руке.
Ах, если бы вновь занавеска
Открылась бы вновь вдалеке.
И глаз опрокинутых Китежи
Пусть горе закроет ресницей, —
Бегите же, дети, бегите же! —
Что в жизни бывает, не снится.

Смех: Я смех, я громоотвод,
Где гром ругается огнем,
Ты, горе, для потока вод
Старинный водоем.
И к пристани гроза
Летит надменною путиной.
Я истины глаза
У горя видывал из тины.
Я слова бурного разбойник,
Мои слова — кистень на Волге!
Твоей печали рукомойник
Мне на руки льет струи долги.

Горе: Сумрак — умная печаль!
Сотня душ во мне теснится,
Я неадекватная, вам жаль,
Невод слез — мои ресницы.
Пляшу Кшесинскою пред гробом
И в замке дум сижу Потоцкой
Перед молчанием Гирея.
А в детстве я любила клетки,
Веселых снегурочек.
Они глазам прохожих милы,
Они малиновой весной зоба,
Как темно-красные цветы,
На зимнем выросли кусту.
Но все пустынно и не ты
Сорвешь цветы с своей могилы,
Развеешь жизни пустоту.
Мне только чудится оскал
Гнилых зубов внизу личины,
Где червь тоскующий искал
Обед из мертвечины.

Как синей бабочки крыло
На камне,
Слезую черной обвело
Глаза мне.

Смех: Что же мы соединим
Наши воли, наши речи!
Смех никем не извиним,
Улетающий далече!
Час усталый, час ленивый!
Ты кресало, я огниво!
Древний смех несу на рынок.
Ты, веселая толпа,
Ты увидишь поединок
Лезвия о черепа.
Прочь одежды! прочь, рубахи!
По дороге черепов поползете черепахи!
Скинь рубашку с полуплеч
И в руке железный волос
Будет мне грозить как меч,
Как кургана древний голос.
Точно волны чернозема
Пусть рассыпется коса,
Гнется, в грудь мою ведома,
Меди тонкой полоса.
И простор твоих рубах,
Не стесняемый прибором,
Пусть устанет о рабах
Причитать печальным воем.
Дерзкой волею противника,
Я твой меч из ножен выбью.
Звон о звон, как крик крапивника,
Чешую проколет рыбью.

Час и череп, чет и нечет!
Это молнии железные
Вдруг согнулись и перечат,
— Узок узкий путь над бездною!
На снегах твоей сорочки
Алым вырастут шиповники.
Это я поставил точки —
Своей жизни, мы виновники!
Начинай же, начинай!
И в зачет и не в значай!
Точно легкий месяц Ай!
Выбирай удачи пай!
Пусть одеты кулаки
Рукоятью в шишаки,
Темной проволочной сеткой.
От укуса точно пчел
Отбивает выпад меткий—
Их числа никто не счел.
И удары за ударом,
Искры сыпятся пожаром.
Искры сыпятся костром.
Время катится недаром,
Ах, какой полом!

(Смех падает мертвый, зажимая рукоятью красную пену на боку).

ВЕСЕЛОЕ МЕСТО

Двое читают газету.
Как? Зангези умер!
Мало того, зарезался бритвой.
Какая грустная новость!
Какая печальная весть!

Оставил краткую записку:
„Бритва, на мое горло!“.
Широкая железная осока
Перерезала воды его жизни, его уже нет...
Поводом было уничтожение
Рукописей злостными
Негодяями с большим подбородком
И шлепающей и чавкающей парой губ.

Зангези Зангези жив,
(входя): Это была неумная шутка.

П Р И М Е Ч А Н И Я

ОТ РЕДАКЦИИ

Третий том произведений Велимира Хлебникова охватывает стихи и поэмы 1917-22 года. За время работы над третьим томом редакцией были получены материалы, относящиеся к более ранним годам, а также было заново установлено время написания некоторых вещей, опубликованных в позднейшие годы — редакция включила эти ранние вещи в самое начало тома. В третьем томе представлены произведения Хлебникова, написанные им за годы революции и по издательским условиям того времени в большинстве своем тогда не напечатанные и не рассчитанные на печать.

Этим в известной мере объясняется некоторая незаконченность и недоработанность многих из них. Кроме того, работая над своими вещами, Хлебников постоянно их переделывал, создавал новые редакции и варианты. Редакция, не разъединяя произведений, напечатанных при жизни Хлебникова и оставшихся в черновиках, — поместит дополнительно мелкие и незаконченные стихотворения, которые по техническим причинам не могли войти в этот том.

Многие рукописи представляют значительные текстологические трудности, поэтому редакции приходится пользоваться в ряде случаев конъектурами.

Не меньшую сложность представляют датировка и распределение материала.

Самим Хлебниковым датировано очень незначительное число вещей, время написания остальных определяется лишь приблизительно (правда, колебания в датировке могут быть очень невелики, так как в третий том входят главным образом вещи с конца 1919 по начало 1922 года).

Стихотворения расположены по их хронологическому соседству. В основу настоящего тома лег рукописный фонд, сохраняемый В. В. Хлебниковой и П. В. Митуричем; значительное место в нем занимает „Гросбух“, заполнявшийся В. Хлебниковым с конца 1919 по конец 1921 года.

Редакции помогали предоставлением рукописных материалов или указаниями:

Р. П. Абих, Д. Д. Бурлюк, Б. К. Лившиц, М. В. Матюшин, П. В. Митурич, И. В. Егоров, Н. О. Коган, А. Е. Крученых, Г. Н. Петников, В. А. Силлов и Р. О. Якобсон.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Годы, люди и народы. 2. Воспоминания. 3. Суз — были напечатаны в „Русском Современнике“ № 4 за 1924 г. „Воспоминания“ и „Суз“ здесь печатаются с поправками по рукописи. Судя по старому правописанию, их следует отнести скорее всего к 1916 — 17 г.

Примечания на стр. 9 — самого В. Хлебникова.

Монтезума — последний мексиканский король, замучивший себя голодом в плену у испанцев.

4. Из поэмы „Марина Мнишек“ — напечатано в Альманахе поэтов „Фантастический кабачек“ № 1, 1918 г., Тифлисе, написано вероятно значительно раньше.

5. Перун — печатается по тексту, опубликованному в 18-ом вып. „Неизданного Хлебникова“ А. Крученых, относящим его к ранним вещам. Правильнее отнести эту вещь к 1915 — 1917 г.

6. „Веко к глазу прилепленно приставив“ — написано в конце 1916 г. Напечатано в „Сборнике нового искусства“ 1919 г., Харьков.

7. „Только мы, свернув ваши три года войны“ — напечатано в 1917 г. во „Временнике“ 2-ом, Харьков. Написано в Харькове 21/IV-1917 г. В списке вещей названо Хлебниковым: „Манифест председателей земного шара“. В окончательной редакции принимал участие Г. Н. Петников.

8. „Народ поднял верховный жезл“ — печатается впервые, по рукописи, хранящейся у Г. Н. Петникова. Датировано 10 марта 1918 г.

9. „Ветер — пение“ — напечатано в сб. „Мы“ (М. 1920 г.), первые четыре стиха входят в конце поэмы „Война в мышеловке“.

10. „Моих друзей летели со мной“ — напечатано в „Русском Современнике“ № 4; здесь печатается по рукописи.

Маунь — кошачья трава, валериана.

11. „Я видел“ — печатается по рукописи, вариант помещен был в сб. „Мы“ М. 1920 г.

12. „Москва — старинный череп“ (1917 г.?) — напечатано в „Сборнике нового искусства“ Харьков, 1919 г.

13. „В этот день голубых медведей“ (1918 г.?)
14. „Весеннего корана“, 15. „Весны пословицы и скороговорки“ (1919 г.) — напечатаны в журнале „Пути Творчества“, № 5, 1919—20 г., Харьков.
16. Каменная баба — печатается по рукописи впервые в наиболее полном виде. Отрывок был опубликован в „Неизд. Хлебникове“. № 12. Датировано 10 марта 1919 г. Возможно, что здесь неполный текст поэмы.
17. Саян — печатается по рукописи (Гросбух), напечатан в „Звезде“, № 3, за 1928 г.
18. Моряк и поец — печатается впервые по рукописи (Гросбух). Поец — словообразование Хлебникова — поэт + певец. Ливогуб, Д. А. — народоволец, повешенный в 1879 г.
19. Мои походы, 20. Осенняя — напечатаны в сб. „Стихи“ М., 1923 г., имеются рукописные варианты.
21. „И черный рак на белом блюде“ — напечатано в сб. „Лирень“, Харьков, 1920 г., под заглавием „Ви́ла и леший“, есть рукописные варианты.
22. Кормление голубя — напечатано впервые в сб. „Лирень“ без заглавия. Имеются варианты.
23. „Я видел бабр сидел у роши“ — напечатано в сб. „Стихи“. Бабр (сиб.) — тигр.
24. „Полужелезная изба“ — печатается впервые по рукописи. Скорее всего эту вещь следует датировать концом 1919 г. В записях, повидимому она, названа „Гаршин“. „Сабурова дача“ — психиатрическая лечебница в Харькове. Старо-Московская ул. — улица в Харькове, где одно время жил В. Хлебников у Г. Н. Петникова.
- Гаршин в русско-турецкую войну был ранен на Балканах в ногу. В 1886 г. в припадке душевной болезни бросился в пролет лестницы.
- Страна Оленько. Оленько — киевский князь († 1455 г.), ведший беспрестанные войны с татарами за Южную Русь.
- Байда — народное имя кн. Дм. Вишневецкого в украинских думах.
- „Аленький цветочек“ — см. рассказ Гаршина „Красный цветок“.
25. Праздник труда — печатается по тексту, опубликованному в „Неизд. Хлебникове“, № 8. Возможно, что под заглавием

„Труднеделя“ оно датировано Хлебниковым 20/IV-20 г. Есть вариант в Гросбухе.

26. Современность — напечатано в „Радиусе авангардцев“, 1928 г. Написано в 1920 г. в Харькове.

В лони годы — встарь, в прошлые годы.

27. „Над глухонемой отчиной: „Не убей!““, 28. „Он город — старой правдой горд“ — печатаются по рукописям, переданным Хлебниковым И. В. Егорову в Харькове. Относятся к 1919 — 20 г.г., ко времени пребывания Хлебникова в Харькове. „Он город старой правдой горд“ (вариант) был напечатан в „Звезде“ № 9 за 1927 г., другой вариант вошел в „Ладомир“.

29. „О город тучеед“ — печатается впервые по рукописи (Гросбух).

30. Город будущего — напечатано в сб. „Харчевня Зорь“ М. 1920 г. Датировано 1920 г.

31. Горные чары — напечатано в сб. „Харчевня Зорь“, датировано 1920 г.

31. Единая книга — напечатано в сб. „Радиус авангардцев“, X. 1928 г., написано в 1920 г. в Харькове. В распоряжении редакции имеется рукопись другого варианта.

33. Слово о Эль — печатается по рукописи, переданной Хлебниковым И. В. Егорову в Харькове в 1920 г. В сб. „Стихи“ напечатан вариант под заглавием „Эль“.

Л я п у н ь я — бабочка, мотылек.

В статье „Наша основа“ Хлебников так разъясняет значение „Л“:

1. Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным.

2. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием и как бы летят с разных сторон в одну и ту же точку рассудка.

Слова на Л: лодка, лыжи, ладья, ладонь, лапа, лист, лопух, лопасть, лепесток, ласты, лямка, искусство лета, луч, лог, лежанка, проливать, лить... Возьмем пловца на лодке: его вес распределяется на широкую поверхность лодки. Точка приложения силы разливается на широкую площадь и тяжесть делается тем слабее, чем шире эта площадь. Пловец делается легким. Поэтому Л можно определить как умень-

шение силы к каждой данной точке, вызванное ростом поля ее приложения. Падающее тело останавливается, опираясь на достаточно большую поверхность. В общественном строе такому сдвигу отвечает сдвиг от думской России к советской России, так как новым строем вес власти равнит на несравненно более широкую площадь носителей власти: пловец государства на лодку широкого народовластия. И так каждый согласный звук скрывает за собой некоторый образ и есть имя.

34. „Леляною ночи, леляною грусти“ — печатается впервые по рукописи. Написано в 1920 г. Значительно измененный вариант этого стихотворения вошел в „Зангези“, кроме того в Гросбухе имеются еще четыре вариации на эту же тему.
35. Царапина по небу — опубликовано в № 14 „Неизд. Хлебникова“ (М. 1930 г.). В предисловии А. Крученых указано: „Царапина по небу“, законченная Хлебниковым в 1922 г., печатается по рукописи, переписанной П. Митуричем и исправленной и добавленной В. Хлебниковым“, но по свидетельству П. Митурича, переписывавшего ее 1/V 1921 г., она была по частям написана В. Хлебниковым раньше, еще в харьковский период, т. е. в 1920 году. Эта поэма является теоретическим и поэтическим применением языковых теорий Хлебникова, легших в основу его „всемирного языка“ понятий, символически выражаемых буквами. Этот язык понятий Хлебников разъясняет в ряде статей, в пояснении же к этой поэме он дает краткий „Словарь звездного языка“.

СЛОВАРЬ ЗВЕЗДНОГО ЯЗЫКА

(общего всей звезде, населенной людьми).

ВЭ — движение точки по кругу около другой неподвижной.

ПЭ — прямое движение точки, прочь от неподвижной, движение по прямой черте.

Отсюда тела, полные пещер, рост объема, занятого телом в трехмерном мире: пух, порох, пушка.

Пара двух точек, разделенная растущим пространством.

ЭЛЬ — переход количества высоты, совпадающей с осью движения, в измерение ширины, поперечной пути движения.

Ось движения пересечена ею под прямым углом, — лист, лодка, лапа, лыжи, лет, лед, луг.

ГО — высшая точка: поперечного пути движения, колебания (измерения): голова, горы, гребень, го-сударь.

ЭМ — деление объема на малые части (муку, молоть, молод, младенец).

ЭС — пути движений, имеющие общую начальную и неподвижную точку осей (солнце, сад, село).

ХА — черта, преграда между неподвижной точкой и другой движущейся к ней.

ЧЕ — пустое тело, заменяющее оболочку объему другого тела. Обход другою во время прямого пути некоторой неподвижной точки на пути.

КА — взаимное сближение двух точек до неподвижного предела, остановки многих точек у одной неподвижной.

Звезда движений обратная ЭС.

ША — слияние поверхностей, наибольшая площадь в наименьших границах одного.

ДЭ — удаление части от целого к другому целому (дар, даль).

ЗЭ — пара взаимно подобных точечных множеств, разделенная расстоянием.

ЭН — исчезновение из пределов данной области и направления где нет движения.

ТЭ — отрицательный путь движения, вызванный тенью неподвижной точки.

36. „Мощные, свежие до нага“ — печатается по тексту, опубликованному в „Неизд. Хлебникове“ № 9. Датировано Баку, 1920 г.

37. „Опять чугунный кипяток“ — печатается впервые по рукописи (Гросбух).

38. Молот — печатается впервые по рукописи (Гросбух).

39. Влом Вселенной — печатается впервые по рукописи (Гросбух). В перечне вещей названо „Взлом вселенной“.

40. Смерть будущего — печатается впервые по рукописи (Гросбух). В записях датировано IV-21 г.

41. „Воет судьба улюлю“, 42. „В этот день, когда вянет осеннее“, 43. „Сыновеет иочей сиева“ —

- печатаются впервые по рукописи (Гросбух). К стихотворению „Сыновеет ночей синева“ Хлебниковым сделано пояснение: — „Крым. Язык двух измерений. (Косые голоса). Косой перезвон речи“.
44. „Зачем в гляделках незабудки?“ — опубликовано в „Неизд. Хлебникове“ № 4.
45. „Точит деревья и тихо течет“ — печатается впервые по рукописи (Гросбух).
46. Предместье I, Законная — печатается впервые по рукописи (Гросбух). Рукопись с большим количеством поправок и вариантов. Кроме этого более законченного варианта, есть еще стихотворение „Предместье“ со сходным началом, но другим концом.
47. „Русь зеленая в месяце Ай“ — печатается впервые по рукописи (Гросбух). Кроме этого текста есть параллельный вариант, записанный частями в двух местах Гросбуха. В этом стихотворении Хлебниковым перечисляются древне-славянские названия месяцев: грозник — июль, серпень — август, реун — сентябрь, за зимье — октябрь, зимник — декабрь, Струбай! — возможно народн. стрибай — прыгай! (?)
Дорога Батыя — Млечный путь.
48. Я и ты, 49. „Смелей, смелей, душа досуга“ — печатаются впервые по рукописи.
50. Азия, 51. „О, Азия, тобой себя я мучу“ — печатаются впервые по рукописи (Гросбух).
52. Навруз труда — напечатано впервые в газете „Красный Иран“ № 66. Персия, от 5-го мая 1921 г.
Навруз — праздник нового года в Персии, куда Хлебников попал весной 1921 г.
53. Пасха в Эйзелн — печатается впервые по рукописи (Гросбух) апрель — май 1921 г. Отрывок в конце „Ноги усталые в Харькове“, записанный на той же странице, возможно является самостоятельным фрагментом.
„Тродкий“ — каюнерская лодка.
Джи-джи — виноградная водка.
54. Кавв-Кувнец — напечатано впервые в литературном листке газеты „Красный Иран“ № 74, от 15 мая 1921 г. Материалом к этому стихотворению послужила легенда о

Кавэ и плакат художника Доброковского. (Сообщил Р. П. Абиx).

55. Иранская песня — напечатано впервые в литературном листке газеты „Красный Иран“ № 84 от 28 мая 1921 г. Позже перепечатано в „Лефе“ № 3 за 1923 г., текст дан по „Лефу“. Кроме этого текста имеются два варианта: один в Гросбухе, другой опубликован А. Крученых в „Неизд. Хлебникове“ № 8. Приводим разночтения рукописного варианта Гросбуха с печатным текстом:

- 1 стр. Как по берегу Ирана
- 2 „ Уху жарят и пожаривают
- 14 „ Братвой облака удалого
- 15 „ Что-же скатерть самобранка
- 19 „ Верю сказке наперед
- 20 „ Прежде сказка — станет былью
- 27 „ Или все мои права
- 30 „ Каменей их веки речка.

56. Испаганский верблюд — напечатан в сб. „Стихи“ по рукописи, хранящейся у Р. П. Абиxа. Датировано 5/VII-21 г. Решт. Отрывок „Раньше из Ганга священную воду“ примыкает к этому стихотворению, но датирован 5/VI-21 г. Медный верблюд, упоминаемый в стихотворении, находился на письменном столе Р. П. Абиxа. К этому стихотворению Хлебников написал следующий комментарий:

„Почерк писателя настраивает душу читателя на одно и то же число колебаний. Задача переносить груз чисел колебания из одной души в другую выпала на долю одного испаганского верблюда, когда он пески пустыни променял на плоскость стола, живое мясо на медь, а свои бока распилал веселыми ханум, не боящимися держать в руках чаши с вином. Итак, находясь у тов. Абиxа, верблюд обречен носить на горбах равенство основного душевного звука в душе писателя и душе читателя. А³ — освобожденная личность, освобожденное „я“. Хабих по-германски — орел; орел Хабих летит в страну Азии, построивший свободную личность, чего они до сих пор не сделали, а делали приморские народы — греки, англичане“.

57. Дуб Персии — напечатано в журнале „Искусство“ №№ 2, 3. Баку 1922 г.

Маздок — проповедник, глава религиозной секты и вождь народного движения в Персии конца V в. н. э., близкого по своим идеалам к утопическому коммунизму.

58. „Ручей с холодной водой“ — напечатано в сб. „Стихи“, здесь печатается по рукописи (Гросбух). Написано Хлебниковым, повидимому, по возвращении из Персии в августе 1921 г.

59. „Ра — видящий очи свои“, 60. „Где запахом поют небесные вонилья“, 61. „Э — э! ы — ым! — Весь в поту“, 62. „Где засыпает невозможность на ладонях поучения“, 63. „В тяжелых сапогах“, 64. „Завода слова духовенство“ — печатаются впервые по рукописи (Гросбух).

Купеиы — ландыши.

Зёры — зоркие глаза.

Зины — глаза (в стих. „Ра“).

65. „Детуся! Если устали глаза быть широкими“ — напечатано в сб. „Стихи“, датировано 13/IX-21 г. Есть рукописный вариант в Гросбухе.

66. Воля всем! — напечатано было в газете „Красный воин“.

67. Союзу молодежи — напечатано в „Правде молодежи“ 1921 г.

68. „В щеки и очи“ — печатается впервые по рукописи (Гросбух).

69. Сестры молнии. (1. Разговор молний, 2. Страстная площадь, 3. Сестры молии) — печатается впервые по рукописи. Писались в разное время, первоначальные наброски относятся к еще дореволюционному времени, к 1915 — 16 г. Последняя часть „Сестер молний“, записанная в Гросбухе, датирована 2-ым октябрём 1921 г.

На рукописи первых двух частей („Разговор молний“ и „Страстная площадь“), переданных В. Хлебниковым в начале 1919 г. Р. Якобсону, была сделана следующая надпись:

Сестры молнии.

1-е действие — Разговор молний.

2-е действие — Смерть коня.

3-е действие — Распятие.

4-е действие — Переселение душ.

Первоначальная редакция „Страстной площади“ — „Распятия“ относится к 1915-16 г.г. „Смерть коня“ или „Конь“ упоминается в черновых записях Хлебникова, но редакция нашла в черновиках (в Гросбухе) лишь одно стихотворение, по теме и по смыслу подходящее к этому заглавию и относящееся повидимому к 1919-20 г.г. Это стихотворение: „Чу, вашумели вдруг облака“ — началом которого повидимому является „Верую, пели пушки и площади“, помещаемое редакцией постому непосредственно вслед за поэмой „Сестры-молнии“. Третья часть — „Сестры-молнии“, написанная в 1921 г., по смыслу соответствуют четвертому действию первоначального плана („Переселение душ“). Повидимому „Сестры молнии“ в пятигорской записи 1921 г. восстанавливались Хлебниковым по памяти и потому в некоторых случаях повторяют отдельные стихи первой части, написанной вероятно около 1918 г. („Разговор молний“). Приводим варианты конца (возможно, продолжения) „Сестер-молний“ пятигорской записи (в Гросбухе), параллельные основному тексту:

Кто будет размышлять
Своим белым скорбным челом до зари,
Его я стану приучать
Быть пламени „гори!“
Я за вечерним самоваром
Ложкой стучая в стакан.
Я оденусь земли шаром
Уеду в небостан.
А я ночной сторож.
А я толпой, где сто рож.
Я полечу за урожаем
На солнечные пятна.
Мы молодеем и свежаем,
А после на попятный.
Игре сынов земли мятеж дай!
Люди мы носим вас нашей одеждой.
Я буду кудрявою нитью чахотки,

Я город насекомых,
Лицом деревенской молодки.
Чумным на соломах,
Чумною палочкой.
А я русалочкой.
Я чаном с ядом
Лечу к усладам.
А я болезнью, чьи союзники
Крысы, суслики и мухи.
Толпой стрекоз,
Боченком водки,
Купавами около лодки
У нищего певца.
Где дважды голубое,
Однажды алое
На пухлой лепешке.
Старуха будет по каплям капать
И бить лбом в паперть.
Я судорога чумных
После смерти.
Я милыми губками,
Я хохотушка.
А люди черти.
Я босоножка.
Я женщина с покупками.
Я нож кровавый, на вершок
Он в сердце был.
Я с голубым цветком горшок,
А имя я забыл.
Милая, ты поделий его скорей!
Над государством пискарей
Буду бедствия рогом.

70. „Верую, пели пушки и площади“ — 71. „Чу! Зашумели вдруг облака“ — печатаются впервые по рукописи. „Верую, пели пушки“ частично было напечатано в „Лефе“ № 3, полностью опубликовано в „Неизд. Хлебникове“ № 17. Здесь печатается по окончательной белой рукописи Хлебни-

кова. Первоначальная редакция записана в Гросбухе повидимому в 1920 г. „Чу! зашумели...“ представляет собой вероятно продолжение „Верую пели пушки...“, так как в Гросбухе является непосредственным продолжением „Верую...“. В перебеленной редакции до нас дошло только „Верую...“.

72. „Как стадо овец мирно дремлет“. — 73. „На родине красивой смерти Машуке“ — печатаются впервые по рукописи. „На родине красивой смерти...“ речь идет о дуэли Лермонтова у подножья Машука.

74. Осень — напечатано в „Красной Нови“ № 8 за 1927 г. Написано Хлебниковым в Пятигорске скорее всего в самом начале ноября 1921 г.

75. „Воздух расколот на черные ветки“ — печатается впервые по рукописи. Датировано 7/IX-21 г.

76. „Сегодня Машук, как борзая“ — напечатано в сб. „Стихи“, датировано 7/IX-21 г.

77. Море — печатается по рукописи впервые, датировано 9/IX-21 г. Хлебников использовал в этом стихотворении многочисленные диалектизмы и морские термины.

Кот ора — судно, род барки.

Ямуры — ямы.

Поморы — жители поморья.

Мазуры — матросы на промысловом судне.

Кукорач — на корточках, на четвереньках.

Морцо — залив, отделенный пересыпью.

Крутель — обрыв, утес, скала.

Дзыга — кубарь, вертушка.

Моргует — пренебрегает, причудничает.

Ваража — созвездие, яркая группа звезд.

Оханный — весьма маленький.

Белага — летник, белый полотняный кафтан.

Кокон — резное украшение на коньке избы.

Шиганит — шалит (шига — ветрогон, шалуи).

Корог — нос судна.

Ошкуй — белый медведь.

Отеть — лентяй, лежебока.

Диль — новая рыболовная сеть.

Неман — немь (офенское сл.) — конец, предел.

78. Голод, 79. „Трубите, кричите, несите!“ — напечатаны в „Красной Нови“ № 8 за 1927 г. Написаны осенью 1921 г. во время пребывания Хлебникова в Пятигорске. „Голод“ датирован 7/X-21 г., в „Красной Нови“ напечатан под заглавием „Почему?“. В рукописи сохранилось несколько черновых вариантов этого стихотворения.

80. Три обеда — печатается впервые по рукописи (Гросбух) Вариант был напечатан в сб. „Стихи“, датировано 13/X-21 г. Повидимому стихотворение это не закончено и недоработано.

81. „Народ отчаялся. Заплакала душа“ — печатается по рукописи. Вариант был напечатан в сб. „Стихи“.

82. Волга! Волга!“, 83. „Это парус рекача“

84. „Какой остряк, какой повеса“ — печатаются впервые по рукописи; повидимому относятся к концу 1921 г.

85. „Народ влачил свои судьбы по Волге“, — печатается впервые по рукописи (Гросбух).

Балмашов — (в рукописи Балашов) — Балмашов Ст. В (1882—1902) — революционер-террорист, убивший министра внутр. дел Сипягина в 1902 г. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

86. „Судьба закрыла сон с зевком“ (начало датировано 21/X, конец 25/X-21 г.), 87. „Пусть пахарь, покидая борону“, 88. Кусок — (7/XI-21 г.), 89. Дерево, 90. „Облако с облаком“, 91. „На глухом полустанке“ (14 XII-21 г.), 92. „Где волосы, развеянные сечью“, 93. „Невольничий берег“ — печатаются впервые по рукописям. Калуга (в стих. „Кусок“) — цветы, желтоголовник.

Хайры — полустанок на дороге от Ростова к Пятигорску.

94. Прачка (Горячее поле) — печатается впервые по рукописи. Написано в начале ноября 1921 г., (судя по дате — 1 ноября 1921 г. на обороте рукописи). Эта поэма Хлебниковым не была отделана и закончена, возможно потому, что послужила материалом, из которого выросла поэма „Настоящее“, писавшаяся одновременно с нею. Повидимому Хлебников в начале предполагал ряд поэмы о революции объединить в одну эпопею. Частями ее (впрочем, совершенно самостоятельными) и должны были быть „Горячее поле“ и „Настоящее“. В руко-

писях Хлебникова остался набросок плана, „костяка“ этой эпопеи: „Столица. Горячее поле. Речь. Великий князь. Прачка. Разин (?). Кол неба“.

Хотя отдельные фрагменты „Горячего поля“ повторяются в „Настоящем“, тем не менее поэма представляет большой самостоятельный интерес, поэтому редакция включила ее в 3-й том, несмотря на черновой характер. Рукопись написана повидимому одновременно, „в один присест“, крайне неразборчиво на листочках с оторванными краями, многие слова и строки недописаны или стерлись, сбоку и над текстом многочисленные вставки, ряд фрагментов и главок зачеркинут. Ввиду этого чтение текста дано предположительным, каким оно было несомненно и для самого Хлебникова, обычно лишь в окончательной редакции отбирившего варианты, сокращавшего и отделявавшего свои вещи. Кроме этого полного первоначального текста, имеются более законченные варианты отдельных частей, которые и использованы редакцией. В рукописи поэма озаглавлена „Прачка“, но в черновых записях Хлебникова постоянно повторяется заглавие „Горячее поле“.

Горячее поле — городская свалка в дореволюционном Петербурге, находившаяся на окраине города. Свозившиеся туда мусор и навоз перегнивали, благодаря чему это поле было „горячим“ и дымившимся. В этом теплом мусоре и навозе ютилась городская беднота.

95. Настоящее — вышло отдельным изданием (М. 1926 г.) Здесь печатается по белой рукописи. Черновая редакция датирована 7/II — 11/II-21 г. В поэме „Настоящее“ Хлебников использовал народные песни и частушку К м о т р — кум.

96. „З в ы з . . . ж ж а“ — печатается впервые по рукописи. Есть надпись Хлебникова: „Решил пожертвовать в пользу голодающих 28/II; повидимому, в 1922 г.“

97. Морской берег — печатается по рукописи. Опубликовано в „Неизд. Хлебникове“ № 17. Черновой вариант датирован 22/I-22 г. Здесь Хлебников пользуется новыми словообразованиями из корней слов.

98. Н о ч и о й б а л — печатается по рукописи. Написано вероятнее всего в начале 1922 г. Печаталось в „Звезде“ № 9 за 1927 г. и в „Нахлебниках Хлебникова“ (М. 1927 г.).

99. Москва будущего — печатается впервые по рукописи. Бортень — пустой улей, колода, подвязываемая к дереву.
- 100 „И позвоночные хребты“ — напечатано в сб. „Стихи“.
101. Бурлюк — печатается впервые по рукописи, написано вероятно в ноябре 1921 г. Давид Бурлюк — поэт и художник, один из создателей русского футуризма.
102. Крученных — печатается впервые по рукописи; написано одновременно с „Бурлюком“. А. Крученных — поэт футурист.
103. Признание — печатается впервые по рукописи.
104. „Если я обращу человечество в часы“ — помещено в литограф. „Вестнике Велимира Хлебникова“ № 1 — написано 28/1-1922 г.
105. Отказ.
106. „Ну, тащися, Сивка“ — напечатано в „Досках Судьбы“, лист 3-й (М. 1922 г.), с дополнением двух строк, не имеющих в рукописи:
„Очи Перуна
Я продырявил в рогоже столетий“.
- Датировано 2/II-22 г. Приписка в конце „А, Вова!“ зачеркнута. Вова — В. Маяковский.
107. Будущее, 108. Не шалить! (1922 г.), 109. Обед.
110. Я и Россия, 111. „Я видел юношу пророка“ — напечатаны в сб. „Стихи“.
112. „Я вышел юношей один“ — печатается впервые по рукописи.
113. Одиноким лицеведей, 114. Из будущего — напечатаны в сб. „Стихи“.
115. „Святче божий“, 116. „Нечортиком масляничным“, 117. Всем — написаны в мае-июне 1922 г. в деревне Санталово, незадолго перед смертью. Первые два напечатаны в сб. „Стихи“, „Всем“ напечатано в брошюр в „Нахлебники Хлебникова“ (М. 1927 г.).
118. Заигези — печатается по рукописи. Издано в 1922 г. М. „Зангези“ собран-решен 16 января 1922 года. (Запись В. Хлебникова). Здесь собраны самые разнообразные вещи, написанные повидимому за время с 1920 по 1922 год. Так, например „Горе и смех“ написано, судя по пометке Хлебникова, 20/VI-20 г.

Костяк „Зангези“ несколько раз намечался Хлебниковым и предполагал различные варианты. Например:

1. Толпа собирается.	1. Птицы.
2. Проповедь.	2. Эль.
3. Море.	3. Конь.
4. Игра копья	4. Сестры.
5. Экстаз.	5. Горе и смех.
6. Смерть.	6. Море.
7. Рукопись математики.	7. Ст. Разин.
8. Философия.	8. Рукопись.

П. В. Митурич указывает, что первоначально В. Хлебников хотел включить вместо „Горе и смех“ — „Ночной обыск“. В одной из черновых записей В. Хлебников перечисляет, какие именно виды поэтического языка им были использованы в „Зангези“:

1. „Звукопись“ — птичий язык.
2. Язык богов.
3. Звездный язык.
4. Заумный язык — „плоскость мысли“.
5. Разложение слова.
6. Звукопись.
7. Безумный язык.

Текст дан по рукописи В. Хлебникова, с оставлением тех изменений, которые им самим сделаны в корректуре при печатании. В. Хлебников подготовлял „Зангези“ к печати и редактировал совместно с П. В. Митуричем, указания которого использованы редакцией.

Последняя реплика Зангези в конце вещи отсутствует, она добавлена была лишь в корректуре.

И в е р н и — клейма на ушах коня.

Имена богов смотреть в I и IV томах.

И с к е р — столица Сибири, завоеванная Ермаком в 1581 г.

ПОПРАВКИ В 2-М ТОМЕ

Стран.	Строка	Напечатано:	Надо читать:
31	11 снизу	Перуя толкнул разгне- ванно...	Перуя толкнул разгне- ванно Христа,
45	5 снизу	Закрывающие ноги тканью на землю.	Закрывающие ночи тканью на землю
77	2 снизу	Я думал, что заниматься числами над бедной бесподовно.	Я думал, что заниматься числами над бедною подовно.
196	2 снизу разделила	Отважно ноги разделила

СОДЕРЖАНИЕ

„Годы, люди и народы“	7
Воспоминания	8
Сув	9
Из поэмы „Марина Мнишек“	10
Перун	12
„Веко к глазу прилепленно приставив“	16
„Только мы, свернув ваши три года войны“	17
„Народ поднял верховный жезел“	24
„Моиx друзей летели сонмы“	25
„Ветер — пенне“	26
„Я видел“	27
„Москва — старинный череп“	28
„В этот день голубых медведей“	29
„Весеннего Корана“	30
„Весны пословицы и скороговорки“	31
Каменная баба	32
Саян	36
Моряк и поец	39
Мои походы	42
Осенняя	43
„И черный рак на белом блюде“	44
Кормление голубя	45
„Я видел, бабр сидел у рошн“	46
„Полужелезная изба“	47
Праздник труда	53
Современность	56
„Над глухонемой отчизной: „Не убей!“	57
„Он город, старой правдой горд“	59
„О город, тучсед“	61
Город будущего	63
Горные чары	66
Единая книга	68
Слово о Эль	70
„Леляною ночи, леляною грусти“	73

Царапина по небу	75
„Мощные, свежие до нага“	87
„Опять чугунный кипяток“	89
Молот	90
Влом вселенной	93
Смерть будущего	100
„Воеет судьба улюлю!“	102
„В этот день, когда вянет осеннее“	103
„Сыновеев ночей синева“	104
Зачем в гляделках незабудки?	105
„Точит деревья и тихо течет“	106
Предместье.	107
„Русь, зеленая в месяце Ай“	112
Я и ты	115
„Смелей, смелей, душа досуга“	118
Авия.	122
„О, Азия, тобой себя я мучу“	123
Навруз труда	124
Пасха в Эизелн	126
Кавв-кузнец	128
Иранская песня	130
Испаганский верблюд	132
Дуб Персии	134
„Ручей с холодной водой“	135
„Ра — видящий очи свои“	138
„Где запахом поют небесные вонилья“	139
„Э-э! ы-ым! — весь в поту“	141
„Где засыпает невозможность на ладонях поучения“	143
„В тяжелых сапогах“	144
„Завода слова духовенство“	146
„Детуся! Если устали глаза быть широкими“	149
Воля всем!	150
Союзу Молодежи	151
„В щеки и очи“	153
Сестры-молнии:	
1. Разговор молний	155
2. Страстная площадь	159
3. Сестры-молнии.	163

„Верую, пели пушки и площади“	171
„Чу! зашумели вдруг облака шумом и свистом“	174
„Как стадо овец мирно дремлет“	178
„На родине красивой смерти Машуке“	181
Осень	183
„Воздух расколот на черные ветки“	186
„Сегодня Машук как борзая“	187
Море	188
Голод	191
„Трубите, кричите, несите!“	194
Три обеда	195
„Народ отчаялся Заплакала душа“	199
„Волга! Волга!“	200
„Это парус рекача“	202
„Какой остряк, какой повеса“	206
„Народ влачил свои судьбы по Волге“	213
„Судьба закрыла сои с зевком“	215
„Пусть пахарь, покидая борону“	216
Кусок	218
Дерево	224
„Облако с облаком“	226
„На глухом полустанке“	228
„Где волосы, развеянные сечью“	229
„Невольничий берег“	230
Прачка. (Горячее поле)	232
Настоящее	261
„Звыз . . . жжа!“	279
Морской берег	281
Ночной бал	284
Москва будущего	286
„И позвоночные хребты“	288
Бурлюк	289
Крученных	292
Признание	293
„Если я обращу человечество в часы“	295
Отказ	297
„Ну, тащися, Сивка“	298
Будущее	300

Не шалить!	301
Обед	302
Я и Россия	304
„Я видел юношу пророка“	305
„Я вышел юношей один“	306
Одинокий лицедей	307
Из будущего	308
„Святче божий“	309
„Не чортиком масляничным“	311
Всем	313
„Еще раз, еще раз“	314
Зангези	315

